

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

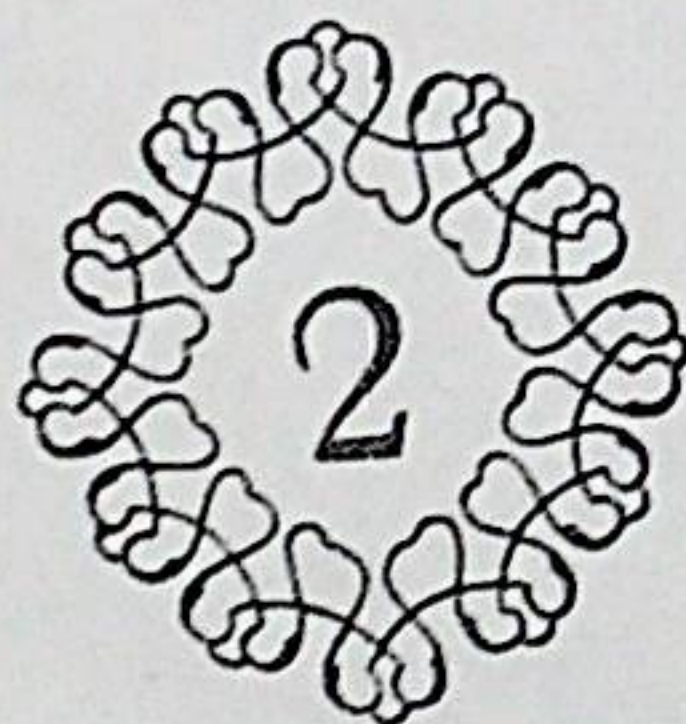
2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ 1956

В. И. ЛЕНИН

НОВЫЙ ЭТАП СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КИТАЕ

В. Я. СИДИХМЕНОВ

С победой народной революции в октябре 1949 г. полуфеодальное и полуколониальное общество в Китае было ликвидировано, и китайский народ вступил в новую полосу своего исторического развития — в период перехода к социалистическому обществу. Особенность и своеобразие переходного периода в Китае состоят прежде всего в том, что этот переход происходит в стране, где капиталистические производственные отношения были крайне незрелыми и, следовательно, отсутствовала достаточная материальная база для социализма в виде крупной промышленности, а империализм сковывал развитие производительных сил и, в частности, национальной промышленности.

Особенность переходного периода в КНР заключается также и в том, что он совершается на втором этапе общего кризиса капитализма, когда треть человечества сбросила с себя цепи капиталистического рабства, когда страны мира и демократии, и прежде всего Советский Союз, протянули китайскому народу руку братской помощи в строительстве социалистического общества.

* * *

В. И. Ленин предвидел, что все нации придут к социализму неодинаково, что каждая из них внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Ход развития китайской революции полностью подтвердил правильность этих ленинских положений.

Китайская Народная Республика вносит много своеобразия в деле социалистического строительства. На основе завоевания решающих командных высот народно-демократическое государство в ходе развития социалистической революции осуществляет мирное преобразование частной промышленности и торговли и постепенное превращение их в составную часть социалистической экономики¹.

После победы народной революции в Китае народно-демократическое государство национализировало собственность бюрократического капитала, которая оценивалась в 20 млрд. ам. долл. Накануне образования Китайской Народной Республики бюрократическому капиталу принад-

¹ См. Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Изд-во «Правда», 1956, стр. 34.

кулаков. Вот, например, какие социальные группы сложились в деревне провинции Хэйлунцзян после проведения аграрной реформы:

1. *Бедняки* имеют немного земли, кое-кто из них — лошадь, но, как правило, слабосильную. Ввиду нехватки средств производства бедняки не могут самостоятельно вести хозяйство.

2. *Низшие слои середняков* (маломощные середняки) имеют несколько больше средств производства, чем бедняки, но самостоятельно также не могут вести хозяйство, наемную силу не используют.

3. *Зажиточные середняки* в напряженный период сельскохозяйственных работ прибегают к эксплуатации, которая, однако, приносит им не более 15% доходов. Они имеют достаточно рабочих рук и средств производства, чтобы самостоятельно вести хозяйство, живут в достатке.

4. *Новые кулаки* постоянно эксплуатировали наемную рабочую силу, их доходы от эксплуатации составляли более 15%. Кулак в Народном Китае имел три источника обогащения: ростовщичество, спекуляция и эксплуатация батраков. Активность капиталистических элементов в деревне особенно проявляется в таких действиях, как укрытие от государства излишков зернопродуктов, а также в спекуляции и ростовщичестве.

Каким путем государство ограничивает кулацкую эксплуатацию? Известно, что ростовщичество было одной из наиболее распространенных форм эксплуатации крестьян в старом Китае. Кулаки посредством ростовщических ссуд грабили и разоряли крестьян. Теперь государство через широкую сеть кредитной кооперации предоставляет крестьянам ссуды на благоприятных для них условиях и тем самым кладет конец ростовщической эксплуатации крестьян кулаками.

С ноября 1953 г. народное правительство установило систему плановых закупок зерновых продуктов и планового снабжения ими населения, а в сентябре 1954 г. были введены плановые закупки хлопка. Эти мероприятия правительства значительно ограничили спекулятивную деятельность кулаков, а их продовольственные излишки были взяты под контроль государства.

В настоящее время бывшие мелкие помещики и кулаки также принимаются в кооперативы, однако с испытательным сроком. Если они трудятся добросовестно, им присваивается звание кандидата в члены кооператива, а затем — звание члена кооператива, о чем общее собрание членов кооператива выносит специальное решение, утверждаемое уездным комитетом народных представителей.

Получившему землю крестьянину, особенно бедняку и маломощному середняку, как отмечалось выше, самостоятельно вести хозяйство было чрезвычайно трудно ввиду недостатка средств производства. Например, в уезде Шуанчэн (провинция Хэйлунцзян), по личным наблюдениям автора, в результате аграрной реформы каждая бедняцкая и батрацкая семья получила в среднем по одной лошади, здесь же при пахоте в плуг запрягают несколько лошадей (местные лошади очень слабосильны). Сама жизнь заставила крестьян этого уезда объединиться и помогать друг другу. Так возникли бригады трудовой взаимопомощи — добровольные объединения нескольких крестьянских семей для совместного выполнения наиболее трудоемких работ. Коллективный труд в бригадах трудовой взаимопомощи представлял собой зародыш социалистических отношений в сельскохозяйственном производстве.

Постепенно коллективный характер труда пришел в противоречие с частной собственностью на средства производства, которая сковывала развитие производительных сил. Частная собственность членов бригад трудовой взаимопомощи на землю не давала возможности проводить крупные работы по созданию заливных полей, лесозащитных полос,

строительству ирригационных сооружений. Качество работы членов бригады трудовой взаимопомощи, их опыт и знания не учитывались при взаимных расчетах, что порождало мелкобуржуазную уравниловку и снижало заинтересованность крестьян в результатах труда.

Если безлошадные крестьяне использовали на своем поле лошадей, то за это они отработывали на поле их хозяина. Трудовой день безлошадного крестьянина приравнивался к одному дню работы лошади. Каждый крестьянин стремится провести все сельскохозяйственные работы вовремя, чтобы собрать богатый урожай. Однако в бригадах трудовой взаимопомощи безлошадным крестьянам обрабатывали поля в последнюю очередь.

Земля в бригадах трудовой взаимопомощи использовалась неразумно. Часто бывало так, что три-четыре га земли, принадлежавшие одной крестьянской семье, были разбиты на шесть-семь разбросанных участков. Крестьянин возделывал на этих участках все необходимые ему культуры, не учитывая особенностей почвы.

Коммунистическая партия Китая помогла китайскому крестьянину понять, что необходимо перейти к более развитой форме коллективного труда, чем бригада трудовой взаимопомощи, — к сельскохозяйственному производственному кооперативу полусоциалистического типа. Крестьянин в этом кооперативе сохранял право собственности на свою землю, тягловый скот и орудия производства, однако их использование уже определялось не его личными хозяйственными интересами, а единым планом кооператива.

Внесенные в кооператив средства производства считались паем крестьянина, за которые он получал вознаграждение. Так, в кооперативе «Красная звезда» уезда Шуанчэн (провинция Хэйлунцзян) крестьянин ежегодно мог получать за один гектар своей земли от 200 до 240 кг, за одну лошадь — от 700 до 1000 кг, за телегу от 500 до 1000 кг гаоляна и т. д. Таким образом, крестьянин, помимо трудового дохода, имел еще и нетрудовой доход.

При такой системе распределения доходов ущемлялись интересы бедняка и маломощного середняка — они трудились больше, чем зажиточный середняк, но получали меньше последнего. Это не могло стимулировать их труд. С другой стороны, зажиточный крестьянин не стремился выработать больше трудодней, так как надеялся получить немалый доход по паям.

Однако можно ли было при создании кооперативов полусоциалистического типа не считаться с собственностью крестьян и распределять доходы только по труду? Нет, нельзя было этого делать. Китайский крестьянин тысячелетиями вынашивал мечту о своей земле. Поэтому было бы авантюризмом в политике предложить крестьянину отказаться от земли сразу же после аграрной реформы. При организации кооперативов полусоциалистического типа КПК проводила политику защиты крестьянской собственности. Нужно было время, чтобы сам крестьянин на практике убедился в преимуществе коллективной собственности над мелкой крестьянской собственностью.

Кроме распределения доходов по паям были и другие причины, которые задерживали дальнейшее развитие производительных сил в кооперативах полусоциалистического типа. Как правило, эти кооперативы объединяли небольшое число крестьянских семей. Так, например, в провинции Хэйлунцзян в каждой деревне было по четыре-шесть таких мелких кооперативов (по 30—50 крестьянских хозяйств в каждом), земля которых находилась в разных местах, что мешало ее использованию по единому плану кооператива. Невозможно было также более рационально приме-

нять рабочую силу и тягло, так как в одних кооперативах был излишек рабочей силы, а в других — излишек тягла. Слияние нескольких кооперативов полусоциалистического типа в один кооператив полностью социалистического типа (в провинции Хэйлунцзян в каждой деревне, как правило, создавался один кооператив полностью социалистического типа) позволяло увеличить посевную площадь за счет ликвидации межей и объединения отдельных клочков земли в единый массив.

Главное отличие кооператива полусоциалистического типа от кооператива полностью социалистического типа (коллективного хозяйства) состоит в том, что в первом крестьянин, сохраняя за собой свои средства производства, получает за это нетрудовые доходы в виде пая наряду с доходами, распределяемыми по труду. Кооператив же полностью социалистического типа основан на коллективной собственности, а размер доходов крестьянина определяется только количеством и качеством труда. Процесс перехода от кооператива полусоциалистического типа к кооперативу полностью социалистического типа — это процесс превращения крестьянской собственности в коллективную собственность, и он происходит в различных районах страны по-разному. Например, в провинции Хэйлунцзян при организации кооперативов полностью социалистического типа земля без какого-либо выкупа превращается в коллективную собственность, и это не встречает возражения со стороны большинства крестьян. Лошади же и инвентарь выкупаются кооперативом у крестьян в течение трех лет.

Для того чтобы ликвидировать имущественное неравенство крестьян, при вступлении их в кооператив устанавливается пай, размер которого зависит от местных условий. Китайский сельскохозяйственный банк в 1955 г. отпустил 138 млн. юаней, предназначенных для выдачи ссуд беднякам и новым середнякам, которые не могут внести вступительного пая в сельскохозяйственный производственный кооператив⁴.

Вот, например, какой был установлен порядок расчетов при приеме в кооператив полностью социалистического типа «Счастье» (уезд Шуанчэн). Зажиточному крестьянину Бай Вэнь-цзину кооператив должен был по рыночной цене выплатить за три лошади 840 юаней и за телегу — 700 юаней. Но в семье Бай Вэнь-цзина было двое трудоспособных, за которых следовало внести 300 юаней вступительного взноса⁵. Кооператив остался должен Бай Вэнь-цзину 1240 юаней, которые должны быть возвращены в течение трех лет.

Бедняк Шан Ши-куй, не имевший рабочего скота и инвентаря, мог внести только 50 юаней вступительного взноса, остальную часть взноса (100 юаней) он выплатит кооперативу в течение ближайших трех лет. Считается, что за этот период будет ликвидировано имущественное неравенство в кооперативе между бывшим зажиточным крестьянином Бай Вэнь-цзином и бывшим бедняком Шан Ши-куем.

Кооператив полностью социалистического типа является более прогрессивной формой организации коллективного труда. В этом китайские крестьяне убедились на собственном опыте.

Коммунистическая партия Китая ставит задачу не только завершить в ближайшее время кооперирование в сельском хозяйстве, но и организационно и хозяйственно укрепить кооперативы. С этой целью Политбюро ЦК КПК разработало проект «Основных положений плана развития сельского хозяйства КНР на 1956—1957 гг.».

⁴ «Жэньминьжибао», 19 июня 1955 г.

⁵ Крестьянин при вступлении в кооператив должен внести вступительный взнос в размере 150 юаней (женщины освобождены от вступительного взноса).

Этот проект ставит перед китайским народом следующие задачи: кооперирование сельского хозяйства, увеличение производства сельскохозяйственных культур и проведение различных, связанных с этим мероприятий, в частности, лесопосадок и озеленения, развитие животноводства, рыболовства и рыбоводства, а также ликвидация неграмотности, создание начальных школ, расширение радиосети, развертывание культурно-просветительной работы и физкультурного движения, развитие здравоохранения в деревне, улучшение жилищных условий, трудоустройство в деревне городских безработных. Проект представляет собой грандиозную программу развития сельскохозяйственных кооперативов и сельскохозяйственного производства в Китае на длительный период.

* * *

Последовательность в проведении социалистических преобразований соблюдается также и в кустарной промышленности, которая в экономике Китайской Народной Республики занимает большое место. О значении кустарного производства можно судить хотя бы по тому, что 60—70% промышленных товаров, необходимых для крестьян, изготавливается кустарной промышленностью. Кустарная промышленность еще долго будет играть важную роль в жизни страны, так как современная промышленность не сможет в ближайшее время в полной мере удовлетворить нужды потребителя.

В Конституции КНР имеется специальная статья, где говорится, что государство направляет усилия кустарей-единоличников на улучшение их хозяйственной деятельности, помогает им в этом и поощряет их объединение на добровольной основе в производственные и снабженческо-сбытовые производственные кооперативы. Социалистические преобразования кустарной промышленности проводятся в следующей последовательности.

1. *Производственные группы или артели кустарей* организуются с помощью снабженческо-сбытовых или потребительских кооперативов. Они организовано приобретают сырье или полуфабрикаты в снабженческо-сбытовых и потребительских кооперативах или у государственных предприятий, которым продают готовую продукцию. Работают такие кустари или индивидуально или коллективно своими орудиями производства. Организация производственных групп или артелей кустарей дает возможность кустарям избавиться от эксплуатации со стороны частных торговцев и перекупщиков.

2. *Снабженческо-сбытовой производственный кооператив кустарей* объединяет несколько производственных артелей или групп, деятельность которых координируется снабженческо-сбытовым производственным кооперативом. Основная часть средств производства попрежнему остается собственностью кустарей. Другая часть средств производства в виде пассивных взносов членов кооператива поступает в общее пользование. При распределении доходов часть их направляется в общественный фонд, который используется для приобретения новых средств производства.

Эти кооперативы, в которых большая часть средств производства еще является частной собственностью его членов, имеют полусоциалистический характер. Распределение прибыли происходит как по внесенным паям, так и по затраченному труду.

3. *Производственный кооператив кустарей полностью социалистического типа* является высшей формой организации кустарей. В таком кооперативе кустари работают в одном месте, вне своего дома. В коопера-

тивах этого вида основные средства производства являются коллективной собственностью всех его членов. Полученная прибыль полностью распределяется между членами кооператива по количеству затраченного ими труда.

Кустари-одиночки, убеждаясь в преимуществе коллективного труда, охотно вступают в кооперативы. К концу декабря 1955 г. в стране уже было более 70 тыс. кустарных производственных кооперативов, объединявших свыше 2 млн. из 7 млн. 850 тыс. всех кустарей страны, или более 25%. К 1957 г. социалистическое преобразование кустарной промышленности в основном будет завершено⁶.

* * *

В Конституции Китайской Народной Республики говорится, что в отношении капиталистической промышленности и торговли государство проводит политику их использования, ограничения и преобразования, которая предполагает постепенную замену собственности капиталистов общенародной собственностью. Почему в Народном Китае проводится не политика немедленной экспроприации национальной буржуазии, а политика ее использования, ограничения и преобразования?

Проникновение иностранного капитала в Китай и развитие в стране капиталистических отношений вызвали к жизни китайскую буржуазию, которая, однако, была неоднородна по своему составу. Компраторская буржуазия, выступая как агент-посредник между китайским рынком и иностранным капиталом, была проводником политики империализма в Китае. Национальная (средняя) буржуазия занимала в китайском обществе несколько иное положение. Как указывал Мао Цзэ-дун, цель проникновения империалистических держав в Китай заключалась не в том, чтобы превратить феодальный Китай в капиталистический, а в том, чтобы сделать его своей колонией. Китайская национальная буржуазия постоянно испытывала на себе давление со стороны империализма; ее развитие было сковано также путами феодализма внутри страны. Вот почему между национальной буржуазией, с одной стороны, империализмом и феодализмом, с другой стороны, существовало противоречие, которое толкало ее в известные периоды на революционные выступления, хотя национальная буржуазия и не могла быть последовательной в революции.

После победы революции национальная буржуазия сохранила сравнительно сильные экономические позиции. Так, например, по неполным данным, в 1953 г. в Китае насчитывалось свыше 200 тыс. частных промышленных предприятий, на которых было занято более 2 млн. рабочих и служащих. Продукция этих предприятий составляла 38% всей промышленной продукции страны⁷. Капиталистический сектор занимал довольно большое место в текстильной, спичечной, резиновой, бумажной, трикотажной, пищевой, металлообрабатывающей, химической и других отраслях промышленности.

Вышеуказанные причины обусловили необходимость после победы народной революции в течение сравнительно длительного периода как можно полнее использовать положительные стороны капиталистической

⁶ См. Политический доклад Чжоу Энь-лая на второй сессии Всекитайского комитета НП КСН 30 января 1956 г. «Дружба», 11 февраля 1956 г.
⁷ «Использование, ограничение и преобразование капиталистической промышленности». «Дагуанбао», 7 сентября 1955 г.

промышленности и торговли для экономического развития страны. Эти положительные стороны состояли прежде всего в том, что капиталистическая промышленность и торговля давали возможность расширить снабжение населения промышленными товарами, ускорить накопление средств для индустриализации страны (путем взимания налогов и обязательного создания на частных предприятиях фондов для расширения производства), увеличить товарооборот, сохранить занятость рабочих в производстве. Таковы были положительные стороны капиталистической промышленности и торговли, которые использовались государством.

Однако, как отмечалось выше, капиталистическая промышленность и торговля имеют и свои отрицательные стороны. На капиталистических предприятиях существует эксплуатация человека человеком, снижающая заинтересованность рабочих в производстве; капитализму свойственна анархия производства, которая нарушает плановое руководство производством и распределением со стороны государства, нерациональные формы управления предприятием. Отрицательная роль капиталистической промышленности и торговли ограничивалась государством. Но для окончательной ликвидации капиталистической эксплуатации необходимо в конечном итоге заменить собственность капиталистов общенародной собственностью.

Социалистическое преобразование капиталистической промышленности и торговли в Китае осуществляется путем превращения частных предприятий в государственно-частные. В условиях народно-демократического строя госкапитализм — это прежде всего экономическое сотрудничество и борьба государства с капиталистическим сектором хозяйства, причем руководящая, направляющая роль в этом сотрудничестве принадлежит государству. Госкапитализм дает возможность капиталистам известное время получать прибыль и играть определенную положительную роль в экономическом строительстве страны, вместе с тем он не позволяет капиталистам вести хозяйство только в интересах получения прибыли и наносить ущерб народной экономике.

В промышленности Китая имеются три формы государственного капитализма: низшая, средняя и высшая⁸. До 1951 г. в КНР преобладала низшая форма госкапитализма (закупка государством продукции частных предприятий). После 1951 г. она начала уступать место средней форме (государство предоставляет полуфабрикаты или сырье для переработки частным предприятиям, а последние отвечают за изготовление товаров, поступающих в распоряжение государства). Уже в первой половине 1955 г. большинство частных предприятий было преобразовано в предприятия средней формы госкапитализма. Однако при всех положительных качествах этой формы госкапитализма она имеет много теневых сторон. При средней форме госкапитализма предприятие все еще находится в руках капиталистов, которые ведут хозяйство капиталистическими методами, невозможно разрешить противоречия между трудом и капиталом, между интересами общества и личными интересами капиталистов. Разрешение этих противоречий требует перехода от средней к высшей форме госкапитализма.

Высшей формой госкапитализма в промышленности является совместное управление предприятиями государством и частным капиталом. Государство вкладывает свои капиталы в частные предприятия и посылает туда своих представителей для совместного с капиталистами управления этими предприятиями. Таким путем осуществляется сотрудниче-

⁸ Подробнее о формах государственного капитализма в промышленности КНР см. статью Ли Вэй-ханя «Временное положение о промышленных предприятиях со смешанным управлением» в журнале «Советское востоковедение», 1955, № 4.

ство между социалистическим и капиталистическим секторами внутри предприятия, причем социалистическому сектору принадлежит руководящая роль. Высшая форма госкапитализма вносит большие качественные изменения в производственные отношения на предприятиях. Предприятие из частного превращается в государственно-частное. Хотя на нем и сохраняются права капиталиста и соблюдаются его интересы, капиталист уже не является собственником предприятия. Исключается возможность вести дело чисто капиталистическими методами, сущность которых заключается в погоне за высокой прибылью. Цель производственной деятельности предприятия состоит в удовлетворении нужд населения и в выполнении государственных планов. Рабочие становятся заинтересованными в расширении производства, повышается их трудовая активность. В первую пятилетку большая часть всех частных промышленных предприятий будет переведена на рельсы высших форм госкапитализма⁹.

Предприятия, совместно управляемые государством и частным капиталом, являются предприятиями полусоциалистического типа. Однако на государственно-частных предприятиях, несмотря на все их преимущества перед низшей и средней формой госкапитализма, все же существуют противоречия между социалистической и капиталистической собственностью. Для того чтобы подготовить условия для замены капиталистической собственности, социалистические элементы на этих предприятиях должны неуклонно развиваться и усиливать свое влияние. Жизнь показала, что высшая форма госкапитализма является наиболее приемлемым способом перехода от капиталистических к социалистическим производственным отношениям.

Формы госкапитализма в торговле имеют некоторые свои особенности. Известно, что после того, как страна приступила к плановому экономическому строительству, покупательная способность населения стала быстро расти, поэтому на рынках по некоторым видам товаров предложение не стало удовлетворять спроса. Наличие свободного рынка в стране давало возможность спекулировать на рыночных ценах, что наносило большой ущерб жизненным интересам народа. Для пресечения подобных явлений государство постепенно превратило свободный рынок в рынок организованный, что позволяет перейти к планомерному удовлетворению потребностей населения. Государственные и кооперативные торговые предприятия постепенно заменили собой крупные частные оптовые торговые предприятия, взяли под свой контроль источники поступления товаров. Как говорилось выше, в 1953 г. государство установило систему плановых закупок зернопродуктов, пищевых жиров и плановое снабжение ими населения, в 1954 г. были введены плановые закупки хлопка и хлопчатобумажных тканей и плановое снабжение населения хлопчатобумажными тканями. Таким путем оптовая торговля зернопродуктами, пищевыми жирами и хлопчатобумажными тканями целиком перешла в руки государства, а частные розничные магазины, которые продают эти товары, уже полностью перешли на рельсы госкапитализма.

Госкапитализм в области торговли также имеет три формы. Низшая форма — частные магазины покупают товары у государства и продают их по установленным государством ценам. В этом случае частные магазины получают разницу между оптовыми и розничными ценами (от 50 до 10%). Средняя форма — государство поручает частным магазинам продавать свои товары на определенных условиях по договору, в котором предусматривается цена, качество и номенклатура товаров, а также

районы их реализации. При средней форме разница между оптовыми и розничными ценами меньше, чем при низшей форме, государство может более планомерно направлять деятельность частных торговцев. Третья форма — смешанные государственно-частные предприятия. В них государство занимает руководящее положение. Оно может, исходя из потребностей населения, планировать размещение торговых предприятий по своему усмотрению.

Особенность социалистических преобразований капиталистического сектора, проводимых в настоящее время, состоит в том, что теперь по всей стране происходит превращение всех или большей части предприятий капиталистической промышленности и торговли в предприятия государственно-частные, т. е. низшая и средняя форма государственного капитализма уступила место высшей форме госкапитализма.

В движении за преобразования капиталистического сектора ведущее место занял Пекин — столица Китайской Народной Республики, где в начале января нынешнего года завершено превращение всех частных промышленных и торговых предприятий в смешанные государственно-частные. Были проведены социалистические преобразования капиталистической промышленности и торговли также и в других крупных городах Китая.

К 20 января нынешнего года все частные промышленные и торговые предприятия Шанхая были превращены в государственно-частные. Это — огромная победа китайского народа, ибо ни в одном другом городе страны не были так сильны капиталистическая промышленность и торговля, как в Шанхае. По данным за 1954 г., в Шанхае было сосредоточено 20,8% всех частных промышленных и торговых предприятий страны, а продукция частных промышленных предприятий этого города составляла в стоимостном выражении 41,8% всей продукции частных промышленных предприятий страны.

К концу января 1956 г. доля частной промышленности в общем объеме промышленной продукции Китая составляла только 2% против 16% в прошлом году¹⁰.

Мирное преобразование капиталистической промышленности и торговли основано на общеизвестных теоретических положениях марксизма о возможности при известных условиях мирного перехода от капитализма к социализму. В. И. Ленин, опираясь на высказывания Маркса, в своей работе «О продовольственном налоге» писал, что рабочий класс, придя к власти, вовсе не откажется от того, чтобы откупиться от буржуазии, чтобы заставить ее мирно подчиниться и организованно перейти к социализму¹¹.

В Китае исторически сложились такие условия, когда рабочему классу целесообразнее всего «откупиться» от национальной буржуазии, т. е. «выкупить» у нее средства производства. Существо выкупа заключается в том, что часть прибыли на смешанных государственно-частных предприятиях идет в пользу их бывших владельцев; государство особых сумм для выкупа средств производства у буржуазии не отпускает. Прежде прибыль на таких предприятиях делилась на четыре части: одна шла государству в форме налога, вторая — на культурно-бытовые нужды рабочих, третья — в общественный фонд на расширение производства, четвертая часть составляла прибыль капиталистов. В таком случае при расширенном воспроизводстве его прибыль постоянно росла, теперь же его прибыль установлена в виде определенной неизменной суммы.

⁹ «Дагунбао», 7 сентября 1955 г.

¹⁰ «Жэньминьжибао», 22 января, 21 марта 1956 г.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 316—317.

В государственно-частных предприятиях капиталист уже не может произвольно распоряжаться своей собственностью, в частности не может продать ее. Это означает, что собственность капиталистов на средства производства, а также эксплуатация ими рабочих в таких предприятиях реализуется лишь в получении ограниченной прибыли. Принимая участие в управлении смешанным предприятием, капиталист уже не может хозяйствовать капиталистическими методами, так как он работает на предприятии лишь в качестве обычного служащего, деятельность которого находится под контролем государства. Все эти мероприятия направлены к тому, чтобы смешанные предприятия постепенно превратить в социалистические, а их бывших владельцев — в людей, живущих за счет своего труда, а не за счет эксплуатации.

Большинство капиталистов и торговцев начинают осознавать, что капиталистический путь развития не имеет перспектив в Китае, что для них остается единственный путь — это путь социалистических преобразований. С другой стороны, государство принимает все меры к тому, чтобы переход к социализму для капиталистических элементов не был бы слишком болезненным. Им не только выплачивают в течение определенного периода установленный процент на паевой капитал, но и предоставляется соответствующая работа. Капиталистические элементы не лишены и политических прав — они наравне со всем народом пользуются избирательным правом, а их дети — правом на образование, включая высшее; государство проявляет также большую заботу об их идеологическом перевоспитании.

«В условиях нашей страны, — указывает Мао Цзэ-дун, — применением мирных методов, то есть методов убеждения, воспитания, не только можно заменить единоличную форму собственности социалистической формой собственности, но также можно заменить капиталистическую форму собственности социалистической формой собственности».

Нельзя, конечно, считать, что преобразование капиталистической собственности в Китае не встречает сопротивления со стороны отдельных капиталистов. Социалистическое преобразование капиталистической промышленности и торговли означает острую классовую борьбу, в которой народному государству приходится преодолевать упорное сопротивление наиболее консервативных элементов буржуазии.

Разбазаривание и утаивание капиталов, разрушение производства, укрытие от государства ценностей, недобросовестное отношение к выполнению государственных заказов и распоряжений — вот далеко не полный перечень антигосударственных действий тех капиталистов, которые выступают против социалистических преобразований. Нет никакого сомнения в том, что диктатура народной демократии имеет достаточно сил для того, чтобы сломить сопротивление консервативных элементов буржуазии.

Китайскому народу предстоит ликвидировать многоукладность экономики, сделать социалистическую собственность на средства производства единственной экономической основой в стране. Это значит, что те формы собственности, которые имеют социалистический характер, будут расти и развиваться, а те формы собственности, которые имеют несоциалистический характер, будут постепенно преобразовываться.

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА НА ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ

Д. ТУМУР-ОЧИР

Действительный член Комитета наук МНР

Отмечая международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин в 1919 г. указывал, что революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой Советской республики против международного империализма. «За периодом пробуждения Востока, — указывал В. И. Ленин, — в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества... Русская революция показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»¹.

Октябрьская социалистическая революция, предоставившая действительную свободу и фактическое равноправие народам России, была первой в мире революцией, которая пробудила от вековой спячки угнетенные народы Востока, облегчила их борьбу против империализма, стала реальным примером возможности освобождения от ига чужеземных и внутренних поработителей. Именно после победы Октябрьской революции громадное большинство населения земного шара (Китай, Индия, Индонезия, Корея, Монголия, Турция, Иран и др.) оказалось втянутым в революционный поток, вступило в борьбу против насилия и гнета империализма.

Советская Россия, провозгласившая последовательную миролюбивую внешнюю политику и построившая свои отношения со всеми народами на основе равноправия, взаимного уважения и дружбы, стала центром притяжения всего прогрессивного человечества, надежным оплотом, защитницей и союзником угнетенных и поработанных народов в их борьбе против империалистического гнета и несправедливости.

Революционизирующее воздействие Советской России с особой силой проявилось в отношении Монголии. Еще в 1919 г. правительство РСФСР

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 139—140.

обратилось к монгольскому народу со специальным воззванием, в котором извещало, что оно уничтожило все тайные договоры и соглашения, заключенные царской Россией с Японией и другими империалистическими государствами относительно Монголии и ущемляющие суверенные права монгольского народа.

Впервые в истории Монголии великая держава — Советская социалистическая Россия — официально признала государственную самостоятельность Монголии и предложила установить с ней равноправные и дружественные отношения. Это был случай, не имевший прецедента в прошлом.

В критический для монгольского народа момент, когда в стране воцарился (при поддержке правящей клики феодалов) режим военной диктатуры белогвардейского барона Унгерна — наймита империалистической Японии, когда территория Монголии превратилась в военностратегический плацдарм империалистического наступления на советское государство, надежды и чаяния трудовых аратов были связаны с победоносной борьбой, которую вел советский народ против общих врагов советского и монгольского народов — империалистических интервентов и белогвардейцев. Именно в ту суровую годину освободительная борьба монгольского народа, принявшая форму вооруженного восстания против чужеземных оккупантов и местных феодалов — предателей национальных интересов страны, слилась с борьбой трудящихся Советской России за ликвидацию японо-белогвардейских банд Унгерна, вторгшихся из России в пределы Монголии и открыто угрожавших из оккупированной и порабощенной ими страны свободе и независимости советского народа.

Монгольская народно-революционная партия, с первых дней своего существования возглавившая борьбу народа за освобождение от гнета империализма и феодализма, явилась знаменосцем братской дружбы и тесного союза монгольского народа с народами Советской России в их общей борьбе против империализма, за мир, демократию и социальный прогресс. Благодаря руководящей роли и активной деятельности МНРП, с самого зарождения ориентировавшейся на поддержку международного рабочего революционного движения, был установлен непосредственный союз между победоносной социалистической революцией в России и монгольской народно-демократической революцией.

Монгольская народная революция, совершившаяся под знаменем ленинизма, привела к изгнанию империалистических захватчиков из пределов Монголии, к свержению феодального строя и превращению ее в резерв и союзника мировой социалистической революции.

Революцию 1921 г. в Монголии подготовили глубокие социально-экономические и политические причины. Как известно, дореволюционная Монголия была отсталой феодальной и колониальной страной, где господствовала ламаистская теократия. Основной отраслью народного хозяйства Монголии было экстенсивное малопродуктивное кочевое животноводство. Оно в своей подавляющей части было хозяйством натуральным и велось трудом крепостных аратов, применявших примитивные методы ведения хозяйства. Форма натурального обмена преобладала как во внутреннем, так и во внешней торговле. Товарная часть продукции животноводства не перерабатывалась на месте, а экспортировалась за границу, главным образом на рынки империалистических стран (России, США, Англии и др.). Земледелие не получило развития, если не принимать во внимание незначительных участков, обрабатывавшихся китайскими и русскими поселенцами. Национальной промышленности не было, не было ни национального рабочего класса, ни национальной буржуазии. Отече-

ственное ремесло носило чисто домашний характер, причем оно вытеснялось и подавлялось иностранным капиталом.

Монголия была страной феодальной раздробленности и бездорожья, не имела современных средств транспорта и связи. Крайне слабо было развито экономическое общение между отдельными районами страны. Городов в современном смысле слова фактически не существовало. Так, например, Урга едва насчитывала 40 тыс. жителей, причем около половины составляло духовенство, а четверть — иностранцы. Не было таких городов, которые являлись бы центрами национального ремесленного и промышленного производства и национальной торговли, которые осуществляли бы ведущую роль в отношении аратства. При таких условиях не было и не могло быть сложившегося единого национального рынка. В области внешней и внутренней торговли, финансов и кредита до конца XIX в. и в начале XX в. господствующее положение занимал китайский торгово-ростовщический капитал, который, как показал Маркс, не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и приводит его в жалкое состояние².

Феодальные производственные отношения и хищнические методы эксплуатации иностранного капитала тяжелым гнетом ложились на производительные силы страны, ставили преграду их развитию.

Монгольское общество делилось на два основных антагонистических класса: эксплуататорский класс светских и церковных феодалов и эксплуатируемый класс трудового аратства. За счет жестокой эксплуатации, разорения и ограбления закрепощенного феодалами трудящегося аратства (албату, хамжилга и шабинар) происходило обогащение господствующей кучки феодалов, ламаистской церкви и иностранного капитала, концентрация в их руках подавляющей массы средств производства. Ламаистская церковь, освящавшая религией жесточайшую феодальную эксплуатацию крепостного аратства и проповедовавшая смирение и покорность угнетателям, непротивление злу насилем, отказ от активности и борьбы, являлась средством духовного подавления и порабощения народных масс классом феодалов. Она всегда пользовалась широким покровительством монгольских феодалов. Сотни буддийских монастырей, рассеянных по всей территории Монголии, занимались идеологическим одурманиванием трудящихся.

Многочисленное паразитическое сословие духовенства, наряду с господством иностранных капиталистов, являлось фактором средневекового застоя и разрушения производительных сил Монголии, порабощения и разорения производителей материальных благ.

Класс непосредственных производителей — аратов, изнывавших под двойным гнетом внутренних и чужеземных поработителей, был лишен элементарных человеческих прав, прозябал в нищете, темноте и невежестве.

Победа народной революции была подлинным спасением для нашей страны. Свергнув империалистический и феодальный гнет, народная революция в ходе своего развития и углубления разбила цепи экономического и политического порабощения Монголии иностранным капиталом и покончила с ее многовековой экономической, политической и культурной отсталостью. Монгольская народная революция, главной движущей силой которой было трудовое аратство, не разделила роковой судьбы крестьянских движений в прошлом, когда капиталистическое рабство приходило на смену феодально-крепостническому, а повела страну, минуя капиталистический путь развития, к социализму. Это стало возмож-

² См. К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 610.

ным благодаря победе пролетарской революции в России и соединению монгольской аратской революции с победоносной социалистической революцией. При этом осуществление революционно-демократических преобразований в Монголии проходило по существу без гражданской войны; только иностранный империализм, прежде всего японский, являлся подстрекателем контрреволюционных выступлений феодально-клерикальных элементов на всем протяжении революционного переустройства страны.

На заре монгольской народной революции — в ноябре 1921 г. В. И. Ленин в беседе с членами монгольской делегации, в том числе с Сухэ-Батором, касаясь вопроса о возможности некапиталистического пути развития Монголии, указывал, что «...единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами РСФСР»³.

В деле революционного переустройства страны МНРП опиралась на инициативу, активность и самостоятельность широких народных масс, на их доверие и поддержку, на созданную ими в ходе революции государственную власть в лице хуралов трудящихся аратов. Верховный орган власти в стране — первый Великий Народный Хурал, 26 ноября 1924 г. провозгласивший Монголию народной республикой, принял Конституцию МНР, которая подвела итоги пройденного периода революции и наметила задачи дальнейших демократических преобразований для перехода на путь социалистического развития.

На примере хуралов трудящихся аратов ярко воплотилось в жизнь ленинское положение о том, что «...идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство»⁴.

Каждый шаг Монгольской Народной Республики вперед является доказательством величайшей жизнеспособности, правоты и силы ленинизма. Хуралы трудящихся аратов явились органами подлинной народной демократии, вовлекающими широкие народные массы в управление государством, в строительство новой жизни. Несмотря на то, что рабочий класс Монголии начал формироваться лишь в то время, когда закладывался фундамент, обеспечивающий некапиталистический путь развития страны, хуралы трудящихся аратов, руководимые МНРП и опирающиеся на мощь советского государства, с успехом выполняли функции революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Следует отметить, что пролетарское влияние на монгольское аратство проводилось через МНРП, использующую в своей деятельности помощь и опыт КПСС и мирового рабочего и революционного движения. Это влияние проявлялось посредством оказания Советским Союзом мощной государственной помощи Монгольской Народной Республике в деле обеспечения ее некапиталистического развития и продвижения по пути к социализму. Только благодаря этой помощи оказалось возможным сохранение и укрепление государственной независимости МНР и создание предпосылок для перехода к строительству основ социализма.

В приветствии Центрального Комитета МНРП XX съезду КПСС говорится: «Трудящиеся МНР полны чувства безграничной любви и благодарности советскому народу и его мудрому вождю — Коммунистической партии Советского Союза за ту огромную бескорыстную братскую помощь, благодаря которой Монголия, находившаяся до революции в тисках ко-

лонизма и феодализма, стала неузнаваемой и вступила на путь строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития».

С первых дней основания монгольского народно-демократического государства между ним и Советским Союзом установился совершенно новый тип международных отношений — отношений, основанных на началах подлинного равенства, уважения и взаимной помощи, на незыблемых принципах пролетарского интернационализма. С победой Великой Октябрьской социалистической революции в России и совершившейся вслед за ней, под ее воздействием и при ее помощи монгольской народной революции монгольский народ связывает с народами СССР общая цель, общие интересы, узы нерушимой дружбы и братского сотрудничества. Их объединяют великие идеи марксизма-ленинизма, под знаменем которого советский и монгольский народы неуклонно идут к своему светлому будущему. Именно поэтому МНРП и правительство МНР считают своей священной задачей сохранять и укреплять дружественные связи с Советским Союзом, воспитывать свой народ в духе святости, нерушимости и жизненной важности монголо-советской дружбы.

Всякий раз, когда агрессивные империалистические силы угрожали свободе и независимости монгольского народа, на помощь ему приходили советские вооруженные силы и совместно с монгольской народно-революционной армией устраняли нависавшую над МНР угрозу порабощения, способствуя укреплению государственной независимости страны. Советский Союз никогда не преследовал агрессивных целей по отношению к Монголии, не навязывал ей своей воли, не вмешивался в ее внутренние дела, как это делали империалистические государства.

Постоянная братская помощь Советского Союза монгольскому народу в деле его государственного, хозяйственного и культурного строительства являлась решающим фактором преодоления исторически унаследованной от прошлого вековой отсталости Монголии и обеспечения перехода ее на путь социалистического развития. Говоря о всесторонней бескорыстной помощи СССР, не следует забывать и об использовании передового советского опыта.

Рожденная в совместных боях против империалистов дружба монгольского и советского народов выросла в могучую силу. Исторически сложившаяся и прошедшая тяжелые испытания она является неиссякаемым источником, из которого возрожденный революцией монгольский народ черпает живительные силы для завоевания новых успехов и побед во имя процветания своей родины.

Как указывал премьер-министр МНР Цеденбал, «навек связав свою судьбу с великим советским народом, наш народ спас себя от империалистического порабощения и обеспечил возможность перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития»⁵.

Переход экономически и культурно крайне отсталой Монголии на путь социалистического развития, минуя капиталистическую стадию, представлял невероятные трудности. Но такой переход не был несбыточной мечтой, поскольку уже существовало мощное государство победившей диктатуры пролетариата и монгольский народ мог опереться на его всестороннюю помощь и поддержку в борьбе за свое национальное и социальное освобождение, укрепление государственной независимости МНР и построение социализма.

МНРП, созданная вождями монгольского народа Сухэ-Батором и Чойбалсаном и построенная на основах ленинского учения о партии нового типа, опираясь на опыт и помощь братской Коммунистической партии

⁵ Материалы XII съезда МНРП, стр. 22.

³ Ленинский сборник XXV, стр. 290.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 459—460.

Советского Союза, сумела отразить удары многочисленных врагов и повести свой народ по пути прогресса и демократии, по пути достижения того уровня развития производительных сил и культуры, который необходим для построения социализма.

В условиях обостренной классовой борьбы в стране и борьбы с империалистической агрессией, преодолевая все трудности на своем пути, МНРП формировалась и закалялась как подлинно революционная партия, укрепляя свои связи с широкими трудящимися массами и расширяя свои ряды за счет их лучших представителей — передовых борцов против империализма и феодализма. Она вела неустанную принципиальную борьбу за ленинский путь развития страны, против правых и «левых» уклонистов, против буржуазных националистов.

На опыте монгольской народной революции впервые блестяще подтвердилось предвидение В. И. Ленина, что грядущие революции в странах Востока, отличающихся разнообразием социальных условий, несомненно, будут являться еще более своеобразными, чем русская революция⁶.

Исторический опыт монгольской народной революции доказал всю силу ленинского положения об опасности отождествления буржуазно-демократического и социалистического этапов революции, попыток перепрыгнуть через непройденный или незавершенный этап революции и механического перенесения опыта социалистического строительства в Советском Союзе без учета национально-исторических особенностей развития каждой отдельной страны. Только в результате решительного преодоления левацких перегибов партия смогла отстоять завоевания народно-демократической революции и обеспечить переход к строительству основ социализма. При анализе особенностей монгольской революции необходимо учесть, что Монгольская Народная Республика является государством, осуществляющим переход от феодализма к социализму, а не от капитализма к социализму. В этом состоит главное отличие ее от европейских (да и не только европейских) стран народной демократии, которым не требовалось, как МНР, пройти длительный период создания основ для постепенного перехода на путь строительства социализма.

Народно-демократическое государство, руководимое МНРП, опираясь на поддержку СССР, на первом этапе своего развития (1921—1940 гг.) с успехом выполнило задачи укрепления национальной независимости страны, ликвидации феодальной собственности на землю и скот и ликвидации класса светских и духовных феодалов, подавления всех сил внутренней контрреволюции. Оно обеспечило всемерное развитие производительных сил страны, в первую очередь животноводства; создало и укрепило командные экономические высоты: национальную промышленность, современный транспорт и связь, финансы, государственную и кооперативную торговлю, госхозы, машинно-сенокосные станции и т. д. Иностран- ный капитал был вытеснен из экономики МНР путем введения государственной монополии внешней торговли, создания мощной, широко разветвленной потребительско-сбытовой кооперации и развития экономического сотрудничества с Советским Союзом. Был осуществлен рост материального благосостояния трудовых аратских хозяйств путем поощрения их хозяйственной инициативы при ограничении и вытеснении феодально-капиталистических элементов, оказания государственной помощи трудящемуся аратству в постепенном и добровольном их переходе на путь производственной кооперации. Были подготовлены кадры рабочего класса и трудовой интеллигенции, воспитываемые в духе марксистско-ленинской идеологии.

⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 439.

Социально-экономическая отсталость дореволюционной Монголии была настолько велика, что усилия МНРП и руководимого ею народа на протяжении первого этапа монгольской народной революции были направлены главным образом на ликвидацию остатков средневековья, на разрешение задач антифеодальной буржуазно-демократической революции. Однако наряду с этим предпринимались большие усилия и для создания прочной экономической базы, обеспечивающей успешное завершение антифеодальной революции и переход на путь социалистического развития, минуя капитализм.

Только сочетание задач завершения антифеодальной революции и создания основ строительства социализма могло обеспечить непрерывное укрепление и развитие МНР как народно-демократического государства и перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В. И. Ленин указывал, что конкретные формы перехода к социализму «... неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму...»⁷. Исключительно большая теоретическая глубина этого мудрого ленинского указания раскрывается особенно теперь, в свете важнейшего положения XX съезда КПСС о разнообразии форм перехода к социализму для различных стран.

Лишь к 1940 г. завершился первый стратегический этап монгольской народной революции, основным содержанием которого была борьба за обеспечение национальной независимости МНР от империализма, за ликвидацию феодализма и постепенный переход на путь социалистического развития.

Своеобразие монгольской народной революции как буржуазно-демократической революции нового типа состояло в том, что уже в рамках первого стратегического этапа революции решалась задача создания и развития социалистических форм хозяйства в виде государственного и кооперативного секторов экономики. Таким образом, завершение буржуазно-демократической революции означало вместе с тем мирное перерастание ее в революцию социалистическую.

Формирование рабочего класса МНР и рост его организованности и политической сознательности явились одним из решающих факторов, обусловивших переход от первого, общедемократического, этапа монгольской революции ко второму, социалистическому, и превращение МНРП в партию нового типа. Рабочий класс Монголии вырос и воспитался в условиях народно-демократического строя, опираясь на всестороннюю заботу и поддержку народно-демократического государства.

Диалектика истории такова, что Монгольская народно-революционная партия была создана задолго до того, как сформировался национальный рабочий класс. В настоящее время рабочий класс МНР, составляющий значительную часть в рядах МНРП, хуралов, ревсомола и профсоюзов, является наиболее передовой частью монгольского народа и, во главе с Монгольской народно-революционной партией, ведущей силой в осуществлении социалистических преобразований в стране.

Переход от антифеодального этапа монгольской народной революции к ее социалистическому этапу осуществился не путем взрыва, а путем постепенного укрепления рабоче-крестьянской власти, расширения власти

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 181.

хуралов трудящихся и постепенного превращения крестьянских хуралов в хуралы рабочих, аратов и интеллигенции, в хуралы трудящихся, выполняющие задачи и функции диктатуры рабочего класса.

Сущность социально-экономических преобразований, осуществленных монгольским народом до конца 30-х годов, заключалась в ликвидации старого, феодального базиса и его надстройки, в создании объективных и субъективных предпосылок, т. е. экономических, политических и культурных условий для строительства социализма, в создании социалистического сектора экономики и в начавшейся консолидации монгольского народа в нацию социалистического типа.

X съезд МНРП, состоявшийся в 1940 г., на основе анализа глубоких перемен, происшедших в жизни страны в результате победоносного завершения антифеодальной революции, установил, что МНР вступила в новый этап своего развития — строительства основ социализма. Завершение антифеодальной революции и прочное вступление МНР на путь социалистического развития обусловили необходимость принятия новой конституции, которая законодательно закрепила бы завоевания народа за период, прошедший со времени принятия первой конституции МНР.

В новой, ныне действующей, конституции, утвержденной в 1940 г. VIII Великим Хуралом МНР, дано следующее определение социальной природы и цели народно-демократического монгольского государства: «Монгольская Народная Республика есть независимое государство трудящихся (аратов-скотоводов, рабочих и интеллигенции), уничтоживших империалистический и феодальный гнет, обеспечивающее некапиталистический путь развития страны для перехода в дальнейшем к социализму».

Необходимо иметь в виду, что общедемократический этап монгольской революции закончился к концу 30-х годов лишь в основном, т. е. в смысле ликвидации феодальных отношений и феодалов как класса. В принятой X съездом программе МНРП указывалось, что политика партии должна быть направлена на окончательное выкорчевывание остатков феодализма в экономике страны, на борьбу с пережитками феодализма в сознании людей для обеспечения некапиталистического развития страны и подготовки перехода в дальнейшем к социализму. МНРП направляет работу всех государственных, хозяйственных и общественных организаций на разрешение важнейших задач: «всемерное развитие народного хозяйства страны, содействие государства широкому развитию и улучшению трудового хозяйства аратов, помощь государства добровольным коллективным объединениям трудящихся аратов, широкое развитие сети машинно-сенокосных станций на конной тяге, развитие в стране скотоводства, промышленности, транспорта при ограничении и вытеснении капиталистических эксплуататорских элементов, неуклонный подъем благосостояния трудящихся, их материального уровня, а также всемерное развитие науки и техники в стране, грамотности и культуры населения»⁸.

За истекшие пятнадцать лет Монгольская Народная Республика сделала большой шаг вперед в строительстве основ социализма. Опираясь на политические и экономические завоевания народно-демократической революции, правительство МНР с 1941 г. приступило к составлению однолетних народнохозяйственных планов, а с 1948 г. — перспективных планов развития народного хозяйства и культуры страны. В борьбе за выполнение первой пятилетки (1948—1952 гг.), а также заданий второго пятилетнего плана развития МНР на 1953—1957 гг. монгольский народ

⁸ Из программы МНРП. См. «Современная Монголия», Улан-Батор, 1940, № 1—2, стр. 80.

добился новых значительных успехов в развитии производительных сил страны и в росте социалистического сектора народного хозяйства. За этот период значительно выросли государственная и кооперативная промышленность, железнодорожный и автомобильный транспорт, в три с лишним раза увеличилась численность рабочих и служащих, занятых в промышленности и на строительстве, еще более укрепилась финансово-кредитная система, увеличился товароборот государственной и кооперативной торговли, достигнуты большие успехи в развитии народного образования и здравоохранения.

Социалистический сектор экономики МНР является теперь ведущим не только по своему значению и роли в реконструкции всего народного хозяйства, но и по объему продукции. Удельный вес государственной и кооперативной промышленности в продукции промышленности и сельского хозяйства составлял в 1955 г. свыше 50%, валовая продукция государственной промышленности МНР в 1955 г. выросла по сравнению с 1940 г. в 3,6 раза. Протяженность железных дорог увеличилась в 6 раз. Кроме легкой и пищевой промышленности, базирующейся на переработке животноводческого сырья, успешно развиваются такие важнейшие отрасли тяжелой индустрии, как горнодобывающая, энергетическая, нефтяная, металлообрабатывающая и др. В 1949 г. вступила в эксплуатацию железная дорога Наушки — Улан-Батор, соединяющая МНР с СССР и имеющая исключительно важное народно-хозяйственное значение. В конце 1955 г. вступила в эксплуатацию железная дорога, соединяющая МНР с КНР, что послужит делу укрепления лагеря мира, демократии и социализма.

Таким образом, успешно преодолевается технико-экономическая отсталость МНР, создается материально-производственная база социализма, обеспечивающая дальнейший подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся масс.

Экономика современной МНР является экономикой переходного периода. Особенность ее заключается в том, что в ней представлены социалистический уклад, играющий ведущую роль, и частный, мелкотоварный.

Народно-демократическое государство, используя командные экономические позиции в народном хозяйстве и опираясь на широкую экономическую взаимопомощь и сотрудничество с СССР и другими странами социалистического лагеря, оказывает воздействие на мелкотоварное производство, осуществляя политику, рассчитанную на полную победу социалистического уклада, на ограничение и постепенное вытеснение капиталистических элементов и на социалистическое перевоспитание аратов.

Опыт строительства социализма в МНР подтверждает ленинское положение о своеобразии и специфических особенностях движения различных стран к социализму. Современная Монголия служит красноречивым примером и доказательством вещей слов В. И. Ленина: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁹.

Наличие в руках народно-демократического государства национализированной земли и богатств недр, а также растущая государственно-кооперативная промышленность и торговля, современные средства транспорта и связи, финансово-кредитная система, госхозы и МСС в совокупности со всесторонним сотрудничеством с Советским Союзом, народным Китаем и другими странами социалистического лагеря обеспечивают

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 58.

полную возможность построения социализма в Монгольской Народной Республике.

Из года в год развивается животноводство — основная отрасль народного хозяйства МНР, растет материальное благосостояние трудовых аратов. Поголовье скота, находящегося в их личной собственности, возросло в 1954 г. в 4,5 раза по сравнению с дореволюционным периодом. Быстро преодолевается экстенсивный, полунатуральный, потребительский характер аратских хозяйств — один из пережитков старого феодального прошлого в экономике МНР. Непрерывно повышается доходность аратских хозяйств. Товарность аратских хозяйств в 1954 г. по сравнению с довоенным периодом увеличилась почти в 3 раза. В животноводстве все шире внедряются достижения современной зоотехнии и ветеринарии.

В последние годы в сельском хозяйстве МНР получил развитие государственный сектор, представленный животноводческими и полеводческими госхозами и конно-сенокосными станциями. Эти крупные высоко-механизированные социалистические предприятия, применяющие достижения современной науки и техники, являются мощным рычагом социалистической реконструкции сельского хозяйства МНР.

Первый пятилетний план развития животноводства в госхозах, КСС и сельскохозяйственных объединениях был значительно перевыполнен благодаря внедрению передовой техники и применению передовых методов ведения хозяйства, что продемонстрировало перед аратами преимущества крупного социалистического хозяйства перед мелким, индивидуальным. В последние годы среди аратов-единоличников все более растет стремление к коллективному труду. Только за последний год количество сельскохозяйственных объединений выросло на 50%. Поголовье обобществленного скота в объединениях более чем удвоилось. В настоящее время в МНР насчитывается свыше 400 с.-х. объединений, которыми охвачено 25 тыс. аратских хозяйств. Эти объединения в большинстве своем являются крупными хозяйствами: 70 объединений располагают скотом от 10 до 20 тыс. голов, 20 объединений — от 20 до 30 тыс., 5 объединений — свыше 30 тыс. Таким образом, сельскохозяйственные объединения аратов являются социалистической формой крупного обобществленного производства. Их опыт облегчает переход мелких индивидуальных аратских хозяйств к крупному коллективному социалистическому производству. Первые успехи сельскохозяйственных объединений полностью доказали их жизнеспособность, их бесспорные преимущества перед мелкими индивидуальными хозяйствами.

В Примерном уставе сельскохозяйственных объединений, принятом на первом съезде передовиков с.-х. объединений в марте 1955 г., отражены итоги социалистического производства в объединениях: обобществление основных средств производства, плановое ведение хозяйства, повышение продуктивности общественного животноводства и урожайности полей, организованный коллективный труд и строгое соблюдение трудовой дисциплины, постоянное повышение производительности труда, рациональное использование машинной техники, живой тяги и инвентаря, социалистический принцип распределения по труду, осуществление на деле широкой кооперативной демократии. Примерный устав СХО ясно наметил практический путь социалистического преобразования сельского хозяйства в Монголии.

Премьер-министр МНР Цеденбал, выступивший с речью на первом съезде передовиков сельскохозяйственных объединений, указывал:

«Сельскохозяйственные объединения открывают величайшие перспективы подлинного прогресса в нашем сельском хозяйстве, в подъеме его производительных сил, в деле переделки нашего отсталого кочевого хо-

зяйства аратов. Путь объединений является единственно правильным путем, обеспечивающим неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни трудового аратства, ведущим к более высокой заработной и культурной жизни трудящихся»¹⁰.

В центре внимания МНРП и правительства МНР в настоящее время стоят вопросы организационно-хозяйственного укрепления сельхоз-объединений, вопросы пропаганды и внедрения передовой техники и социалистических методов ведения хозяйства.

Как уже указывалось выше, вместе с созданием и развитием новых, социалистических форм хозяйства в Монголии сформировался национальный рабочий класс, являющийся носителем последовательно социалистических производственных отношений, ведущей силой монгольского народа в его борьбе за построение социализма.

По мере возрастания руководящей роли рабочего класса во всех сферах общественно-политической жизни страны и укрепления союза рабочих и трудящихся аратов народно-демократическое государство по своим задачам и функциям, по своей классовой природе все более и более становится социалистическим государством, т. е. государством, руководимым рабочим классом.

В Монголии с самого начала народной революции капиталистические элементы не допускались в решающую отрасль народного хозяйства — создававшуюся заново фабрично-заводскую промышленность. В народном хозяйстве участвуют незначительные по своему удельному весу капиталистические элементы, главным образом в сельском хозяйстве, а также в кустарных промыслах и в сфере внутреннего товарооборота. Но в самой природе народно-демократического строя, обеспечивающего некапиталистический путь развития страны к социализму, с необходимой неизбежностью заложены условия, препятствующие перерастанию этих элементов в класс национальной буржуазии и образованию капиталистического уклада в экономике страны. Народно-демократическое государство многообразными политическими и экономическими средствами (система госпоставок и закупок сельскохозяйственной продукции, налоговая политика, законодательство о найме рабочей силы, кредит и т. д.) преграждает путь развитию капиталистических элементов, последовательно проводит политику их ограничения и вытеснения и содействует всемерному развитию и укреплению социалистического сектора экономики МНР, безраздельно господствующего сейчас в области промышленности, механизированного транспорта, связи, внешней торговли и финансово-кредитной системы.

Однако было бы неправильным недооценивать опасности, связанной с ростом капиталистических элементов. Следует иметь в виду, что известное ленинское положение об объективных тенденциях мелкотоварного производства сохраняет свою силу и значение и для Монголии.

Товарное производство, поставленное народно-демократическим государством в определенные рамки, используется для развития и укрепления социалистического сектора экономики. Но мелкособственническое аратство, интенсивно вовлекаясь в товарно-денежные отношения и в той или иной степени подвергаясь процессу классовой дифференциации, выделяет из своей среды капиталистические элементы, которые не могут не бороться за «свой», буржуазный, путь, за расширение возможностей капиталистического развития, не могут не стремиться по возможности сорвать дело социалистического строительства в МНР. Поэтому понятно, что превращение объективной возможности перехода МНР к социализму,

¹⁰ «Унэн», 31 марта 1955 г.

минуя капиталистическую стадию развития, в действительность происходит и далее будет происходить через упорную классовую борьбу, через преодоление влияния мелкобуржуазной стихии в стране, через социалистическую переделку аратства. Отсюда вполне логично предположить, что борьба двух путей или тенденций, с точки зрения внутренних условий развития МНР, не прекратится до тех пор, пока остаются экономические условия, порождающие элементы капитализма, пока социалистическая система не победила во всем народном хозяйстве страны. Разумеется, этим не затушевывается факт благоприятного международного окружения МНР, при котором экономические потребности страны полностью дополняются и исчерпываются растущим сотрудничеством МНР со странами социалистического лагеря во главе с СССР.

В преобладании кочевого мелкотоварного единоличного аратского хозяйства и связанной с этим мелкобуржуазной стихии заключается в настоящее время главная трудность продвижения МНР по пути к социализму. В борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства МНР рабочий класс Монголии во главе с МНРП проходит серьезное испытание своей политической закалки и зрелости в духе марксизма-ленинизма. Развитие смычки между социалистической промышленностью и аратским хозяйством, укрепление союза рабочего класса с трудовым аратством при руководящей роли рабочего класса является залогом дальнейшего экономического и культурного развития и успешного построения социализма в Монгольской Народной Республике.

Трудовое аратство под влиянием и в результате глубоких общественно-политических преобразований, осуществленных в стране под руководством МНРП, на своем собственном опыте все более убеждается в том, что его место в борьбе за лучшее будущее — в союзе с рабочим классом, что не в условиях господства частной собственности в стране, а только в условиях победы социалистической системы хозяйства оно сможет достигнуть подлинно зажиточной и культурной жизни.

С ликвидацией класса феодалов и засилия монастырей, а также после вытеснения иностранного капитала из экономики МНР существенным образом изменились задачи и функции народно-демократического государства. Особое значение приобрели укрепление революционной законности, неукоснительное выполнение государством функции охраны общественной собственности от вредителей, воров и расхитителей.

Со вступлением МНР в современный социалистический этап развития в значительной степени возросла хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция государства.

Ярким свидетельством неуклонного развития народного хозяйства и культуры МНР, повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся является рост национального дохода страны. По государственному бюджету МНР на 1955 г. расходы на финансирование народного хозяйства составили 150,8 млн. тугриков, или 33,8% всех расходов государственного бюджета. Интересно отметить, что в 1940 г. вся расходная часть государственного бюджета составляла 122 млн. тугриков.

Из года в год увеличиваются средства, ассигнуемые государством на социально-культурные мероприятия. Так, если в 1954 г. было израсходовано на эти мероприятия 139,5 млн. тугриков, или на 15,2 млн. тугриков больше, чем в 1953 г., то по государственному бюджету на 1955 г. выделены ассигнования в сумме 160,3 млн. тугриков, что составляет 35,4% к общей сумме расходов, из них на просвещение — 78,7 млн. тугриков, на здравоохранение — 44 млн. тугриков и т. д. Это является ярким проявлением повседневной заботы партии и правительства о повышении культурного уровня рабочих и всех трудящихся МНР.

Наряду с неуклонным ростом общего объема государственного бюджета МНР изменяется его структура, т. е. соотношение отдельных его частей. В результате изменения структуры государственного бюджета доходы и накопления социалистического сектора народного хозяйства стали решающим источником финансовых ресурсов страны. Так, например, поступления от предприятий и организаций социалистического сектора составили в 1954 г. 81,2% доходов государственного бюджета, а в 1955 г. удельный вес поступлений от государственных и кооперативных предприятий и организаций еще более возрос за счет снижения доли платежей от населения. В 1954 г. были проведены важнейшие мероприятия, направленные на подъем и укрепление трудовых аратских хозяйств, на повышение материального благосостояния трудящихся аратов. К их числу относятся повышение государственных заготовительных и закупочных цен на скот и продукцию животноводства, снижение розничных цен на товары широкого потребления и значительное снижение скотоводческого налога с аратских хозяйств. Общая сумма скотоводческого налога, начисленная с аратских хозяйств в 1954 г., снизилась против 1953 г. на 26,4%. От этих мероприятий население получило только в 1954 г. прямую выгоду в 100 с лишним млн. тугриков.

Вместе с теми коренными социально-экономическими преобразованиями, которые совершились в Монголии за годы народной власти, изменяются и сами люди, их психология, их взгляды на труд, на жизнь, на общественное достояние.

Монгольский народ вправе гордиться огромными успехами, достигнутыми в области развития своей культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Монголия, бывшая в недавнем прошлом страной средневековой темноты и невежества, насчитывавшая десятки тысяч лам, знахарей и шаманов, ныне покрылась густой сетью медицинских учреждений, школ, клубов, библиотек, радиоузлов, красных уголков и других культурно-просветительных учреждений. В стране, где до революции не издавалось ни одной газеты, издаются десятки газет и журналов. Печатное слово стало мощным орудием воспитания масс в социалистическом духе. Каждый десятый человек в нашей стране учится в учебном заведении.

В городах и хутонах осуществляется всеобщее обязательное начальное обучение детей. За годы первой пятилетки (1948—1952 гг.) количество учащихся в начальных школах выросло на 88,4%, в десятилетках — в 4 раза. Во второй пятилетке будет подготовлен переход ко всеобщему семилетнему образованию в городах. Теперь уже в основном решена задача ликвидации неграмотности взрослого населения. В то время как до революции в Монголии не было ни одного человека со средним образованием, не говоря уже о высшем, в настоящее время в Улан-Баторе работают четыре вуза. Крупнейший из них — Монгольский государственный университет им. Чойбалсана — ежегодно выпускает около двухсот квалифицированных специалистов, в том числе врачей, ветеринаров, зоотехников, педагогов. Успешно развиваются литература и искусство. Развертываются научно-исследовательские работы по разработке насущных вопросов народного хозяйства и культуры МНР.

Велики достижения МНР и в области здравоохранения, охраны материнства и младенчества. С каждым годом растет и ширится сеть медицинских учреждений, применяющих последние достижения медицинской науки. Все население страны пользуется бесплатной помощью. Теперь в каждом аймаке работает больница, в каждом сомоне — фельдшерский пункт, в каждом баге — медицинская сестра. Создаются межаймачные больницы и межсомонные врачебные пункты. Количество национальных

врачей-медиков возросло за 7 лет (1947—1954 гг.) в 6,5 раза. Бюджет медицинских учреждений по сравнению с 1947 г. вырос в 1953 г. на 70%. Результатом огромной оздоровительной работы, проведенной в республике; является резкое снижение эпидемических заболеваний, падение смертности и увеличение рождаемости.

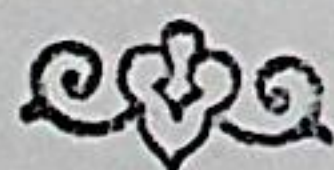
Раскрепощение женщины всегда считалось наиболее ярким показателем социального прогресса. Избавленная революцией от векового угнетения, бесправного положения и всяческих унижений, монгольская женщина за годы народной власти культурно и политически выросла и уверенно выходит на широкую арену общественно-политической и культурной жизни. Среди депутатов Великого Народного Хурала МНР теперь насчитывается 66 женщин, среди депутатов местных хуралов — 7668. Женщины составляют 15,4% членов и кандидатов партии, 27% членов монгольских профсоюзов, 37,8% — ревсомольцев, 40% — всех учителей, 42% — врачей и свыше 40% — рабочих МНР.

Успехи монгольского народа в деле строительства новой счастливой жизни особенно разительны и контрастны, если сопоставить их с трагическим положением колониальных и зависимых народов.

Опыт борьбы монгольского народа за независимое государственное существование и некапиталистическое, социалистическое развитие убедительно опровергает клеветнические утверждения империалистов и их прислужников о неспособности колониальных и полуколониальных народов иметь государственную независимость и развивать свою национальную экономику и культуру. Этот опыт показал, на какие великие дела способен народ, взявший свою судьбу в собственные руки.

Еще в 1916 г. В. И. Ленин писал: «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет не прочен. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»¹¹.

Вся история взаимоотношений между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой является ярким воплощением бессмертных ленинских идей. Успехи, достигнутые монгольским народом в деле строительства новой, свободной жизни, были бы невозможны без постоянной всесторонней братской помощи Советского Союза. Победа народной революции в Китае и образование Китайской Народной Республики создали еще более благоприятную международную обстановку для строительства социализма в МНР.

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ ЛЕНИНА «ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» ДЛЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ*

ФАНЬ ЖО-ЮИ

В 1917 г. вспыхнула Великая Октябрьская революция в России, открывшая новую эру в истории человечества. Октябрьская революция донесла до китайского народа марксизм-ленинизм. В 1921 г. на основе еоединения рабочего движения Китая с марксизмом-ленинизмом образовалась Коммунистическая партия Китая. До Октябрьской революции, до образования Коммунистической партии Китая, китайцы рассматривали революцию 1905 г. только с точки зрения старой демократической революции. Революция 1905 г. в России — это первая буржуазно-демократическая революция эпохи империализма. Она не была просто повторением буржуазных революций эпохи домонополистического капитализма, а отличалась коренным образом от всех прежних буржуазных революций. В. И. Ленин в своей гениальной работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанной в 1905 г., научно определил задачи буржуазно-демократической революции эпохи империализма, показав, каковы движущие силы революции, кто ее гегемон, ее союзники и враги, каковы важнейшие средства борьбы за победу революции, характер власти, которая должна быть создана после победы буржуазно-демократической революции, а также пути перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. До Октябрьской революции, до образования КПК такое гениальное ленинское произведение, как «Две тактики социал-демократии в демократической революции», содержащее новую теорию марксизма о революции, еще не стало достоянием китайцев. Лишь после Октябрьской революции, после образования КПК, китайские коммунисты, изучив эту ленинскую работу, по-настоящему освоили опыт русской революции 1905 г. и конкретно применили для руководства китайской революцией тактические принципы, разработанные большевиками в революции 1905 г.

Тактическими принципами большевиков в демократической революции, обоснованными Лениным в его работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», были прежде всего положения о необходимости гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, союза рабочего класса и крестьянства под руковод-

* Публикуемая работа является второй частью доклада китайского историка Фань Жо-юя, зачитанного на сессии Ученого совета Института востоковедения АН СССР, посвященной пятидесятилетию первой русской революции.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 55.

ством пролетариата и изоляции либеральной буржуазии. Все эти тактические положения большевиков о демократической революции, т. е. в буржуазно-демократической революции, руководимой пролетариатом.

В марте 1926 г., когда развертывалась первая революционная гражданская война, товарищ Мао Цзэ-дун в целях борьбы с существовавшими тогда в партии двумя оппортунистическими уклонами, опубликовал свою статью «О классах китайского общества». В этом произведении товарищ Мао Цзэ-дун, исходя из основных положений марксизма о классах, показав экономическое положение различных классов китайского общества и их отношение к революции, дал основное определение генеральной линии и основной политики КПК на этапе новодемократической революции. В последующих своих работах товарищ Мао Цзэ-дун продолжал развивать тезисы по вопросам о генеральной линии и основной политике КПК на этапе новодемократической революции. Определяя генеральную линию и основную политику партии на этапе новодемократической революции в Китае, товарищ Мао Цзэ-дун охарактеризовал ее как народную массовую революцию под руководством пролетариата, направленную против империализма, феодализма и бюрократического капитала. Генеральная линия и основная политика партии на этапе новодемократической революции, разработанные товарищем Мао Цзэ-дуном, по существу и есть конкретное применение тактических принципов большевизма в условиях китайской действительности.

В. И. Ленин в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» указывал: «Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца»¹. Когда Китай вступил в этап новодемократической революции, китайский пролетариат стал уже самостоятельной политической силой и создал свою партию. Это обстоятельство дало возможность превратить китайскую революцию из старой демократической революции, проходившей под руководством буржуазии, в новодемократическую. Во время первой революционной гражданской войны товарищ Мао Цзэ-дун писал: «И хотя численность промышленного пролетариата невелика, именно он олицетворяет новые производительные силы и является самым прогрессивным классом современного Китая, ставшим руководящей силой революционного движения. Изучение забастовок, происходивших в течение последних четырех лет, например забастовок моряков, железнодорожников, рабочих Кайлуаньских угольных копей и копей в Цзяоцзо, забастовки в Шамяне, а также крупных забастовок в Шанхае и Гонконге после событий 30 мая 1925 года, убедительно показывает, как велика роль промышленного пролетариата в китайской революции»². Китайский пролетариат подвергался тройному тяжкому гнету: со стороны иностранных империалистов, китайской буржуазии и феодальных сил. Он был кровно заинтересован в доведении до конца демократической революции, так как завершение этой революции дает возможность рабочему классу собрать силы и тем самым повести Китай по пути к социализму.

Товарищ Мао Цзэ-дун считал, что китайский пролетариат способен и должен быть руководителем китайской буржуазно-демократической революции. Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической ре-

волюции представляла собой главную особенность революции 1905 г., отличавшую ее от прежних буржуазных революций. Она была также главной особенностью, отличавшей китайскую новодемократическую революцию от старой демократической революции. Характеризуя особенности новодемократической революции, товарищ Мао Цзэ-дун указывал: «История всей революции говорит о том, что без руководства рабочего класса революция обречена на провал. Но при руководстве рабочего класса революция победит. В эпоху империализма ни один другой класс ни в одной стране не может вести подлинную революцию к победе. Это было ясно доказано тем фактом, что китайская мелкая буржуазия и национальная буржуазия много раз возглавляли революцию и всегда терпели неудачу»³. Именно в том и состоит главная причина окончательной победы новодемократической революции Китая, что Коммунистическая партия Китая, проводя в жизнь ленинские тактические принципы буржуазно-демократической революции, сумела привести пролетариат к гегемонии в буржуазно-демократической революции.

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин указывал, что для того чтобы пролетариат действительно стал вождем буржуазной революции, необходимо, во-первых, чтобы у пролетариата был союзник, могущий быть расположенным к тому, чтобы принять руководство пролетариата, ибо руководитель перестает быть руководителем, если нет руководимых. Таким союзником было крестьянство. «Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства»⁴. Следуя ленинским тактическим принципам в крестьянском вопросе, Мао Цзэ-дун считал вопрос о крестьянстве центральным вопросом гегемонии пролетариата. «Бедняки и середняки,— говорил Мао Цзэ-дун,— могут добиться освобождения только под руководством пролетариата, и в свою очередь пролетариат только в прочном союзе с бедняками и середняками может привести революцию к победе. Иначе победа невозможна»⁵. Именно благодаря гегемонии пролетариата и союзу рабочего класса и крестьянства китайская новодемократическая революция одержала окончательную победу и сделала возможным перерастание новодемократической революции в социалистическую.

В. И. Ленин в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» писал, что для того чтобы пролетариат действительно стал вождем буржуазной революции, необходимо, во-вторых, чтобы класс, борющийся с пролетариатом за руководство революцией и добивающийся того, чтобы самому стать ее единственным руководителем, был оттеснен от руководства и изолирован, ибо идея руководства исключает возможность допущения двух руководителей революции. Таким классом была либеральная буржуазия, ибо русская буржуазия была буржуазией империалистической страны, а буржуазия в империалистической стране не могла не быть контрреволюционной. Вот почему пролетариату было бы невозможно осуществить свою гегемонию, если эта контрреволюционная буржуазия не была бы изолирована. Китайская буржуазия была буржуазией полукOLONIALНОЙ и полупфеодальной страны эпохи империализма. Поэтому одну часть ее составляла компрадорская буржуазия, являвшаяся врагом революции, другую

³ Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. Госполитиздат, 1949, стр. 14.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 44.

⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 168.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 35—36.

² Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 1, стр. 24—25.

же ее часть — национальная буржуазия. Относительно этой национальной буржуазии товарищ Мао Цзэ-дун указывал: «С одной стороны, национальная буржуазия испытывает на себе гнет империализма и скована путами феодализма и в силу этого между ней, с одной стороны, и империализмом и феодализмом — с другой, существуют противоречия. В этом смысле национальная буржуазия является одной из сил революции...

Однако, с другой стороны, в силу экономической и политической слабости национальной буржуазии, в силу того, что она отнюдь не порвала полностью экономических связей с империализмом и феодализмом, у нее не хватает мужества вести борьбу против империализма и феодализма до конца»⁶. Поэтому вопросы гегемонии пролетариата Китая, его политика в демократической революции в отношении национальной буржуазии были связаны с этой двойственной природой китайской национальной буржуазии. Что касается вопроса о гегемонии в буржуазно-демократической революции, то в силу своей слабости, китайская национальная буржуазия была неспособна играть роль руководителя китайской буржуазно-демократической революции. Однако в связи с тем, что национальная буржуазия в известные периоды и в известной степени может принимать участие в революции против империализма, против милитаристско-бюрократических правительств, товарищ Мао Цзэ-дун отмечает, что «...в отношении национальной буржуазии совершенно необходимо проводить осторожную политику»⁷. Таким образом, политика, проводимая китайской коммунистической партией в отношении буржуазии в демократической революции, отличалась от политики русских большевиков в период 1905 г. по отношению к либеральной буржуазии в демократической революции. Гегемония русского пролетариата осуществлялась в условиях союза с крестьянством и изоляции либеральной буржуазии, а гегемония китайского пролетариата — в условиях союза с крестьянством и единого фронта с национальной буржуазией под руководством пролетариата. Политика китайского пролетариата в отношении национальной буржуазии, разработанная товарищем Мао Цзэ-дуном, является политикой союза с национальной буржуазией и одновременно борьбы с ней, политикой руководства национальной буржуазией со стороны пролетариата. Один из тактических принципов ленинизма — это принцип обязательного учета национально-особенного и национально-специфического в каждой отдельной стране. Политика КПК в отношении буржуазии в демократической революции разработана именно с учетом национальных особенностей Китая. Как и тактика русских большевиков, тактика КПК на этапе новодемократической революции была проверена в практике борьбы против всяких проявлений оппортунистической тактики. Только после того, как КПК преодолела всякого рода «левые» и правые оппортунистические течения и стала руководить китайской революцией на основе тактических принципов ленинизма, новодемократическая революция в Китае смогла одержать окончательную победу.

Ленин в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» указывал также, что необходимо организовать вооруженное восстание для свержения царизма, создать временное революционное правительство, осуществить демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства и после окончательной победы демократической революции немедленно добиться перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Эти тактические принципы русских большевиков, разработанные в период революции 1905—1907 гг., Ком-

⁶ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 162—163.

⁷ Там же, стр. 164.

мунистическая партия Китая соединила с конкретной практикой китайской революции. Товарищ Мао Цзэ-дун подчеркивал, что важнейшим средством китайской революции для свержения реакционного режима является вооруженная борьба, потому что в полуфеодальном и полукOLONIALном Китае народ не пользовался никакими политическими свободами. Враги революции не оставляли китайскому народу возможности вести борьбу мирными средствами. Поэтому важнейшим средством борьбы, важнейшей формой развития китайской революции неизбежно стала не мирная, а вооруженная борьба.

Мао Цзэ-дун говорил: «В Китае пролетариат и коммунистическая партия без вооруженной борьбы не могли бы занять подходящего им места, не могли бы решить никаких революционных задач»⁸. Вместе с тем враги революции были сильны, и требовался длительный период, в течение которого революция должна была накопить и закалить свои силы для окончательной победы над врагами. Поэтому после 1927 г. Коммунистическая партия Китая перенесла центр тяжести своей работы в деревню и при помощи вооруженного революционного народа создала там революционные базы, собрала свои силы и, действуя оттуда, окружала города и овладевала ими. Товарищ Мао Цзэ-дун указывал, что «... длительная революционная борьба, которая идет в деревне — этой опорной базе революции, в основном представляет собой крестьянскую партизанскую войну, руководимую Коммунистической партией Китая»⁹.

Длительная вооруженная борьба — от создания революционных баз в деревне до победы революции во всей стране — вот одна из особенностей китайской революции. Это также является блестящим применением в Китае марксистско-ленинского учения о вооруженной борьбе. Что касается власти, которую необходимо было создать в ходе китайской новодемократической революции, то таковой явилась демократическая диктатура под руководством рабочего класса, основанная на союзе рабочих и крестьян и объединяющая все демократические классы и все национальности Китая. Китайская новодемократическая революция, как известно, непосредственно перерастала в социалистическую. Товарищ Мао Цзэ-дун указывал: «Демократическая революция является необходимой подготовкой к социалистической революции, а социалистическая революция — неизбежным направлением развития демократической революции. Конечная же цель всех коммунистов заключается в том, чтобы бороться всеми силами за окончательное построение социалистического общества и коммунистического общества»¹⁰. Образование в 1949 г. Китайской Народной Республики означает, что китайский народ уже окончательно добился победы в новодемократической революции и вступил в новый исторический этап — этап социалистической революции. В настоящее время китайский народ борется за осуществление первого пятилетнего плана на пути строительства социализма. Это — победа марксизма-ленинизма в Китае, победа в Китае тактических принципов ленинизма.

Из сказанного вытекает, что гениальная работа великого Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанная им в период революции 1905—1907 гг., имела и имеет огромное значение для определения направления китайской революции.

⁸ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 2, стр. 383.

⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 156.

¹⁰ Там же, стр. 180—181.

ИЗ ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА В КИТАЕ

(1917—1924 гг.)

М. С. КАПИЦА

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции в России на революционное движение в Китае было наибольшим из всех крупных стран Азии. Это не случайно. Китай представлял собой клубок острейших противоречий, которые проявлялись по следующим линиям: между помещиками и крестьянством, между всем китайским народом и иностранным империализмом, между феодалами и буржуазией, между компрадорской буржуазией и национальной буржуазией, между всей буржуазией и пролетариатом.

Постоянные междоусобные войны милитаристских клик, отсутствие сильной центральной власти, противоречия между феодалами и капиталистами, между различными группами буржуазии — все это затрудняло создание такого сильного внутреннего контрреволюционного лагеря, какой был, например, в Японии. Часть китайской буржуазии на отдельных этапах принимала участие в демократическом движении.

Империалистические державы постоянно вели между собой борьбу за преимущественное право грабить Китай. Прогрессивные силы Китая стремились использовать противоречия между империалистическими державами в интересах революции.

В отличие от рабочего класса Западной Европы, США и Японии, который в течение многих лет имел в качестве своих политических руководителей реформистские социал-демократические партии, проповедовавшие «социальный мир» с капиталистами, отречение от классовой борьбы, от пролетарской революции, рабочий класс Китая не был заражен социал-реформизмом, а воспринял марксизм через Великую Октябрьскую социалистическую революцию, использовал громадный опыт революционной борьбы коммунистической партии нашей страны.

У китайского пролетариата был надежный союзник в лице крестьянства. Крестьянство Китая имело большие революционные традиции. Крестьянская революция тайпинов почти в течение двух десятков лет потрясала устои феодализма в стране. Крестьянство было основной движущей силой движения «Ихэтуань» в 1900—1901 гг., оно выступало в качестве главного союзника буржуазии в революции 1911 г. Составившее на 70% из арендаторов и полуарендаторов, угнетаемое и разоряемое феодалами, милитаристами, ростовщиками, буржуазией и иностранными капиталистами, крестьянство Китая таило в себе огромные револю-

ционные возможности. Китайский пролетариат сумел установить прочный союз с крестьянством и повести его за собой в революции.

Крупное значение для распространения марксизма-ленинизма в Китае имело и то обстоятельство, что ближайшим соседом Китая является Советский Союз, революционный опыт и помощь которого не могли не облегчить борьбу китайского народа против империализма и остатков феодализма.

Подъему сознательной политической борьбы рабочего класса Китая предшествовала большая кропотливая работа прогрессивных сил страны. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции в России рабочий класс Китая не понимал своих задач, не был организован, он был пока «классом в себе», а не «классом для себя». Его выступления были стихийными и, как правило, ограничивались экономическими требованиями.

Первыми пропагандистами марксизма-ленинизма в Китае явились передовые представители интеллигенции, жадно искавшие правильную революционную теорию и нашедшие ее под влиянием Октябрьской революции. «Китайцы обрели марксизм, — писал Мао Цзэ-дун, — в результате применения его русскими»¹.

С первых дней Октябрьской революции профессор Пекинского университета Ли Да-чжао² изучал опыт русских коммунистов, читал немногочисленную тогда марксистскую литературу, попадавшую в Китай. Ли Да-чжао был воодушевлен великим стремлением сделать достоянием широких народных масс Китая теорию марксизма-ленинизма, и деятельность его в этом отношении была поистине огромной. Он приложил немало усилий, чтобы опровергнуть клевету буржуазной пропаганды об Октябрьской революции, чтобы представить происходившие в России события в их реальном свете.

В октябре 1918 г. в журнале «Синьциннянь» были опубликованы лекция Ли Да-чжао «Победа масс» и статья «Торжество большевизма». Ли Да-чжао указывал, что победа Великой Октябрьской социалистической революции есть победа трудового народа. Революционное движение охватывает и другие страны, и в дальнейшем победоносное знамя большевизма будет развеяться повсюду. Прозвучал колокол человеческой справедливости, взошла заря победы, писал Ли Да-чжао. «Русская революция — это первый лепесток на тунговом дереве, предвещающий весну на земле, и хотя слово „большевизм“ создано русскими, но его дух может стать духом общей сознательности в сердцах всего человечества в XX в. Взглянем на будущий мир! — восклицал Ли Да-чжао. — Это, несомненно, будет мир красного знамени!»³.

Как непохожи были эти пламенные слова на гадания реформистов, говоривших о социализме как о чем-то несбыточном, на проповеди анархистов и террористов! Ничего общего не имели эти слова и с «классовым миром», проповедовавшимся теоретиками II Интернационала. В этих выступлениях звучала твердая вера в правоту большевиков. Ли Да-чжао был глубоко убежден в том, что Октябрьская революция несет весну китайскому народу.

В декабре 1918 г. Ли Да-чжао с группой прогрессивных деятелей начал издавать журнал «Мэйчжоупинлунь». Этот журнал, так же как и «Синьциннянь», систематически разоблачал клевету буржуазной прессы о Советской России, знакомил с революционными событиями в России.

¹ Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. Госполитиздат, 1949, стр. 5.

² Ли Да-чжао был зверски замучен китайскими реакционерами в 1927 г.

³ 新青年. «Синьциннянь», 15 октября 1918 г., т. V, № 5, стр. 438—448.

В нем были опубликованы «Коммунистический манифест» (в сокращенном виде), Конституция РСФСР, декреты советского правительства о земле и другие документы.

Распространению марксизма-ленинизма в Китае способствовало «движение 4 мая» 1919 г., которое, как отмечал Мао Цзэ-дун, «родилось в ответ на призыв мировой революции, призыв русской революции, призыв Ленина»⁴ и в ходе которого на арене политической борьбы начал выступать рабочий класс Китая.

В ходе «движения 4 мая» и после него марксизм-ленинизм стал быстро распространяться в Китае. В 1919 г. в Китае был опубликован сборник работ К. Маркса. Большое предисловие к сборнику написал Ли Да-чжао. В нем он изложил основные положения учения Маркса. Ли Да-чжао отмечал, что ознакомление китайского народа с марксизмом явилось результатом Октябрьской революции в России⁵.

В 1919 г. в Пекине начинают выходить газеты «Синьчжунго» и «Лаодуннин», пропагандирующие революционную теорию. В мае 1920 г. в Пекине возникло Общество по изучению марксизма. В Таншане и Чансиньдяне были созданы кружки железнодорожников и школа для рабочих.

В это время большую работу по распространению марксизма-ленинизма ведет Мао Цзэ-дун.

В 1918 г. Мао Цзэ-дун окончил учительский институт в Чанша и поехал в Пекин, где поступил на работу в Пекинский университет в качестве помощника библиотекаря. Там он познакомился с Ли Да-чжао. Мао Цзэ-дун много читает о событиях в России, жадно разыскивает коммунистическую литературу, которой в то время было еще очень мало на китайском языке. В 1919 г. Мао Цзэ-дун вернулся в Чанша и занялся там общественной деятельностью. 14 июля 1919 г. вышел первый номер еженедельника «Сянцзянпинлунь», издававшегося Мао Цзэ-дуном в Чанша. В журнале была опубликована статья Мао Цзэ-дуна «Великое объединение народных масс», в которой указывалось, что победа Октябрьской революции в России — победа великого объединения народа и что китайский народ должен следовать примеру русской революции — осуществлять великое объединение народных масс Китая⁶.

Мао Цзэ-дун организовал в Чанша марксистский кружок «Синьпинсюэхой», в который привлек студентов и молодых рабочих. Из этого кружка вышли многие революционеры, как, например, Цай Хэ-сэнь, Сян Цзин-юй, Го Лян, Хэ Шу-хэн, Ся Си, Лю Сюэ-цзань, Чэнь Чан, Чжан Кунь-ди и другие⁷. Под руководством Мао Цзэ-дуна издавалась «Синьхуананьбао», работали кружки «Чуаньшаньсюэхой», «Цзысюдасюэ», «Сянцзянчжунсюэ», функционировала библиотека молодежи. Большую работу вел Мао Цзэ-дун через книжную лавку «Вэньхуашушэ» в Чанша. Она занималась распространением марксистской литературы не только в Чанша, но и далеко за пределами города — во всех уездах провинции⁸.

В это же время в стране возникают и другие марксистские кружки и группы. В Хунани Хэ Шу-дэ создал школу «Тунсуцзяоюйгуань» и начал издавать в 1920 г. газету «Хуаньтунсубао».

Пропаганду марксизма-ленинизма в северной части провинции Ху-

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 258.

⁵ «Синьпиннянь», 1919, т. VI, стр. 521.

⁶ 彭明 中蘇人民友誼簡史 中國青年出版社. Пэн Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. «Чжунгоиньяньчубаньшэ», 1955, стр. 18.

⁷ 千晉. 社會主義在中國傳播和中國共產黨形成. 學習. Юй Цзинь. Распространение идей социализма в Китае и образование Коммунистической партии Китая. «Сюэси», 1951, № 12, стр. 21.

⁸ См. там же.

бэй вел Юнь Дай-ин через книжную лавку «Лицюньшущэ» (1919 г.). Члены кружка Юнь Дай-ина выступали перед студентами с лекциями и докладами в Чанша, Хэньяне, в провинциях Аньхой, Сычуань, Хэнань. Юань Сяо-сянь создал в провинции Гуандун студенческий кружок (1919 г.) и стал выпускать еженедельную газету «Лаодуншэн» (1920 г.). Чжоу Энь-лай, Дэн Инь-чао и Ма Цзюнь организовали в Тяньцзине кружок «Цзюэшэ» (1919 г.). Он существовал недолго. Члены этой организации (Чжоу Энь-лай, Ма Цзюнь, Дэн Инь-чао) разъехались в различные места и вели там активную пропаганду марксизма. В 1919 г. в Шанхае были основаны журналы «Шаоняньчжунго» и «Синципинлунь», а в 1920 г. — «Лаодунчжэ», возникли кружки «Гундучжунтуань» и школа для рабочих. «Синципинлунь» выходил тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров и имел широкое распространение⁹. В ноябре 1920 г. был организован Социалистический союз молодежи.

Стали изучать марксизм-ленинизм многие студенты, учившиеся за границей. Во Франции китайские студенты объединились в кружки «Гунсюэшицзехой» и «Лаодунсехой». По инициативе «Лаодунсехой» были образованы Общество изучения коммунистических идей и Коммунистический союз молодежи. Они знакомили китайских студентов и рабочих за границей с марксизмом-ленинизмом, вели борьбу против анархических идей¹⁰. Марксистом становится Чжу Дэ, учившийся в Германии.

Многие газеты и журналы, не являвшиеся коммунистическими, были вынуждены для привлечения читателей печатать статьи о марксизме-ленинизме и историческом опыте русской революции. «Чэньбао», например, принадлежала политической группе Лян Ци-чао, и тем не менее в ней были опубликованы статьи «Подпольная Россия» (о подпольной борьбе русских коммунистов), «История русской революции», «Труд и капитал», «Материализм Маркса», «Манифест Коммунистического интернационала» и т. д.

Распространение марксизма-ленинизма в Китае проходило в борьбе против идеологических врагов. Эта борьба была по существу отражением борьбы пролетариата и буржуазии за гегемонию в революции.

Еще в начале XX в. в Китае появились философские группы, пропагандировавшие философский идеализм. После «движения 4 мая» деятельность философов-идеалистов усилилась. Философы-идеалисты были последователями западноевропейских и американских реакционных теорий.

По силе влияния в Китае первое место среди буржуазных теорий занимал прагматизм, который, как известно, является одной из разновидностей субъективного идеализма.

Активным пропагандистом прагматизма в Китае был Ху Ши. Его духовным отцом был Дьюи, который выступал в Китае с лекциями о прагматизме. В своих многочисленных статьях Ху Ши призывал отказаться от политической борьбы. Ху Ши выступал за политический реформизм, отрицал классовую борьбу, был ярким противником марксизма и боролся против его распространения в Китае. В июле 1919 г. Ху Ши выступил в журнале «Мэйчжоупинлунь» со статьей «Изучать больше практических вопросов, меньше говорить о теории». Теория, утверждал Ху Ши, используется для обмана людей. Он требовал меньше заниматься теорией, так как это не приносит пользы, а изучать пути решения тех или иных

⁹ См. Юй Цзинь. Указ. соч., стр. 21.

¹⁰ Там же.

практических вопросов, вроде вопросов о средствах существования рикши¹¹. Другими словами, Ху Ши пытался подорвать доверие к марксистскому учению, подменить развитие политической сознательности трудящихся узким практицизмом, помешать рабочему классу Китая понять свое назначение организоваться и вести политическую борьбу. Он стремился отвлечь внимание трудящихся от острых политических вопросов и толкнуть их на путь буржуазного реформизма. В августе 1919 г. в «Мэйчжоупинлунь»¹² появилась статья Ли Да-чжао «Еще раз о практических вопросах теории», которая нанесла прагматистам серьезный удар¹³. Практические вопросы и теория, писал Ли Да-чжао, неразрывно связаны. Если хочешь разрешить конкретную проблему, нужно заниматься теорией. Не зная теории, не поймешь порядок вещей, в результате — не решишь проблемы¹⁴.

Китайским марксистам пришлось выдержать борьбу также против реформистов типа Лян Ци-чао. В 1920 г. Лян Ци-чао выступил со статьями, в которых утверждал, что в Китае рабочий класс еще малочислен, классовое сознание его недостаточно развито, и поэтому коммунисты должны ограничиться чтением лекций, исследовательской работой или созданием кооперативов. Он призывал подождать с организацией рабочей партии, пока не разовьется промышленность и все безработные не станут промышленными рабочими¹⁵. В таком же духе высказывался Чжан Дун-сунь.

Лян Ци-чао и Чжан Дун-сунь встретили дружный отпор со стороны китайских марксистов. Ли Да-чжао писал, что Лян Ци-чао советует, по сути дела, сохранить и закрепить те рабские условия, в которые были поставлены китайские трудящиеся. Нужно не ждать, писал Ли Да-чжао, а приступить к строительству нового здания, следуя избранному идеалу¹⁶.

Как указывает Юй Цзинь в статье «Распространение идей социализма в Китае и образование Коммунистической партии Китая», члены Общества по изучению марксизма имели в это время общий недостаток: они не представляли себе ясно характера будущей китайской революции. При этом они полагали, что социалистическая революция может быть осуществлена «прямым действием» рабочего класса¹⁷.

В ходе борьбы с Ху Ши и Лян Ци-чао китайские марксисты углубили свои познания в теории марксизма-ленинизма, стали яснее представлять себе перспективы китайской революции.

Распространение марксистско-ленинского учения в массах способствовало развитию их политической сознательности. Политическая сознательность рабочего класса ярко проявилась в 1920 г. в дни празднования в Китае 1 Мая. В Шанхае подготовка к 1 Мая началась еще 18 ап-

¹¹ 每週評論. «Мэйчжоупинлунь», 20 июля 1919 г., № 31.

¹² «Мэйчжоупинлунь», 17 августа 1919 г., № 35.

¹³ Ху Ши впоследствии стал доверенным лицом чанкайшистской клики и американского империализма. Накануне полного разгрома гоминьдановского режима Ху Ши был назначен председателем Исполнительного юаня. Вместе с чанкайшистской кликой он бежал на Тайвань, затем в США. Прагматисты, оставшиеся в Китае, проникнув в редакции некоторых газет и журналов, в учебные заведения, совершали диверсионные акты против народно-демократического государства. Коммунистическая партия развернула решительную борьбу с прагматизмом и другими проявлениями идеализма.

¹⁴ «Мэйчжоупинлунь», 17 августа 1919 г., № 35, стр. 21—23.

¹⁵ 梁啓超. 現在與在將來, 復張東蓀書論社會主義運動. 改造. Лян Ци-чао. Настоящее время и будущее. «Гайцзао», т. III, № 4. Ответ Чжан Дун-суню в связи с его статьей «О социалистическом движении», «Гайцзао», т. III, № 6.

¹⁶ См. Юй Цзинь. Указ. соч., стр. 20.

¹⁷ Юй Цзинь. Указ. соч., стр. 21.

реля. Правительство вызвало военные и полицейские части, чтобы помешать проведению митинга. Но рабочие все же собрались на митинг, на котором произносились речи о необходимости борьбы рабочего класса за улучшение жизни¹⁸. В Пекине Ассоциация студентов организовала распространение первомайского воззвания трудящихся Пекина. Рабочие и студенты Пекина провели собрание, на котором выступил Ли Да-чжао¹⁹. «Синьциннянь» и другие прогрессивные журналы и газеты опубликовали статьи, в которых разъясняли значение пролетарского праздника, рассказывали о положении рабочего класса в стране, знакомили с жизнью трудящихся в Советской России. В листовке, выпущенной в связи с праздником, говорилось: «Россия — тот маяк и светоч, за которым надо идти».

Громадное значение для укрепления веры народных масс Китая в правоту идей социализма имели внешнеполитические акты советского правительства в отношении Китая. 25 июля 1919 г. Совет народных комиссаров РСФСР обратился с декларацией к народу и правительствам Северного и Южного Китая, в которой заявил, что советское правительство считает уничтоженными все тайные договоры, заключенные царским правительством с Японией, Китаем и бывшими союзниками, ликвидирует фабрики русских купцов на китайской земле, отказывается от особых привилегий и от права экстерриториальности в Китае²⁰.

Декларация советского правительства ярко отражала новые принципы в международных отношениях, провозглашенные и осуществляемые советским правительством. Впервые иностранная держава обращалась к китайскому народу как к равному и протягивала ему руку дружбы. 27 сентября 1920 г. советское правительство вручило представителю пекинского правительства Чжан Сы-лину меморандум, в котором предлагались конкретные условия соглашения между РСФСР и Китаем.

Пекинское правительство и иностранные империалисты стремились скрыть эти документы от китайского народа. Тем не менее широкие слои китайской общественности узнавали о них. Эти документы оказывали большое влияние на развитие революционной борьбы рабочего класса Китая. В одной из многих телеграмм, посланных из Китая в Москву в связи с обращением от 25 июля 1919 г., говорилось: «Мы знаем, что ваша революция направлена на то, чтобы восстановить права трудящихся, чтобы добиться счастья, действительной свободы и равенства человечества. Мы знаем, что крестьяне, рабочие и красногвардейцы всей России являются самыми любимыми людьми в мире». «Надеемся, — было сказано в другой телеграмме, — что народы Китая и России под справедливым знаменем свободы, равенства и взаимопомощи в крепкой дружбе общими усилиями ликвидируют международный гнет и различие между государствами, нациями и классами»²¹.

Группы рабочих и студентов в Тяньцзине и в Пекине по собственному почину развернули пропагандистскую деятельность, рассказывали о победе Октябрьской революции²². С 1 сентября 1920 г. журнал «Синьциннянь» отводил для широкой информации о Советской России специаль-

¹⁸ 申報. «Шэньбао», 20, 24, 27, 29 апреля 1920 г. 天津大公報. «Тяньцзиньдагунбао», 1, 5 мая 1920 г.

¹⁹ «Тяньцзиньдагунбао», 2 мая 1920 г.

²⁰ «Политика советской власти по национальному вопросу за 3 года — 1917—1920», 1920, стр. 48—49.

²¹ 中蘇關係史料. «Материалы по истории китайско-советских отношений», 1950, стр. 65—67.

²² 胡華. 中國新民主主義革命史. Ху Хуа. История новодемократической революции, 1950, стр. 6.

ную полосу под названием «Изучение России». В 1920 г. в Китае были опубликованы «Коммунистический манифест», переведенный с японского языка, «Развитие социализма от утопии к науке», «Самоопределение наций» (часть доклада В. И. Ленина на VIII съезде партии о программе партии)²³. В журнале «Синьцзиньнянь» появилась статья «Ленин об экономике переходного периода».

Большую роль в ознакомлении китайского народа с жизнью молодой советской республики сыграл пламенный борец китайской революции Цюй Цю-бо. В конце 1920 г. в качестве корреспондента пекинской газеты «Чэньбао» Цюй Цю-бо выехал в Москву. Он был тепло принят советским правительством, встречался с Лениным. Перу Цюй Цю-бо принадлежат многочисленные очерки, которые знакомили китайский народ с действительным положением в Советской России. Россия является первым государством социалистической революции, писал Цюй Цю-бо, центром мировой революции, связующим звеном между культурой Востока и Запада²⁴. Цюй Цю-бо решительно разоблачил лжесоциализм и антисоветские измышления Цзян Кан-ху.

В феврале 1921 г. Общество по изучению марксизма начало издавать ежемесячный журнал «Гунчаньдан» (Коммунистическая партия), который стал очень влиятельным органом. Хотя вышло только шесть номеров журнала, в нем было опубликовано много статей по вопросам марксизма-ленинизма: «Рождение III Интернационала», «Умиравший II Интернационал и расцветающий III Интернационал», «Компартия и ее организация», «История Коммунистической партии России», «Биография Ленина», работа В. И. Ленина «Государство и революция», «Краткая история революции трудящихся в России», «Красная Армия и ее моральные качества», «Программа Американской коммунистической партии», «Манифест Американской коммунистической партии», «Польская коммунистическая партия предостерегает рабочих всего мира» и т. д.²⁵

Пропаганда марксизма-ленинизма развивалась в острой борьбе с анархистами. Анархисты проникли в марксистские группы и попытались дезорганизовать работу некоторых из этих групп, в частности кантонской и пекинской. При выработке временной программы в пекинской группе возникли разногласия между истинными марксистами и анархистами, которые возражали против включения в программу пункта о диктатуре пролетариата²⁶.

Пропаганда марксизма-ленинизма в Китае, которую самоотверженно вели Ли Да-чжао, Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Юнь Дай-ин, Дун Би-у, Дэн Сяо-пин, Юань Сяо-сянь и другие, терпеливая и упорная разъяснительная работа в массах способствовали соединению марксистско-ленинской теории со стихийным рабочим движением. Революционное движение китайского пролетариата поднялось на новую, более высокую ступень.

1 июля 1921 г. в Шанхае нелегально открылся первый съезд Коммунистической партии Китая. Съезд принял устав Коммунистической партии Китая, обсудил вопрос о необходимости организационного единства партии, выработал линию партии в рабочем вопросе. Съезд вынес также решение об образовании Всекитайского секретариата профсоюзов и создании по всей стране организаций Социалистического союза молодежи.

²³ См. Пын Мин. Указ. соч., стр. 18—19.

²⁴ Там же, стр. 19.

²⁵ См. Юй Цзинь. Указ. соч., стр. 22.

²⁶ 中國現革命運動史. «История современного революционного движения в Китае», 1947, стр. 128.

Съезд принял решение оказывать помощь Сунь Ят-сену в его прогрессивной деятельности. Это был первый шаг на пути установления сотрудничества между коммунистической партией и гоминьданом. Съезд избрал центральные органы партии.

Уже на первом съезде марксистскому ядру пришлось вести борьбу против враждебных рабочему классу элементов, проникших в партию. Был дан отпор легальному марксисту Ли Хань-цзюню, утверждавшему, что коммунистическая партия должна ограничить свою деятельность пропагандой теории, создавать марксистские школы, библиотеки, издавать журналы и газеты и не должна вести организационную работу среди рабочих; что в данных условиях борьба рабочих якобы является беспредельной. Марксистское ядро выступило также против группы Лю Жэнь-цзиня, которая возражала против участия в буржуазно-демократическом движении, выступала против каких-либо форм легальной борьбы и возражала против допуска интеллигенции в партию. Лю Жэнь-цзин впоследствии стал троцкистом²⁷.

Особенностью Коммунистической партии Китая было то, что ни в идеологическом, ни в организационном отношении она не испытывала влияния II Интернационала. КПК родилась в новой исторической обстановке — после Октябрьской революции, она была создана на основе ленинских принципов.

В области пропаганды перед коммунистической партией стояли две серьезные задачи: систематическое распространение марксистско-ленинских идей и политическое руководство революционной борьбой масс. Большую роль в деле пропаганды марксизма-ленинизма сыграло издательство «Жэньминьчубаньшэ», основанное Коммунистической партией Китая 1 сентября 1921 г. Оно издало «Коммунистический манифест», выдержки из «Капитала», работу К. Маркса «Заработная плата, труд и капитал» и сборник трудов В. И. Ленина, в который были включены статьи о рабоче-крестьянских советах, о планировании, о коммунистических субботниках, о деятельности рабоче-крестьянского правительства, а также биография В. И. Ленина. Были опубликованы «Важные вопросы международного рабочего движения», «Решения III Интернационала», «История рабочего движения», «Хроника русской революции» и ряд других²⁸.

Кипучую деятельность развернули коммунисты во главе с Мао Цзэ-дуном в провинции Хунань. Зимой 1921 г. Мао Цзэ-дун, являвшийся секретарем хунаньского комитета партии, выехал в Аньюань и провел там большую работу по организации горняков. В Аньюань для создания школы рабочих был также направлен Лю Шао-ци, который открыл там клуб и школу железнодорожников и горняков.

Важное значение в деле организации рабочего класса, подготовки его к революционным битвам имел I Всекитайский съезд профсоюзов, проведенный по инициативе коммунистической партии в начале мая 1922 г. На съезде присутствовало 170 делегатов, представлявших 200 тыс. рабочих, объединенных в профсоюзы. Съезд рассмотрел вопросы об участии рабочих в демократической революции и об учреждении Всекитайского генерального совета профсоюзов²⁹.

Марксистско-ленинские идеи активно пропагандировал журнал «Сяндао», созданный 1 мая 1922 г. в качестве центрального органа Коммунистической партии Китая. Настойчиво и умело он распространял в широ-

²⁷ «История современного революционного движения в Китае», стр. 129.

²⁸ См. Юй Цзинь. Указ. соч., стр. 22.

²⁹ «История современного революционного движения в Китае», стр. 133.

ких массах рабочих идеи марксизма-ленинизма, опыт революции в России. «Сяндао» сыграл крупную роль в подготовке трудящихся к первой революционной войне и в организации масс в ходе самой войны.

На втором съезде Коммунистической партии Китая в мае 1922 г. в Ханчжоу была выдвинута задача создать объединенный демократический фронт рабочих, беднейших крестьян и мелкой буржуазии. КПК предложила конкретную программу борьбы объединенного фронта, которая требовала ликвидировать милитаризм и установить мир в стране, свергнуть империалистический гнет и обеспечить полную независимость Китая, объединить страну, предоставить рабочим и крестьянам демократические права, улучшить материальное положение, установить восьмичасовой рабочий день, ввести страхование рабочих, охрану труда женщин, снизить налоги, ограничить размеры арендной платы за землю, предоставить женщине равные с мужчиной права, ввести всеобщее образование и т. д.³⁰

Коммунисты усилили свою деятельность среди рабочих и молодежи. В мае 1922 г. под руководством коммунистической партии был проведен первый съезд Союза социалистической молодежи Китая. Союз, который уже тогда насчитывал четыре тысячи членов, решительно боролся с реакционным идеологическим влиянием христианских союзов молодежи. В этой борьбе Союз социалистической молодежи окреп и расширил свои ряды.

Самоотверженный труд китайских коммунистов, несших в рабочие массы учение Маркса — Ленина, дал свои плоды. Все более широкие слои рабочего класса начинали понимать, что только революция сможет освободить Китай от иностранных империалистов, от помещиков, милитаристов и крупных бюрократов, и готовы были идти на решительную схватку с этими врагами.

Первым крупным политическим выступлением рабочего класса Китая, явившимся результатом соединения марксистско-ленинской теории с революционным движением в Китае, была стачка рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги. В ответ на разгон войсками У Пэй-фу профсоюзной конференции в Чжэнчжоу, на которой предполагалось учредить Генеральный союз рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги, 4 февраля 1923 г. железнодорожники не вышли на работу, движение по всей линии прекратилось. Рабочие потребовали возместить убытки, нанесенные профсоюзу, возвратить конфискованное профсоюзное имущество, установить день отдыха по воскресеньям и ежегодно предоставлять недельный отпуск. Стачку поддержали рабочие других районов Китая.

Вожаками бастующих были коммунисты. Они проявили выдержку и мужество, что способствовало укреплению влияния коммунистической партии среди рабочих. Когда каратели привязали к телеграфному столбу председателя исполкома профсоюза железнодорожников Цзянани Линь Сян-цяна и потребовали, чтобы он отдал распоряжение членам профсоюза о выходе на работу, Линь Сян-цян решительно отказался, заявив палачам: «Это вопрос жизни или смерти тридцати тысяч рабочих всей дороги. Члены нашего профсоюза, не получив приказа Генерального совета, не приступят к работе. Можете отрубить мне голову, но на работу не выйдем»³¹.

Стачка была подавлена, но она сыграла большую роль в деле организации рабочего класса Китая. Она свидетельствовала о том, что китайский пролетариат представляет собой самостоятельную революционную

силу, из класса «в себе» он становится классом «для себя». Вместе с тем стачка показала, что для того чтобы повести борьбу в общегосударственном масштабе и одержать победу, рабочий класс должен опираться на широкий фронт антиимпериалистических и антифеодалных элементов, прежде всего — крестьянства и мелкой буржуазии.

Еще до стачки рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги компартия начала вести политическую и организационную работу среди крестьянства.

Мао Цзэ-дун уделял большое внимание организации крестьян и руководил созданием крестьянских союзов в Хунани. В провинции Гуандун упорно и терпеливо работал среди крестьян коммунист Пын Бай. В январе 1923 г. был организован крестьянский союз уезда Хайфын, объединявший около 20 тыс. крестьянских семей. Вслед за этим стали возникать крестьянские союзы в других уездах провинции. Крестьяне требовали снизить арендную плату и налоги. Это, однако, было только началом той огромной деятельности, какую Коммунистическая партия Китая проводила в деревне.

Большую роль в распространении марксистско-ленинского учения сыграл организованный в 1923 г. Шанхайский университет, где деканом факультета общественных наук был Цюй Цю-бо и преподаватели-коммунисты Цай Хэ-сэнь, Чжан Тай-лэй, Жэнь Би-ши, Юнь Дай-ин и другие.

Подъем революционного движения в стране, возглавлявшийся коммунистами, оказал большое влияние на Сунь Ят-сена, который стоял во главе гоминьдана. Сунь Ят-сен понял, что для того, чтобы революция в Китае увенчалась успехом, необходимо изучать опыт русских, нужно опираться на массы. «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования, — писал Сунь Ят-сен 28 августа 1921 г. народному комиссару по иностранным делам Чичерину. — Я хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня»³². Сунь Ят-сен указывал, что Коммунистическая партия России смогла одержать победу потому, что на стороне партии — сердца большинства людей России, что ее поддерживает русский народ. Он подчеркивал, что Советская Россия смогла отразить интервенцию благодаря героической борьбе русского народа³³. Сунь Ят-сен пришел к выводу о необходимости реорганизовать гоминьдан и установить сотрудничество с Коммунистической партией Китая. Осенью 1922 г. он собрал в Шанхае совещание, на котором был выработан план реорганизации гоминьдана. Это облегчило создание единого демократического фронта.

Коммунисты оказывали политическое влияние на Сунь Ят-сена. В июне 1923 г. состоялся третий съезд Коммунистической партии Китая, на котором решался вопрос о вступлении коммунистов в гоминьдан.

Съезд прошел в обстановке острой борьбы марксистского ядра против правых и левых оппортунистов. Чжан Го-тао и некоторые другие члены партии выступали против тактики единого фронта, утверждая, что рабочий класс может один совершить революцию, а гоминьдан не способен участвовать в демократической революции. Поэтому они были против вступления коммунистов, рабочих и крестьян в гоминьдан. Правооппортунистическая группа во главе с Чэнь Ду-сю, напротив, вела дело

³⁰ «История современного революционного движения в Китае», стр. 162—163.

³¹ Там же, стр. 139—140.

³² «Большевик», 1950, № 19, стр. 48.

³³ Пын Мин. Указ. соч., стр. 31.

к полному растворению коммунистической партии в гоминьдане, к потере ею политической самостоятельности. Первой революцией, т. е. буржуазно-демократической революцией, считали правые, должна руководить буржуазия, и нужно дать буржуазии возможность создать буржуазную республику. Отсюда они делали вывод, что пролетариат должен играть не главную, а пассивную, вспомогательную роль в буржуазно-демократической революции, что он сможет свергнуть власть буржуазии только после создания буржуазной республики и высокого развития капиталистической экономики.

Съезд принял решение о вступлении коммунистов в гоминьдан, наметил программу свержения господства империалистов и феодалов-милитаристов.

Победа на съезде марксистской группы явилась конкретным примером мастерского применения теории марксизма-ленинизма в условиях Китая. В январе 1924 г. состоялся съезд гоминьдана, оформивший сотрудничество между коммунистической партией и гоминьданом. В работе съезда приняли участие Мао Цзэ-дун и другие руководящие деятели КПК. В манифесте съезда были по-новому сформулированы три народных принципа. Они непосредственно сочетались с тремя великими установками: союз с коммунистической партией, союз с СССР, опора на рабочих и крестьян. Это была программа единого фронта в демократической революции.

Союз с гоминьданом свидетельствовал о политической зрелости китайских коммунистов, на практике применивших ленинское указание о союзниках в революции.

Творческое применение стратегии и тактики ленинизма, умение учитывать в своей практической деятельности национально особенное и национально специфическое стали мощным оружием Коммунистической партии Китая в ее борьбе за победу дела демократии и социализма. Победа китайской революции явилась великим торжеством марксизма-ленинизма.

ПРИМЕР ДОБРОСОСЕДСТВА И ДРУЖЕСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Р. Т. АХРАМОВИЧ и И. Ф. БЕЛОВ

Минувший год ознаменовался важным событием в истории советско-афганских отношений. По приглашению правительства Афганистана Кабул посетили с визитом дружбы Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев. Поездка государственных деятелей Советского Союза в дружественную соседнюю страну Афганистан позволила обеим сторонам в обстановке искренности и взаимного доверия обсудить свою миролюбивую и добрососедскую политику, а также изучить возможности дальнейшего расширения политических, экономических и культурных связей между двумя странами на основе уважения политики нейтралитета, проводимой Афганистаном.

Отношения между Советским Союзом и Афганистаном дают пример мирного сотрудничества двух государств с различным общественным строем. Выступая на стадионе Гази, где присутствовали государственные деятели Афганистана и тысячи жителей Кабула, Н. С. Хрущев сказал: «Дружба между нашими странами имеет глубокие корни. Великий Ленин стоял у истоков этой дружбы... Никогда она не омрачалась конфликтами или спорами, и мы глубоко уверены, что этого никогда не будет и впредь»¹.

Дружественные связи народов обеих стран превратились с первых дней существования Советского государства в один из важнейших факторов, содействующих развитию Афганистана как независимого государства.

* * *

На протяжении многих веков народам Афганистана приходилось неоднократно отстаивать страну от чужеземных захватчиков. Афганское независимое государство сложилось в XVIII в. в результате почти двухвековой героической борьбы афганцев за свою независимость. Тяжелые испытания выпали на долю афганского народа в XIX в. В 1838 г. англичане развязали первую захватническую войну против Афганистана. Захват войсками английской Ост-Индской компании Кандагара, а затем и Кабула сопровождался введением в стране колониальных порядков. Всенародная освободительная война, развернувшаяся в Афганистане вслед за антианглийским восстанием населения Кабула зимой 1841 г., закончилась в 1842 г. изгнанием интервентов. В 1878 г. английские колонизаторы начали вторую захватническую войну против Афганистана. Оккупировав

¹ Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. М., 1955, стр. 190.

Каандагар и Джелалабад, они навязали Афганистану кабальный договор, превращавший эту страну в зависимое от Англии государство.

Свободолюбивый народ Афганистана ответил на это всеобщим восстанием, начавшимся в Кабуле в сентябре 1879 г. В 1880 г. англичане были вынуждены вывести войска из Афганистана и отказаться от назначения в Кабул своих резидентов. Освободительная борьба народов Афганистана в годы первой и второй англо-афганских войн, всенародные восстания против захватчиков сорвали попытки колонизаторов ликвидировать афганскую государственность.

Однако вторая англо-афганская война привела к установлению английского контроля над международными связями Афганистана, что лишило его внешнеполитического суверенитета. Кроме того, в 1893 г. путем военных провокаций и дипломатического нажима Англия вынудила афганского эмира подписать соглашение о новом разграничении между британскими владениями в Индии и Афганистаном. Этим соглашением закреплялось включение афганских земель правобережья Инда в состав британских владений, в результате чего афганский народ был искусственно расчленен. Значительная часть афганцев (пуштунов) оказалась за пределами афганского государства.

Англия намеревалась включить весь Афганистан в состав своих колониальных владений. Об этом пишут современные афганские историки. Так, Сеид Касем Риштия, автор книги «Афганистан в XIX веке», подчеркивает, что англо-афганские войны 1838—1842 и 1878—1880 гг. явились результатом «стремления Англии расширить во все стороны площадь своих колоний и укрепить свою новую империю на Востоке»². «Специальный и определенный план» Англии, отмечает Риштия, состоял в том, чтобы «осуществить военный захват Афганистана и поставить его под свой контроль»³.

Английские колонизаторы прилагали всяческие усилия к тому, чтобы ухудшить русско-афганские отношения. Англия пыталась провоцировать пограничные конфликты между Россией и Афганистаном, толкнуть афганских эмиров на выступления против России. Известный афганский историк и дипломат, д-р ист. наук Наджибулла-хан, выступая в Дели в 1950 г. перед индийскими учеными, заявил, что «Великобритания дважды пыталась покорить Афганистан и натравить его на Россию, чтобы тем самым укрепить свое политическое положение»⁴.

Буржуазная историография, в первую очередь — английская, стремится оправдать агрессивный курс английской политики в отношении Афганистана в XIX в. необходимостью «защиты» английских владений в Индии от «угрозы русского вторжения». Однако эта концепция при сопоставлении с фактами не выдерживает критики. Царская Россия, проводившая агрессивную политику в Средней Азии, тем не менее не угрожала британскому господству в Индии. В результате добросовестного анализа истории взаимоотношений России и Афганистана, афганские историки приходят к выводам, опровергающим домыслы апологетов британского империализма. В этом отношении весьма показательны высказывания известного афганского историка, главы «Исторического общества» Афганистана проф. Ахмада Али Кохзада относительно статьи бывшего английского посла в Кабуле Сквайра, опубликованной

² Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке. Кабул. Изд. «Исторического общества», 1949, введение.

³ Там же, стр. 77.

⁴ «Ислах», 17 мая 1950 г.

в Лондоне в 1950 г. «Сквайр утверждает, — пишет Кохзад в кабульской газете „Анис“, — что Афганистан 100 лет служил преградой на пути экспансионистской политики царской России..., что создания этой преграды Великобритания добилась в результате двух войн и что история Афганистана тесно связана с историей Великобритании». В связи с этим Кохзад отмечает, что «после того, как англичане создали Ост-Индскую компанию в Бенгальском заливе, история Афганистана действительно стала связанной с историей Великобритании... Но эта связь принесла афганцам и Афганистану только несчастья и больше ничего. Англичане несколько раз свергали законных правителей Афганистана, угнетали афганский народ и расчленяли афганскую территорию... Что касается отношений Афганистана с русскими, то этот вопрос Сквайру следовало бы оставить в покое, ибо в течение XIX столетия англичане два раза нападали на Афганистан и лишали его независимости, а русские ни разу. Причем Советская Россия является страной, которая первой признала независимость Афганистана. В настоящее время, как и прежде, между Афганистаном и Россией существуют дружественные отношения, основанные на взаимном уважении прав обеих сторон». Далее Кохзад отмечает, что Британия никогда не была и сейчас не является защитницей малых стран. Наоборот, она стремится лишить малые страны самостоятельности⁵.

В 1907 г. между Англией и царской Россией было подписано соглашение о разграничении «сфер влияния» в странах Среднего Востока. По этому соглашению Афганистан включался в «сферу исключительного влияния» Британии. Соглашение 1907 г. вызвало резкое осуждение со стороны русского народа. Подлинный выразитель интересов трудящихся России — ленинская партия большевиков разоблачила империалистический характер соглашения. Пражская конференция РСДРП, проходившая под руководством В. И. Ленина, выступила в защиту независимости стран Азии, интересы которых ущемляло это соглашение.

* * *

Эпоху освобождения народов Азии от чужеземного гнета открыла Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Под непосредственным влиянием Великого Октября в Афганистане развернулась борьба за восстановление независимости и суверенитета страны. В феврале 1919 г. афганский эмир Аманулла-хан провозгласил Афганистан независимым государством. Однако обращение Афганистана к Великобритании с предложением пересмотреть на основе равноправия сторон англо-афганские отношения было отвергнуто. Англия потребовала соблюдения старых кабальных договоров. Одновременно англичане начали концентрировать свои войска на индо-афганской границе, явно готовясь к новой колониальной войне.

В это тревожное время афганские патриоты, решившие довести до конца дело восстановления суверенитета своей страны, вступают в непосредственный контакт с советским правительством. В обращении на имя В. И. Ленина 7 апреля 1919 г. эмир Афганистана писал: «Во имя... мира и забот о благе человечества я считаю неотложно необходимым заявление о союзе и дружбе... Так как Вы с другими своими товарищами, друзьями человечества, заботитесь о всемирном мире и благе и провозгласили принцип свободы и равноправия народов всего мира, посему ныне, впервые, во имя жаждущего прогресса афганского народа,

⁵ «Анис», 25 марта 1951 г.

я счастлив, что пишу Вам это дружеское послание Независимого Свободного Афганистана»⁶.

В послании афганскому эмиру, направленном 27 мая 1919 г., В. И. Ленин от имени рабоче-крестьянского правительства и всего народа Советской России передал «привет независимому афганскому народу, героически отстаивавшему свою свободу от иностранных поработителей». В. И. Ленин заявил о готовности советского правительства немедленно обменяться посольствами с Афганистаном. Особое значение этого мероприятия В. И. Ленин видел в том, что «установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу»⁷.

Таким образом, между молодой Советской республикой и суверенным Афганистаном установились дружественные отношения.

Поддержка, оказанная Советским государством народам Афганистана, боровшимся за независимость, дала возможность афганскому правительству сосредоточить свои усилия на организации отпора английским колонизаторам. Сконцентрировав войска на южной границе, Афганистан выступил против английских колонизаторов, развязавших в мае — июне 1919 г. третью захватническую войну против этой страны. Борьба афганцев против захватчиков существенно облегчалась действиями советских вооруженных сил против английских интервентов в советской Средней Азии. Активную военную поддержку афганским войскам оказали афганские племена на индо-афганской границе. Освободительной борьбе афганцев способствовал также подъем национально-освободительного движения в Индии. В новой международной обстановке, сложившейся в результате победы Великого Октября и возникновения Советского государства, Англия, несмотря на военное преимущество над афганцами, не смогла уничтожить независимость Афганистана.

Англичане были вынуждены заключить перемирие с Афганистаном. В августе 1919 г. в Равальпинди был подписан прелиминарный мирный договор, по которому Англия признала независимость и суверенитет афганского государства.

* * *

В октябре 1919 г. в Москву прибыло афганское чрезвычайное посольство, которое было принято В. И. Лениным. В. И. Ленин заверил представителей Афганистана в том, что Советская Россия горячо поддерживает народы Востока, борющиеся за независимость, так как Советское государство стремится к тому, чтобы все народы мира были свободны. В ответ на привезенное посольством письмо афганского эмира, содержащее пожелания об «установлении дружественных связей и искренних отношений между обоими государствами», В. И. Ленин в своем письме от 27 ноября 1919 г. на имя главы афганского государства приветствовал «почин для установления дружбы между великими народами русским и афганским». «С первых дней славной борьбы афганского народа за свою независимость, — писал В. И. Ленин, — рабоче-крестьянское правительство России не замедлило признать новый порядок вещей в Афганистане, торжественно признало его полную независимость и отправило свое посольство для создания постоянной и неослабной связи между Москвой и Кабулом...

⁶ Сб. «Материалы по национально-колониальным проблемам». М., 1934, № 7 (22), стр. 70.

⁷ Там же, стр. 71.

Рабоче-крестьянское правительство России поручает своему посольству в Афганистане вступить в переговоры с правительством афганского народа для заключения торговых и иных дружественных договоров»⁸.

В соответствии с принципами равноправия государств, уважения территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друга 28 февраля 1921 г. был подписан советско-афганский договор о дружественных отношениях, сыгравший важную роль в упрочении независимости Афганистана.

Английские колонизаторы, оказавшись вынужденными признать независимость Афганистана, пытались, тем не менее, восстановить свои позиции в этой стране. Летом 1920 г. в Кабуле был раскрыт организованный английской агентурой антиправительственный заговор. В январе 1921 г. Англия направила афганскому правительству свой проект англо-афганского договора, содержащий требование прекратить какие бы то ни было сношения с Советской Россией, помимо торговых.

Вмешиваясь во внутренние дела Афганистана, колонизаторы стремились изолировать его от Советской России, что рассматривалось ими как важнейшее условие ликвидации завоеванного афганским народом суверенитета. Правительство Афганистана, поддержанное собравшейся в Кабуле Большой джиргой (собрание представителей населения), ратифицировало советско-афганский договор от 28 февраля 1921 г., тем самым твердо показав свою решимость проводить самостоятельную внешнюю политику, отвечающую интересам страны.

Советско-афганский договор 1921 г., заключенный, как сказано в преамбуле, «в целях упрочения дружественных отношений между Россией и Афганистаном и ограждения действительной независимости Афганистана», открыл новую страницу в афганской истории. Это был первый равноправный договор Афганистана с великой державой. Стороны признавали независимость друг друга, взаимно обязались «не вступать с третьей державой в военное или политическое соглашение, которое доставило бы ущерб одной из договаривающихся сторон». Советское правительство предоставляло Афганистану «денежную и другую материальную помощь». В договоре предусматривался свободный и беспопытный транзит через территорию РСФСР «всякого рода грузов, закупленных Афганистаном как в самой России..., так и непосредственно за границей»⁹.

Очередная попытка изолировать Афганистан от верного защитника его независимости — Советского государства была предпринята Англией в мае 1923 г. В направленном советскому правительству так называемом «ультиматуме Керзона» содержалось требование немедленно отозвать советских дипломатических представителей из Кабула. Одновременно Англия открыто начала военные приготовления на границе с Афганистаном и потребовала от него прекращения дипломатических отношений с СССР.

Советское правительство отвергло этот ультиматум, что сорвало планы империалистов, рассчитанные на ухудшение советско-афганских отношений.

В августе 1926 г. между Советским Союзом и Афганистаном был заключен пакт о нейтралитете и взаимном ненападении. Пакт способствовал значительному укреплению советско-афганских дружественных взаимоотношений. Он затруднил попытки колонизаторов использовать террито-

⁸ Сб. «Материалы по национально-колониальным проблемам». М., 1934, № 7 (22), стр. 72, 74.

⁹ См. «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства», № 36, 25 апреля 1924 г., стр. 465—467.

рию Афганистана для организации антисоветских авантюр, направленных одновременно против афганской независимости.

Советское правительство проводило политику, которая содействовала развитию национальной экономики Афганистана. К 1928 г. товарооборот между СССР и Афганистаном достиг довоенного уровня. Большую помощь афганским экономическим учреждениям оказали приглашенные правительством Афганистана советские специалисты. Афганская молодежь обучалась в советских учебных заведениях. В ноябре 1927 г. было подписано соглашение об установлении регулярного воздушного сообщения между Ташкентом и Кабулом.

В 1928 г. реакционные элементы, поддержанные английскими империалистами, начали междоусобную войну в Афганистане. Колонизаторы рассчитывали посадить на афганский престол своего ставленника Хабибуллу (Бача-и-Сакао) и тем самым упрочить свои позиции в Афганистане, свести на нет его внешнеполитические и экономические успехи, достигнутые за годы независимого существования, восстановить кабальные договоры, навязанные Афганистану Англией, изолировать Афганистан от Советского государства, сорвать советско-афганское сотрудничество. В период недолгого правления Бача-и-Сакао имели место многочисленные налеты басмаческих банд на территорию советских среднеазиатских республик.

Патриотические силы Афганистана объединились вокруг видного афганского военного и политического деятеля Надир-хана и положили конец междоусобице. 15 октября 1929 г. Большая джирга провозгласила Надир-хана королем Афганистана.

Надир-шах и стоявшие за ним национальные силы выступили за сохранение и упрочение добрососедских, дружественных отношений с Советским Союзом. В телеграмме советскому правительству, направленной 17 октября 1929 г., Надир-шах заявил о своем желании, «чтобы дружественные отношения, уже существующие между обоими правительствами, продолжались наилучшим образом и на самых прочных основаниях»¹⁰. Правительство Советского Союза подтвердило неизменность добрососедских отношений между обоими государствами, выразив полную готовность развивать их дальше на базе существующих соглашений. Советское правительство подчеркивало стремление СССР развивать советско-афганские взаимоотношения «в соответствии с интересами укрепления независимости Афганистана и его хозяйственно-культурного прогресса»¹¹.

24 июня 1931 г. между СССР и Афганистаном «в целях упрочения дружественных и добрососедских отношений, счастливых существующих между обеими странами»¹², был заключен договор о нейтралитете и взаимном ненападении на тех же началах, что и пакт 1926 г. Советско-афганский договор 1931 г. сыграл существенную роль в укреплении советско-афганской дружбы. Он также содействовал упрочению международного положения Афганистана.

Правительство Надир-шаха приняло меры против деятельности на территории Афганистана шаяк басмачей. В 1930—1931 гг. правительственные войска разгромили басмаческие банды в Северном Афганистане. Те из них, которые пытались скрыться на территории СССР, были уничтожены пограничными частями Советской Армии. В сентябре 1932 г. СССР и Афганистан обменялись нотами о введении на советско-афганской границе института пограничных комиссаров, что

¹⁰ «Внешняя политика СССР». Сб. документов, т. III. М., 1945, стр. 392.

¹¹ Там же, стр. 393.

¹² Там же, стр. 499.

способствовало нормализации и упорядочению пограничного режима. В июле 1933 г. СССР, Афганистан и некоторые другие пограничные с Советским Союзом государства подписали конвенцию об определении агрессии, основанную на принципах добрососедства и взаимной безопасности.

После смерти в 1933 г. Надир-шаха, его сын — нынешний король Афганистана Мухаммад Захир-шах, вступая на престол, заявил о желании Афганистана поддерживать и укреплять дружественные отношения с СССР. 16 ноября 1933 г. советское правительство подтвердило свою готовность и впредь содействовать упрочению добрососедских связей между обоими государствами¹³.

Новым доказательством неизменности и прочности дружбы СССР и Афганистана явился подписанный между обоими государствами в марте 1936 г. протокол о продлении на десять лет заключенного в 1931 г. советско-афганского договора о нейтралитете и ненападении.

Дружба с Советским Союзом помогала Афганистану проводить не только самостоятельную внешнюю политику, но и осуществлять важные мероприятия в области экономики. В 30-е годы правительство Афганистана предпринимает меры, направленные к объединению национальных торговых капиталов, путем создания акционерных компаний — так называемых ширкетов. Получив от государства монополию на ведение внешнеторговых операций, ширкеты постепенно начали вытеснять из внешней торговли страны представителей иностранных капиталистических монополий. Афганистан стал непосредственно выступать на мировых рынках, что, несомненно, способствовало укреплению позиций афганского национального капитала. Иностранные монополии встретили эти мероприятия афганского правительства враждебно. Советские же внешнеторговые организации осуществляли коммерческие связи с ширкетами на основе благоприятного для Афганистана принципа нетто-баланса.

В предвоенные годы Советский Союз оказал Афганистану помощь в промышленном строительстве и в укреплении афганского сельскохозяйственного производства. При помощи советских специалистов и на базе советского оборудования в Афганистане были построены хлопкоочистительные заводы, ряд других предприятий и технических объектов. В 1935 и 1938 гг. были подписаны советско-афганские соглашения о совместных мероприятиях в области борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений.

Успешное развитие дружественных связей между СССР и Афганистаном наносило удар колонизаторским планам врагов афганской независимости. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, активным противником советско-афганской дружбы выступил также германский империализм. В октябре 1941 г. правительство Афганистана приняло меры по пресечению враждебной деятельности фашистской агентуры на афганской территории. Собравшаяся в Кабуле в ноябре 1941 г. Большая джирга заявила о намерении Афганистана соблюдать нейтралитет. В течение всех военных лет Афганистан придерживался этой политики, отвечающей интересам страны.

* * *

В годы второй мировой войны американские монополии, воспользовавшись нарушением торговых связей Афганистана с другими странами, значительно укрепили свои позиции в афганской внешней торговле. С 1944 г. в Америку вывозится почти весь афганский экспортный каракуль, составляющий до 95% экспорта Афганистана в США.

¹³ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 681.

В 1946 г. Соединенные Штаты навязали Афганистану соглашение с американской компанией «Моррисон-Надсен» о строительстве ирригационного канала и дорог на юге страны. Уже в течение первых двух лет на покрытие расходов, связанных с деятельностью компании, ушли долларовые накопления афганского правительства, находившиеся в американских банках. Однако компания не завершила к условленному 1949 г. строительства намеченных объектов и потребовала дополнительных ассигнований. В связи с этим афганское правительство оказалось вынужденным просить в США заем.

Действия фирмы «Моррисон-Надсен» вызвали недовольство в Афганистане. С разоблачением злоупотреблений этой компании выступили некоторые депутаты Народного совета. Предоставив Афганистану заем в 21 млн. долл., США потребовали продления договора с «Моррисон-Надсен» и расширения объема проводимых ею строительных работ. Согласно подписанному в 1950 г. соглашению, компания обязалась закончить сооружение канала и построить плотины на реках Гильменд и Аргендаб. В 1954 г. Экспортно-импортный банк США предоставил Афганистану второй заем в сумме 18,5 млн. долл. с условием, что и эти средства будут расходоваться на оплату произведенных компанией «Моррисон-Надсен» работ и закупку в США необходимых ей материалов и оборудования. Афганские газеты отмечают, что полученные в США займы не приносят пользы экономике Афганистана. Эти займы «связали нас по рукам и ногам. Они обходятся нам чрезвычайно дорого, — писала в 1955 г. газета «Анис». — Нас вынуждают брать их только на невыгодных для нас американских условиях»¹⁴.

Деятельность американских монополий в Афганистане оказала отрицательное воздействие на экономическое положение страны. Платежный баланс Афганистана с США является пассивным. Характеризуя афгано-американские расчеты, выходящий в США журнал «Миддл ист джорнэл» писал в 1949 г.: «С 1946 г. оплата иностранных специалистов, техников и, сверх того, услуг американской строительной фирмы „Моррисон-Надсен“ поглощает даже увеличившиеся суммы иностранной валюты, полученной (Афганистаном. — Р. А., И. Б.) от экспорта... Поэтому в балансе последних нескольких лет платежи за товары и услуги превышают поступающие средства»¹⁵. Газета «Анис» писала в 1953 г., что США, оказывая «помощь» странам Среднего Востока, преследуют своекорыстные цели и что «за каждым видом этой помощи скрывается прямая или косвенная выгода для США».

Колонизаторским целям, преследуемым в Афганистане империалистическими государствами, прямо противоположны содержание и характер советско-афганских отношений, развивающихся на основе полного соблюдения взаимных интересов.

17 июля 1950 г. между СССР и Афганистаном было заключено соглашение о товарообороте и платежах, которое привело к росту советско-афганского товарооборота. С 1949 по 1954 г. он увеличился более чем в два раза¹⁶. Подписанный в ноябре 1954 г. протокол о товарообороте предусматривал увеличение поставок в Афганистан нефтепродуктов, металла, сахара, медикаментов, хлопчатобумажных тканей, автомашин, оборудования и т. п., а из Афганистана в СССР — шерсти, хлопка, кожаного сырья, сухофруктов, масличных семян.

В августе 1955 г. в Кабуле подписан советско-афганский протокол

¹⁴ «Анис», 2 января 1955 г.

¹⁵ «The Middle East journal», июль 1949 г., т. 3, № 3, стр. 307.

¹⁶ И. Ефанов. К советско-афганским экономическим отношениям. «Внешняя торговля», 1955, № 8, стр. 2.

о товарообмене на 1956 г., предусматривающий дальнейшее значительное расширение торговли, в том числе увеличение поставок из СССР нефтепродуктов и проката черных металлов.

Успешно развивается советско-афганское сотрудничество в области промышленного и другого хозяйственного строительства в Афганистане. Советский Союз оказывает Афганистану помощь в строительстве элеваторов, мельницы и хлебозавода, сооружение которых облегчит задачу создания запасов зерновых в Афганистане, а также позволит улучшить снабжение населения Кабула хлебом.

В мае 1955 г. в Кабуле был сдан в эксплуатацию асфальто-бетонный завод, оборудованный советскими машинами. «Постройка этого крупного и весьма полезного завода является замечательным мероприятием», — писала кабульская газета «Памир». Газета отметила, что новый завод послужит делу прогресса страны, ибо позволит приступить к благоустройству Кабула и других городов, а также явится школой для подготовки национальных технических кадров¹⁷.

В результате переговоров, происходивших в обстановке дружественного взаимопонимания, в июне 1955 г. в Москве было подписано советско-афганское соглашение по транзитным перевозкам, которое предусматривает для Афганистана и СССР право свободного транзита товаров через территорию обеих стран. При этом с транзитных грузов не будут взиматься пошлины, налоги и сборы, а транспортно-экспедиторские расходы будут исчисляться по наиболее низким ставкам. К минимуму сводятся и таможенные формальности. Оплата транспортных расходов должна производиться не валютой, а путем поставки товаров, что имеет особенно большое значение для Афганистана¹⁸. Советско-афганское соглашение о транзите помогает Афганистану успешно противостоять тому давлению, которое оказывают на эту страну организаторы агрессивных блоков в Азии.

* * *

Империалистические круги предпринимают попытки вовлечь Афганистан в свои военно-политические группировки.

После заключения в 1954 г. турецко-пакистанского пакта западные державы усилили нажим на Афганистан, чтобы заставить его присоединиться к этому пакту. Исходя из своих национальных интересов, Афганистан в июне 1954 г. заявил об отрицательном отношении к турецко-пакистанскому пакту. Американская реакционная печать разразилась угрозами в адрес Афганистана и его правительства. Эти угрозы были справедливо расценены в Афганистане как грубое и возмутительное вмешательство во внутренние дела этой страны.

В 1955 г., продолжая оказывать давление на Афганистан с целью вовлечения его в агрессивный Багдадский пакт, колонизаторы сделали основную ставку на Пакистан, правящие круги которого проводят политику участия в военных блоках. Правительство Пакистана пошло на обострение афгано-пакистанских отношений, избрав в качестве предлога афгано-пакистанские разногласия из-за пуштунских племен. «Линия Дюранда», искусственно отделившая часть этих племен от афганского народа, после раздела Индии в 1947 г. стала государственной границей между Афганистаном и Пакистаном. Вопреки национальным чаяниям пуштунов, их земли были включены в состав Пакистана. В последние годы пуштуны все более активно выступают за создание своего независимого государства — Пуштунистана.

¹⁷ «پامير» «Памир», 19 мая 1955 г.

¹⁸ См. И. Ефанов. Указ. соч., стр. 1.

Правительство Афганистана, выступая поборником справедливых национальных прав пуштунских племен, неоднократно заявляло пакистанским властям о своей готовности к переговорам по вопросу о Пуштунистане. «Политика Афганистана твердо зиждется на дружественных и миролюбивых отношениях со всеми, особенно соседними странами», — заявил в 1955 г. афганский премьер-министр Мухаммад Дауд, подчеркивая, что «Афганистан стоит за разрешение разногласий мирным путем»¹⁹. Однако правящие круги Пакистана отвергают предложения Афганистана.

Империалистические державы пытаются использовать проблему Пуштунистана в целях обострения положения в этом районе, что облегчило бы им вмешательство в дела как Пакистана, так и Афганистана. Территория пуштунских племен рассматривается колонизаторами и как важный стратегический район. Стремясь сорвать мирное урегулирование пуштунистанского вопроса, помешать улучшению афгано-пакистанских отношений, империалистические организаторы военного блока СЕАТО в марте 1956 г. распространили сферу деятельности этого блока на Пуштунистан.

Вопреки нажиму империалистических держав, стремящихся заставить Афганистан отказаться от самостоятельного внешнеполитического курса, афганское правительство последовательно придерживается политики нейтралитета и неучастия в агрессивных военно-политических группировках. В речи, произнесенной 30 августа 1955 г. в Кабуле по случаю Дня независимости, король Афганистана Мухаммад Захир-шах заявил, что внешняя политика Афганистана основывается на принципах дружбы и сотрудничества с народами всего мира. Проводя свою мирную политику нейтралитета, Афганистан всегда стремился к миру и спокойствию.

Внешняя политика афганского правительства, свидетельствующая о его стремлении отстаивать независимость страны, обеспечить возможность ее самостоятельного развития, соответствует чаяниям народа Афганистана. Решимость мужественного афганского народа защищать свою свободу нашла отражение в решениях Большой джирги, состоявшейся в ноябре 1955 г. Предложив правительству и впредь оказывать поддержку справедливым национальным требованиям народа Пуштунистана, Большая джирга высказалась за укрепление обороноспособности Афганистана для защиты его независимости и суверенитета. В решении указывается, что необходимость в усилении обороны страны вызвана военными мероприятиями западных держав в Пакистане.

* * *

Миролюбивая политика Афганистана находит глубокое сочувствие народов Советского Союза, которые всегда выступали и выступают за укрепление советско-афганской дружбы.

Новым этапом в развитии советско-афганских дружественных отношений явилось посещение Афганистана Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым. Документы, подписанные в Кабуле во время этого визита, явились важнейшим вкладом в укрепление международного положения миролюбивого Афганистана, отстаивающего свой нейтралитет. Особое значение среди этих документов имеет протокол о продлении срока действия договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном от 24 июня 1931 г. Желая содействовать дальнейшему развитию и укреплению существующих дружественных и добрососедских отношений

¹⁹ «Ислах», 4 мая 1955 г.

между народами Советского Союза и Афганистана, правительства обеих стран договорились о продлении договора на десять лет. Договор останется в силе и по истечении этого срока, если ни одна из сторон не предложит прекратить его действие.

Советский Союз с пониманием отнесся к позиции Афганистана в вопросе о Пуштунистане. «Советский Союз, — заявил Н. А. Булганин, выступая в Кабуле 16 декабря 1955 г., — стоит за справедливое урегулирование пуштунистанской проблемы, которую невозможно правильно решить без учета жизненных интересов народов, населяющих Пуштунистан»²⁰.

Решимость СССР и Афганистана расширять свои дружественные политические, экономические и культурные связи, в чем заинтересованы оба государства, нашла выражение также в Совместном заявлении Н. А. Булганина, Н. С. Хрущева и премьер-министра Афганистана Мухаммада Дауда. Заботой об обеспечении мира проникнуто заявление СССР и Афганистана о их приверженности известным пяти принципам мирного сосуществования государств с различными общественными системами. С удовлетворением отметив укрепление взаимовыгодных торговых и экономических связей, правительства обеих стран пришли к единодушному мнению о необходимости дальнейшего их развития.

Правительство СССР согласилось оказать Афганистану как техническую, так и финансовую помощь в виде кредита в 100 млн. долл. для развития афганского сельского хозяйства, строительства энергетических, ирригационных и транспортных сооружений. Эта помощь, не связанная с какими-либо политическими условиями, будет содействовать самостоятельному национальному развитию Афганистана. Вопросы, интересующие СССР и Афганистан, были обсуждены в обстановке дружественного взаимопонимания также во время пребывания в Кабуле А. И. Микояна в марте 1956 г.

Основанная на миролюбии и нейтралитете внешняя политика Афганистана является залогом дальнейшего укрепления и развития суверенного афганского государства.

История советско-афганских взаимоотношений убедительно говорит о том, что различие в общественном строе государств не может служить препятствием для мирного сосуществования и дружественного сотрудничества народов. «Дружба между этими двумя странами (СССР и Афганистаном. — Р. А., И. Б.), основа общественной жизни которых построена различным образом, является ярким примером сосуществования стран с различными системами правления при наличии между ними дружественных отношений, — заявил премьер-министр Афганистана Мухаммад Дауд. — Сотрудничество между ними способствует прогрессу и благополучию обеих стран».

Неуклонное укрепление советско-афганской дружбы на всех этапах ее развития явилось торжеством ленинских принципов миролюбивой внешней политики СССР. Выступая в Верховном Совете СССР, Н. А. Булганин указал на советско-афганские отношения как на пример подлинного добрососедства и дружественного сотрудничества. Глава советского правительства подчеркнул решимость СССР и впредь строить свои отношения с Афганистаном таким образом, чтобы они отвечали интересам народов обеих стран и интересам упрочения мира.

²⁰ «Правда», 18 декабря 1955 г.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ТУРЕЦКОГО НАРОДА В 1919—1922 гг.

А. М. ШАМСУТДИНОВ

Турция была одной из первых стран, где под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции развернулось национально-освободительное движение. Советское государство, рожденное Октябрьской революцией, вызвало к себе глубочайшую симпатию народных масс Турции. Советское правительство отказалось от всяких посягательств на турецкую территорию, от экономических и юридических выгод, полученных царским правительством, в ущерб интересам турецкого народа, на основе неравноправных договоров (капитуляций). Советское правительство разоблачило захватнические планы держав Антанты, опубликовав тайные договоры царской России с Англией, Францией, Италией о дележе Турции.

Неоценимое значение в борьбе турецкого народа за свою независимость имели Обращение Совета народных комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», Обращение Народного комиссариата по иностранным делам «К рабочим и крестьянам Турции»¹. В них с предельной ясностью были изложены основы дружественной политики Советского государства в отношении Турции и указан путь для ее спасения от империалистического порабощения.

Предпосылки национально-освободительного движения в Турции сложились еще в годы первой мировой войны. В ходе войны кайзеровская Германия «...превратила Турцию в своего и финансового и военного вассала!»² Германское хозяйничанье вызвало большое недовольство турецкого народа. Формой проявления этого недовольства было массовое дезертирство из армии и антивоенное движение, направленное против германских империалистов и их турецких прислужников—младотурок. Антивоенным движением были охвачены различные слои народа, разные национальности Турции. «Солдаты,—говорилось в одной из прокламаций,—вы боретесь за чужие интересы. Вы жертвуете своей жизнью, чтобы обратить нашу дорогую родину в германскую колонию»³.

В 1918 г. антивоенное движение приняло массовый характер. Особенно сильным было оно в Стамбуле и Западной Анатолии. В Стамбуле, Анкаре, Измире, Бандырме произошли кровавые столкновения между восставшими солдатами и жандармерией. Восставшие требовали отставки

¹ См. «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг. Сборник документов», т. I, 1917—1920 гг. М., 1944, стр. 20—21, 307—309.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 172.

³ См. «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I. М., 1940, стр. 456.

правительства и немедленного заключения мира. «В Турции,—писала „Дейли ньюс“,—вспыхнули беспорядки. Взбунтовавшиеся войска потребовали немедленной отставки нынешнего правительства»⁴.

7 октября 1918 г. младотурецкое правительство под давлением народных масс и вследствие неудач на фронтах подало в отставку, а правящая младотурецкая партия сошла с политической арены. Вожаки младотурецкой партии бежали в Германию. 30 октября 1918 г. новое турецкое правительство подписало в порту Мудрос (на острове Лемнос в Эгейском море) унижительный для Турции договор о перемирии, проект которого был разработан Англией⁵. Мудросский договор, в частности, был рассчитан на усиление интервенции на юге России и на Кавказе, а также на использование в ней Турции. За 8 дней до заключения Мудросского договора В. И. Ленин говорил: «...англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха,—наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо сухим путем через Болгарию и Румынию»⁶.

Мудросским договором англо-французский империализм «опутал Турцию» и подчинил ее себе. Через несколько дней после капитуляции Турции Англия оккупировала богатый нефтью Мосул. Англо-французские войска заняли укрепленные форты Дарданелл и высадили в Стамбуле десанты. Вскоре туда же прибыли итальянские, американские и греческие военные суда. Стамбул был превращен державами Антанты в базу для борьбы против Советской России, а также против революционного движения в странах Ближнего Востока и на Балканах. В ноябре 1918 г. англо-французские военные суда, начав свой поход на Украину и Кавказ, высадили крупные военные части в Одессе и Батуми. Английские и французские войска оккупировали Киликию и установили контроль над Анатолийской железной дорогой. Черноморские и средиземноморские порты Турции перешли также под контроль флота союзников. В Зонгулдаке, Самсуне, Трабзоне (Трапезунд) были высажены отряды оккупационных войск. Войска были направлены в Мерзифон, Эскишехир и Анкару⁷.

Турецкий султан и его правительство превратились в покорных слуг английских империалистов. Под видом восстановления «порядка и спокойствия» оккупанты и правительство произвели массовые аресты по всей стране. В Стамбуле в числе 133 арестованных было много военнопленных, вернувшихся из Советской России, а также руководителей рабочих клубов и профсоюзов. 21 декабря 1918 г. правительство распустило палату депутатов, закрыло клубы, научные общества, политические партии и профсоюзы⁸. Оно установило строгую цензуру, запретило собрания и митинги. Газеты и журналы обязаны были публиковать информацию, исходящую только от телеграфного агентства Тюрк-Гавас-Рейтер, организованного Антантой для распространения своей пропаганды.

Страны Антанты добивались господства и в экономике Турции. Они создали комиссию для учета убытков, нанесенных во время войны иностранным предпринимателям, и поставили под свой контроль финансы, банки, фабрики, рудники, железные дороги.

В порабощении Турции главенствующую роль играла Англия. Используя свое военное превосходство на Ближнем Востоке, она обоснова-

⁴ См. «Правда», 8 октября 1918 г.

⁵ Ллойд Джордж. Военные мемуары. Пер. с англ., т. VI. М., 1938, стр. 139.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 100—101.

⁷ Е. В. Шаролю. Kemal Atatürk ve millî mücadele tarihi. Ankara, 1944, s. 247.

⁸ Т. З. Тулауа. Türkiyede siyasî partiler (1859—1952). Istanbul, 1952, s. 408—409.

лась не только в азиатских владениях Османской империи, но и в собственно Турции. «Наших военных сил в занятых нами азиатских турецких областях, — говорилось в декларации Керзона в январе 1919 г. о положении дел на Ближнем Востоке, — было достаточно для того, чтобы настоять не только на условиях перемирия, но на всяких дополнительных условиях, которые мы сочли бы нужным поставить»⁹.

Стремление Англии установить свое монопольное господство в Турции резко обострило отношения между империалистическими державами. Богатейшие источники нефти и другого сырья стран Ближнего Востока давно уже привлекали к себе внимание иностранных монополий, вызывая между ними борьбу за овладение этими богатствами.

Парижская мирная конференция, занимавшаяся перекройкой карты мира, предоставила Греции право оккупировать Измир с прилегающими районами. 15 мая 1919 г. греческие войска под прикрытием военных кораблей Англии, США, Франции, которые фактически стояли за спиной Греции, заняли Измир. Через 15 дней был оккупирован весь Измирский вилайет.

Еще раньше итальянские войска, без санкции Парижской конференции, высадились в Адалии (Анталья), затем заняли Конью и Испарту. Вслед за этим были оккупированы Макри, Мармарис, Бодрум и Кушадасы (Скаланова).

Эти действия Италии вызвали недовольство у руководителей Парижской конференции, и они потребовали объяснения о дальнейших намерениях Италии в отношении Анатолии. «Случай итальянской оккупации в Малой Азии, относительно которых президентом Соединенных Штатов и премьер-министрами Франции и Великобритании были запрошены сведения, — говорилось в ноте итальянского правительства от 19 мая 1919 г., — вызывались повелительными мотивами поддержания общественного порядка. Провинция Адалия приблизительно за месяц до итальянской оккупации, бесспорно, являлась жертвой анархии. Дальнейшие оккупации имеют чисто военный характер, наподобие других оккупаций, произведенных союзными державами в Турции»¹⁰.

22 мая 1919 г. между Англией и Францией было достигнуто соглашение, по которому Киликия передавалась Франции, а Палестина и Ирак оставались за Англией. В ноябре 1919 г. французские войска сменили в Киликии англичан¹¹. Франция еще в апреле оккупировала Зонгулдакский угольный бассейн.

Несмотря на наличие серьезных разногласий между союзниками по ряду вопросов, к концу 1919 г. судьба Турции была ими уже решена. Проект мирного договора с Турцией, разработанный союзниками и уточненный в апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо, предусматривал установление английского мандата на Палестину и Ирак, французского — на Сирию и ряд городов Киликии, передачу Измира Греции, установление итальянского и французского влияния в Южной Анатолии, образование под протекторатом Англии курдского «государства», передачу восточных вилайетов Анатолии дашнакской Армении, подмандатной Соединенным Штатам; создание интернациональной зоны проливов и, наконец, сохранение турецкого «государства» во главе с султаном, но под фактическим господством держав Антанты.

Для реализации этого плана союзники держали на территории Турции

⁹ У. Черчилль. Мировой кризис. Пер. с англ. М., 1932, стр. 247.

¹⁰ Л. Альдрованди Марескотти. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919 гг.). Пер. с итальянского. М., 1944, стр. 28.

¹¹ Luhani zade Mustafa Nurettin. Gaziantep müdafaası. İstanbul, 1926, s. 29.

свои оккупационные войска. В конце 1918 г. в Турции английских войск было 41,5 тыс., французских — 49 тыс., итальянских — 17,4 тыс.¹² Кроме того, в турецких территориальных водах находились военно-морские суда Англии, Франции, Италии, Греции и США.

Так выглядел мир с Турцией. Это, как указывал В. И. Ленин, был мир дележа Турции «заживо».

Турецкий народ не примирился с перспективой иорабощения и уничтожения его государственности и поднялся на борьбу за свою независимость и свободу. «Сегодня население Турции, — говорил Мустафа Субхи, — переживает самые тревожные дни нашествия европейского и американского империализма и греческой и английской оккупации. Трудящиеся страны переносят на своих плечах самые большие трудности, чтобы не дать оккупантам вырвать из их рук последний кусок хлеба»¹³.

Характеризуя причину подъема освободительного движения в Турции, М. В. Фрунзе писал: «Более яркую картину грубейшего насилия, грабежа и надругательства трудно было бы придумать. В результате этого в Турции, несмотря на усталость и истощение страны после целого ряда выдержанных войн (Триполитанской, Балканской и, наконец, всеевропейской), огромное большинство народа выступило открыто на борьбу против захватчиков. Так как официальное турецкое правительство, сидевшее в Константинополе под „почетной“ охраной англо-французских штыков, относилось несочувственно к этому движению, то оно стало развиваться помимо него и против него, приобретая тем самым определенно революционный характер»¹⁴.

Весной 1919 г. вся страна была уже охвачена пламенем партизанской войны. Многие рабочие и крестьяне Турции продавали и закладывали свое имущество, чтобы приобрести оружие, необходимое при зачислении в партизанский отряд¹⁵. Во главе многих партизанских отрядов стояли талантливые командиры — выходцы из трудовых слоев народа, подлинные борцы за свободу.

В июне 1919 г. партизанские отряды образовали фронт в Западной Анатолии и приостановили наступление греческих войск вглубь страны. Смелым контрударом они освободили город Айдын, показав всему миру огромную потенциальную силу, которая таится в народе¹⁶. На юге Анатолии партизаны вели регулярные бои с французскими войсками¹⁷.

В подъеме освободительного движения турецкого народа известную роль играли турецкие коммунистические группы, возникшие в крупных центрах страны в 1918—1919 гг. Они являлись вдохновителями партизанского движения, а в ряде мест — организаторами комитетов обороны, вооруженных отрядов и вели агитационно-пропагандистскую работу среди населения¹⁸. Вождем и организатором коммунистического движения Турции был один из выдающихся сынов турецкого народа, первый турецкий революционер-коммунист — Мустафа Субхи. (В январе 1921 г. Мустафа Субхи вместе с товарищами был зверски убит наемными агентами турецкой реакции.)

Главной движущей силой турецкого освободительного движения было крестьянство, составлявшее девять десятых населения страны.

¹² «Tarih», cilt IV. İstanbul, 1934, s. 30.

¹³ «28—29 kânunusani 1921 karadeniz kıyılarında parçalanan Mustafa Subhi ve yoldaşlarının ikinci yıldönümü», 1923, s. 40.

¹⁴ М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. I. М., 1929, стр. 256.

¹⁵ Luhani zade Mustafa Nurettin. Указ. соч., стр. 38.

¹⁶ Mehmet Arif. Anadolu inkılâbı-mücadehat hâtıraları. İstanbul, 1924, s. 22.

¹⁷ Ali Saip. Urfanın kurtuluş mücadeleleri. Ankara, 1924, s. 12.

¹⁸ «Türkiye komünist fırkasının birinci kongresi», 1920, s. 98—102.

Во всей Османской империи, особенно в собственно Турции, промышленность была развита очень слабо; рабочий класс малочислен, плохо организован и политически не опытен. К тому же промышленность была сосредоточена главным образом в Стамбуле, Измире и Адане, т. е. в районах, оккупированных войсками Антанты. Рабочий класс еще не имел своей политической партии. Несмотря на это, рабочий класс Турции являлся активной силой в освободительной борьбе. «Рабочие дали возможность ввести в действие наши пушки, сделав для них замки из вагонной стали, вместо тех, которые были отобраны англичанами, они приспособили снаряды к имеющимся у нас орудиям, привели негодный инвентарь в хорошее состояние»¹⁹.

Руководство освободительным движением в Турции взяла в свои руки национальная торговая буржуазия, которая в годы первой мировой войны значительно выросла и окрепла. В отличие от компрадорской буржуазии, она была кровно заинтересована в сохранении государственной независимости Турции, в укреплении своих экономических и политических позиций в стране. Вместе с национальной торговой буржуазией, выступившей в качестве революционной силы (прослойка промышленной буржуазии в то время в Турции была незначительна) в борьбу включились также анатолийские помещики, так как ликвидация турецкой государственности и расчленение Анатолии создали реальную опасность лишения их земли.

Национально-освободительная борьба турецкого народа, несмотря на широкое участие в ней трудящихся масс, не вышла за рамки буржуазно-освободительного движения.

Буржуазные патриотические организации начали возникать после заключения Мудросского договора.

Лидеры этих организаций в начале освободительного движения в стране не думали о вооруженном отпоре интервентам. Они находились во власти пацифистских иллюзий и надеялись, на основании заявлений президента США Вильсона, на заключение «справедливого» мирного договора. Поэтому деятельность их ограничивалась организацией митингов, собраний, изданием манифестов и не выходила за рамки пропаганды о «целостности» Турции²⁰.

Когда в стране стихийно возникла народная вооруженная борьба против оккупантов, буржуазные организации начали постепенно включаться в борьбу. Но у буржуазии тогда еще не было единой организации, способной возглавить народное движение. Задачу создания такой организации взял на себя Мустафа Кемаль-паша²¹, прибывший из Стамбула в Анатолию 19 мая 1919 г. в качестве инспектора 3-й армии «с поручениями государственного и военного характера»²².

Кемаль Ататюрк был одним из видных военных деятелей Турции. Он участвовал в Триполитанской, Балканской и мировой войнах, в 1915 г. отличился в боях при обороне Дарданелл. Возглавляя национально-освободительное движение турецкого народа, он проявил себя как крупный государственный деятель. Убедившись в большом размахе освободительного движения в Анатолии, Кемаль Ататюрк решил использовать народное пробуждение для спасения страны. В своем докладе султану о поло-

¹⁹ *Cevdet Kerim. Türk istiklâl mücadelesi konferansları. İstanbul, 1927, s. 55.*
²⁰ См. «La Turquie devant le tribunal mondial. Publication du Congrès national». İstanbul, 1919; *E. B. Şarolyo. Türkiye cumhuriyeti tarihi, 1918—1950. İstanbul, 1951, s. 6—8.*

²¹ В 1934 г. в связи с введением фамилий турецким меджлисом ему была присвоена фамилия Ататюрк — «отец турок».

²² «Atatürkün söylev ve demeçleri», cilt I (1919—1938). İstanbul, 1945, s. 12.

жении дел в Анатолии он писал: «В течение этого месяца я узнал стремления и надежды почти всех вилайетов, округов и уездов Анатолии до самых ее границ и настроение лиц командного состава армии, гражданских чиновников. В результате этого самым очевидным образом выяснилось, что вся нация пробуждена и преисполнена решимости и веры отстаивать национальную и государственную независимость, высокие права султаната и халифата»²³.

Еще в Стамбуле Кемаль Ататюрк начал группировать вокруг себя лиц, недовольных примиренческой политикой правительства по отношению к союзникам, нарушившим условия Мудросского договора. Но тогда он предполагал, что выход из критического положения Турции будет найден, если создать новое правительство, способное к решительным действиям против союзников.²⁴ Однако он считал, что освободительная борьба в стране должна развиваться под «священным» знаменем падишаха во главе с самим султаном. «Да сохранит бог Ваше Величество, единственную опору великой нации и священного халифата от всяких несчастий, — писал он в письме султану. — Перед лицом бедствий, постигших ныне страну и грозящего ей расчленения, лишь громкое заявление о существовании национальной и священной силы во главе с вашей августейшей особой может спасти родину, независимость государства и нацию, а равно Вашу великую династию, славная история которой насчитывает шесть с половиной веков. Все единодушно убеждены в этом»²⁵.

Но султан Мехмед VI остался глух к призыву Кемалья Ататюрка. В личном послании к английскому королю султан просил ценою любого соглашения сохранить ему трон²⁶.

В Анатолии Кемаль Ататюрк энергично принялся за организацию центра освободительной борьбы против оккупантов. Его бурная деятельность получила огласку в Стамбуле. По требованию союзников, султан сообщил Кемалю об окончании его миссии в Анатолии. Но Кемаль Ататюрк отказался вернуться в Стамбул и тем самым вышел из повиновения султану. 8 июля 1919 г. он подал в отставку, мотивировав ее тем, что не может согласиться с решением Парижской мирной конференции, и потому, пока родина не добьется своей независимости, останется в Анатолии²⁷.

С 23 июля по 7 августа 1919 г. в Эрзеруме под руководством Кемалья Ататюрка состоялся конгресс Общества защиты прав восточных вилайетов²⁸. Конгресс принял решение об организации борьбы за независимость и о созыве всетурецкого конгресса.

Вслед за Эрзерумским конгрессом с 4 по 12 сентября в Сивасе состоялся всетурецкий конгресс, на который собрались представители буржуазно-национальных организаций Турции. Несмотря на сопротивление некоторой части делегатов, отвергавших вооруженную борьбу с оккупантами и предлагавших добиться соглашения с Антантой «мирным путем» или путем установления над Турцией американского мандата, была выработана программа освободительного движения, а также утвержден статут всетурецкого Общества защиты прав Анатолии и Фракии, куда вошли почти все буржуазные организации, возникшие в Турции после ее капитуляции. На конгрессе был избран под председательством Кемалья

²³ «Atatürkün söylev ve demeçleri», s. 15—16.

²⁴ *М. Кемаль паша. Воспоминания президента Турецкой республики. М., 1927, стр. 40—41.*

²⁵ Там же, стр. 15.

²⁶ *Ллойд Джордж. Указ. соч., стр. 439.*

²⁷ «Atatürkün Söylev ve demeçleri», s. 16, 17, 27.

²⁸ Конгрессы местных организаций состоялись также в Балыкесире, Адане, Трабзоне, Айдыне и других городах.

Ататюрка Представительный комитет, который до созыва меджлиса (апрель 1920 г.) являлся центром борьбы против оккупантов.

Решения Сивасского конгресса показали верхушечный характер кемалистской революции. Конгресс не ставил перед собой задачу немедленного создания правительства, способного руководить революционной борьбой народа против оккупантов и их агентов (крупной феодальной султанской аристократии и компрадорской буржуазии). Он ограничился лишь требованием отставки обанкротившегося правительства Ферид-паши и замены его новым, якобы способным защитить независимость Турции. Само собой разумеется, что при господстве в стране оккупантов такое требование не меняло сути дела.

В октябре 1919 г. между кемалистами и султанской делегацией было достигнуто соглашение о созыве палаты депутатов, которая открылась 12 января 1920 г. в Стамбуле. Из 175 депутатов 116 оказались сторонниками кемалистов. 28 января палата депутатов приняла проект «Национального обета», служившего программой борьбы за независимость.

Державы Антанты, рассчитывавшие сначала ликвидировать освободительную борьбу турецкого народа руками султанского правительства, решили теперь задуть ее силой своего оружия. В течение февраля в Анатолию были переброшены регулярные греческие войска, а в Стамбул прибыла английская средиземноморская эскадра. В ночь с 15 на 16 марта в Стамбуле высадились английская морская пехота, которая заняла правительственные здания, казармы, почту, телеграф, военные склады. Чтобы «положить конец постоянно вспыхивающим вооруженным восстаниям против войск Антанты и ее союзников», а также для того, чтобы «обеспечить выполнение условий мира, — говорилось в официальном сообщении об оккупации Стамбула, — державы Антанты вынуждены прибегнуть к временной оккупации Константинополя. Целью союзников является не разрушать, а, напротив, усилить престиж султана в местностях, находящихся под турецким управлением»²⁹.

В Стамбуле и его окрестностях было введено военное положение, разогнана палата депутатов, арестованы и сосланы на Мальту многие депутаты и видные политические деятели, поддерживавшие освободительное движение, для турецких граждан учрежден специальный военный трибунал. Принадлежность к революционным организациям каралась смертной казнью. Правительственные учреждения, типографии, газеты, журналы были поставлены под строгий надзор оккупантов, а «порядок и спокойствие» поддерживались союзной полицией и жандармерией. «Каждый кто не подчинится приказанию или нарушит общественное спокойствие или будет замечен в действиях по оказанию помощи врагам или же в таком намерении, — говорилось в приказе командующего оккупационными войсками союзников генерала Вильсона, — будет осужден военным трибуналом и приговорен к смерти или любому другому наказанию»³⁰.

Официальная оккупация Стамбула и террор оккупантов вызвали в народных массах взрыв ненависти против империалистов. По всей стране прокатились массовые митинги, демонстрации с лозунгами: «Долой оккупантов!», «Смерть оккупантам!». Представительный комитет, взявший на себя функцию временного правительства, обратился к народу с воззванием объединиться для борьбы с захватчиками. 19 марта Комитет принял решение созвать в Анкаре новый меджлис, облеченный чрезвычайными полномочиями. На местах начались выборы депутатов. В меджлис, который получил название Великого национального собрания Турции, были

избраны и назначены 232 депутата, кроме того, 105 депутатов прибыли из Стамбула³¹. Это были помещики, торговцы, кулаки, представители духовенства, офицерства и интеллигенции.

Меджлис открылся 23 апреля 1920 г. Он декларировал обеспечение независимости Турции и освобождение резиденции султана — Стамбула от иностранных войск, а также провозгласил себя единственной законной властью в Турции до «освобождения султана из плена у неверных». Во главе с Кемалем Ататюрком было образовано новое турецкое правительство.

Оккупанты и султанское окружение, стремясь парализовать деятельность кемалистов, спровоцировали во многих районах Анатолии восстания против анкарского правительства и призывали жителей Анатолии «не признавать никакой власти, кроме священной власти султана-халифа». Был объявлен набор добровольцев в «халифскую армию» и обнародован манифест о борьбе с «мятежниками». Генерал Вильсон разработал оперативный план уничтожения партизан, составлявших в то время главную военную силу освободительного движения. С этой целью 9 апреля в порту Бандырма была высажена банда Ахмеда Анзавура, который намеревался ликвидировать партизанские отряды и установить «порядок и спокойствие» сначала в районах Бандырмы и Балыкесира, а затем Кютахьи и Эскишехира. Но Анзавуру эта задача оказалась не под силу. Объединенные партизанские отряды районов Балыкесира, Эдремита, Бруссы 21 апреля разгромили его банду. Погрузив остатки своего отряда на борт английского корабля, Анзавур бежал в Адапазар, где 13 апреля офицер генерального штаба Хайри-бей спровоцировал восстание черкесов против анкарского правительства. Восстание перекинулось в Болу, Дюздже, Гереде, Хендека, Бейпазары, охватив большую часть территории Северо-Западной Анатолии. Для подкрепления восставших союзниками была направлена в Адапазар первая дивизия «халифской армии».

Вся тяжесть борьбы с «халифской армией» и с восстанием в Болу и Дюздже ложилась снова на партизан Западной Анатолии. Из партизанских сил были созданы две группы летучих колонн и партизанская кавалерийская дивизия. В боях с восставшими и «халифской армией» участвовали также мелкие партизанские отряды. К началу июня партизанам удалось разгромить «халифскую армию», а также ликвидировать восстание в районах Болу, Дюздже и Адапазар.

В Мараше в конце января 1920 г. партизаны разгромили французскую дивизию и освободили город от оккупантов. В Урфе партизаны после месячного боя заставили капитулировать гарнизон города. Героическая оборона Антеба продолжалась девять месяцев. Только за май борцы Антеба отбили 18 яростных атак французских войск³².

В городах Тарсус, Адана, Позанти, Сис, Османие, Мерсин, Хаджин — повсюду разгорелась ожесточенная борьба против оккупантов. «Национальные силы районов Аданы, Мараша, Урфы, Антеба, — писал Юнус Нади, — почти ежедневно сражались с врагом. Действия на этом фронте в те времена были настолько героичны и легендарны, что их следовало бы занести золотыми письменами в книгу истории. Здесь горсточка людей угрожает Адане, там группа самоотверженных бойцов укрепляется в садах Мерсины. Доходило до того, что французские военные суда обстреливались с берега ружейным огнем. В результате французы про-

³¹ Из них 13 депутатов вошли в состав меджлиса после возвращения с Мальты. См. «Türkiye Büyük Millet Meclisi isim defteri». Devre I. Ankara, 1943.

³² *Luhani zade Mustafa Nurettin*. Указ. соч., стр. 111.

²⁹ «Nutuk (Gazi Mustafa Kemal tarafından)». Ankara, 1927, s. 261—262.

³⁰ «Tarih», cilt IV. Istanbul, 1934, s. 48.

двигались в глубь страны далеко за Адану, а бойцы наших национальных сил в то же самое время обеспечивали свое господствующее положение в глубоком тылу на берегах моря»³³.

В описываемый период ожесточенная война против английских и французских захватчиков шла также в Сирии, Ираке, Египте, Иране, Афганистане и в других странах. Национально-освободительная борьба народов Востока создала серьезную угрозу господству держав Антанты на Ближнем и Среднем Востоке. Они решили задушить в первую очередь освободительную борьбу в Турции, которую поддерживали другие народы Востока. 22 июня 1920 г. союзники бросили против турецких сил регулярную греческую армию, снабдив ее новейшей военной техникой. В результате значительная часть Западной Анатолии оказалась в руках оккупантов. Успеху наступления греческих войск содействовали также внутренние восстания, спровоцированные султанскими агентами в Центральной и Восточной Анатолии летом 1920 г. Однако греческим войскам не удалось сломить сопротивление турецкого народа. Партизанские силы сумели задержать продвижение врага вглубь Анатолии, вписав тем самым замечательную страницу в историю освободительной борьбы Турции. Благодаря их героизму были сорваны планы держав Антанты поставить Турцию «в две недели на колени». В. И. Ленин говорил: «... турецким рабочим и крестьянам удалось показать, что отпор современных народов против хищничества вещь, с которой надо считаться, и тот грабеж, на который империалистические правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистические державы убрать руки прочь»³⁴.

Навязанный султану 10 августа 1920 г. Севрский мирный договор, фактически упразднивший турецкую государственность, вызвал новый подъем освободительного движения. Всеобщим возмущением и негодованием были охвачены даже те слои населения, которые до этого не принимали активного участия в борьбе за независимость. Даже в Стамбуле, где существовало военное положение, было устроено ночное факельное шествие в знак протеста против Севрского договора³⁵. На многочисленных собраниях и митингах, проходивших по всей стране, договор был единодушно отвергнут. Великое национальное собрание официально заявило, что оно не признает Севрский договор и объявило султанское правительство, предавшее интересы народа и родины, свергнутым. Был принят закон о недействительности всех договоров, подписанных султанским правительством с другими государствами после 16 марта 1920 г., т. е. после официальной оккупации Стамбула³⁶. В этих условиях султан не осмелился ратифицировать Севрский договор.

В то же время кампания, поднятая кемалистами в стране против Севрского договора, помогла им сплотить народ и ускорить создание регулярной армии. Под ружье были призваны несколько возрастов, а также переформированы остатки регулярных войск и большая часть партизанских сил³⁷.

Вооруженная борьба кемалистов против империалистических захватчиков определила объективно революционное содержание кемалистского

³³ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции, т. III. М., 1932, прим., стр. 354.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 125.

³⁵ «Eni gün», 15 августа 1920 г.

³⁶ Düstur. Üçüncü tertip, cilt I. Ankara, 1929, s. 28.

³⁷ В январе 1921 г., используя правительство одного из командиров партизанских групп — Эджем-бея, перешедшего в лагерь врага, кемалисты ликвидировали партизанские отряды, не вошедшие в состав регулярной армии.

движения. Эта борьба ослабляла и подтачивала силы мирового империализма, способствуя освобождению народов Востока от империалистического гнета.

Особое значение в успехе антиимпериалистической борьбы турецкого народа имело установление дружбы между Турцией и Советской Россией. Великое национальное собрание 26 апреля 1920 г. обратилось к советскому правительству с официальным письмом, в котором заявило, что «Турция обязуется бороться совместно с Советской Россией против империалистических правительств и надеется на содействие Советской России для борьбы против нападавших на Турцию империалистических государств»³⁸.

Советское правительство установило дипломатические отношения с Турцией, а также изъявило готовность принять на себя обязанности посредника при установлении границ между Турцией и Арменией на основах справедливости и самоопределения народов³⁹.

Однако старания советского правительства в этом вопросе вначале не увенчались успехом. Как со стороны кемалистов, так и со стороны армянских буржуазных националистов-дашнаков, стоявших тогда у власти в Армении, имелись большие взаимные территориальные притязания. На политику дашнаков и кемалистов оказывала влияние провокационная политика держав Антанты, стремившихся любой ценой сорвать советско-турецкие переговоры и столкнуть кемалистские войска с Красной Армией. В этих целях в сентябре 1921 г. Антанта спровоцировала дашнако-турецкую войну. Но благодаря правильной внешней политике советского правительства планы Антанты были сорваны.

После утверждения советской власти в Закавказских республиках между Советской Россией и Турцией установились тесные дружественные отношения. На VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин сказал: «Мы должны отметить также, что дружественные отношения у нас все более и более налаживаются и укрепляются с Афганистаном и еще более с Турцией. По отношению к последней державе страны Антанты делали все с их стороны для того, чтобы сделать невозможными сколько-нибудь нормальные отношения между Турцией и западноевропейскими странами»⁴⁰.

26 февраля 1921 г. в Москве открылась советско-турецкая конференция, которая завершилась подписанием 16 марта Договора о дружбе и братстве, означавшем новый этап в истории русско-турецких отношений. В преамбуле договора указывалось, что «... разделяя принципы братства наций и права народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и факт, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого, и всецело воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве...»⁴¹.

Большое принципиальное значение имела статья 4 договора, в которой говорилось: «Обе Договаривающиеся Стороны, констатируя соприкосновение между национальным освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй, торжественно признают за этими народами право на свободу и незави-

³⁸ «Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов (1919—1920 гг.)». М., 1921, стр. 67.

³⁹ См. «Правда», 9 июня 1920 г.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 460.

⁴¹ «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами», вып. I. М., 1924, стр. 155.

симость, а равным образом их права на избрание формы правления, согласно их желаниям». Московский договор установил существующую ныне границу между Советским Союзом и Турцией, отменил все договоры, заключенные между царской Россией и султанской Турцией, признав их не соответствующими национальным интересам Советской России и Турции. Советское правительство, считая режим капитуляций несовместимым со свободным национальным развитием всякой страны, признало его потерявшим силу⁴².

Советско-турецкий договор нанес решительный удар по антисоветским планам держав Антанты, старавшихся вовлечь кемалистов в свой лагерь для борьбы против Советской России. Он дал возможность народам Закавказья перейти от войны к мирному строительству и способствовал упрочению государственности и суверенитета Турции. «Осью нашей внешней политики,— писал турецкий официоз о договоре,— является базирование на Советскую Россию, признавшую с первого же дня за анатолийским движением законное право на существование и поддерживавшую нас как морально, так и материально»⁴³.

Параллельно с Московской конференцией с 23 февраля по 12 марта 1921 г. происходила Лондонская конференция, собравшаяся для пересмотра Севрского договора. Смягчив его условия, державы Антанты надеялись вовлечь Турцию в антисоветскую коалицию и сорвать советско-турецкие переговоры. Враги советско-турецкой дружбы имелись и в лагере кемалистов. Они требовали любой ценой добиться соглашения с Антантой, чтобы покончить с освободительной борьбой турецкого народа. Однако лондонские переговоры закончились полным провалом. «Переговоры в Лондоне,— признал Кемаль Ататюрк,— имели единственным результатом греческое наступление»⁴⁴.

28 марта 1921 г. греческие войска перешли в генеральное наступление. На позициях у Иненю шли ожесточенные бои, завершившиеся победой турецких войска. Однако эта победа над оккупантами не являлась еще решающей. 9 июля греческое командование снова бросило свою сотысячную армию в наступление, которое продолжалось пятнадцать дней. Турецкие войска с большим трудом смогли остановить неприятеля лишь на позициях в 50 км от Анкары. В руках греков оказались крупные города — Эскишехир, Кютахья, Афьон-Карахисар, служившие в течение двух лет базой освободительной борьбы. Через месяц король Константин, ставший во главе греческой армии, снова бросил ее в наступление, чтобы занять Анкару.

Но к этому времени турки успели провести всеобщую мобилизацию и большую реквизицию для нужд фронта. Верховным главнокомандующим турецкой армии был назначен Кемаль Ататюрк с предоставлением ему на три месяца неограниченных полномочий по обороне страны. С 23 августа по 13 сентября продолжалось Сакарыйское сражение (на фронте протяженностью сто километров), исход которого должен был решить судьбу Турции.

Величайшее напряжение народных сил Анатолии принесло победу турецкой армии. Весь турецкий народ поднялся на борьбу. Вместе с солдатами регулярной армии сражались тысячи добровольцев. Женщины, старики, подростки рыли окопы, сооружали укрепления, приносили воду и пищу, ухаживали за ранеными, а рабочие и ремесленники днем и ночью готовили оружие.

⁴² «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами»; вып. I. М., 1924, стр. 155—160.

⁴³ «Hâkimiyeti Milliye», 29 марта 1921 г.

⁴⁴ «Бюллетень НКВД РСФСР, 1921», № 92, стр. 14.

13 сентября контрударом турецких войск неприятель был отброшен на левый берег Сакарьи. Но чтобы избавить страну от оккупантов, туркам понадобился еще год. В укреплении мощи Турции огромное значение имело дальнейшее ее сближение с Советским Союзом.

Так, 13 октября 1921 г. между советскими республиками Закавказья и Турцией в гор. Карсе был подписан договор о дружбе⁴⁵. Карсский договор закрепил основы мира, добрососедских и дружественных отношений и установил экономические и культурные связи Турции с советскими республиками Закавказья. Турция перебросила свои войска с Восточного фронта на Западный⁴⁶. 13 декабря 1921 г. в Анкару прибыла делегация украинского правительства во главе с заместителем председателя Совнаркома Украины М. В. Фрунзе. Во время пребывания М. В. Фрунзе в Анкаре был подписан украинско-турецкий Договор о дружбе и братстве, почти идентичный с Московским и Карским договорами⁴⁷.

Советско-турецкая дружба служила залогом независимости Турции и была обусловлена волей самих народов, поднявшихся против империалистического порабощения. «Братский союз с РСФСР, являющийся для Турции сильнейшей опорой в борьбе за независимость,— писал Кемаль Ататюрк в письме В. И. Ленину,— представляет собой внушительный залог в деле достижения великих освободительных целей»⁴⁸.

Только опираясь на дружбу с Советской Россией, турецкий народ сумел освободиться от иностранных захватчиков. В конце августа 1922 г. турецкие войска, перейдя в генеральное наступление, прорвали линию обороны неприятеля и в сражении у Домлу-Пынара полностью разгромили группировку войска генерала Трикуписа, который был вынужден сдаться в плен. Дальнейшие наступательные операции турецких войска завершились освобождением страны от оккупантов. 9 сентября 1922 г. турецкие войска вошли в Измир, 17 сентября они заняли Бандырма, ликвидировав северную группу войска оккупантов. В итоге 22-дневных боев турецкие войска захватили 40 тыс. пленных, 284 орудия, более 3 тыс. пулеметов, 15 самолетов и много другого военного имущества⁴⁹.

Блестящая победа турецкой армии вызвала всенародное ликование по всей стране. Прогрессивные силы мира поздравляли турецкий народ с изгнанием иностранных захватчиков. 1 ноября 1922 г. Великое национальное собрание Турции приняло закон о ликвидации султаната. Султан Мехмед VI бежал на Мальту на борту английского крейсера.

Авантюрная политика завоевания Анатолии обескровила греческий народ и повлекла за собой бесчисленные жертвы. Возмущенный народ Греции низложил короля Константина и свергнул правительство Гунариса. По приговору Чрезвычайного военного трибунала Греции виновники военной катастрофы были расстреляны.

Разгром греческой армии отразился на всей Европе в виде так называемого «Ближневосточного кризиса», который свидетельствовал о провале политики Антанты в Турции. Но союзные войска оставались в зоне про-

⁴⁵ Текст договора см. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами», стр. 160—167.

⁴⁶ 20 октября 1921 г. в Анкаре был подписан франко-турецкий договор, по условиям которого французские войска эвакуировались из Киликии. Итальянские войска были выведены из Анатолии еще в июле-августе 1921 г. Франция хотела использовать дипломатические переговоры для вовлечения Турции в комбинации, направленные против Советских республик.

⁴⁷ Текст договора см. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами», стр. 167—176.

⁴⁸ «Бакинский рабочий», 30 января 1922 г.

⁴⁹ Н. Г. Корсун. Греко-турецкая война 1919—1922 гг. М., 1940, стр. 45.

ликов. Пребывание их на территории Турции в период мирных переговоров оказало свое влияние на ход переговоров.

24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор, который, в отличие от Севрского договора, признал территориальную целостность и государственную независимость Турции. Союзные войска были эвакуированы из зоны черноморских проливов и Стамбула. 29 октября 1923 г. Турция была провозглашена республикой. Национально-освободительная борьба турецкого народа завершилась победой над интервентами, завоеванием государственного суверенитета.

* * *

В дальнейшем Советский Союз продолжал проводить в отношении Турции дружественную добрососедскую политику, оказывал ей бескорыстную помощь в строительстве промышленных предприятий, что способствовало укреплению экономической независимости страны.

Однако в годы второй мировой войны и особенно после нее отношения между Турцией и Советским Союзом ухудшились, что явно было не в интересах обеих стран. Говоря о создавшейся напряженности в советско-турецких отношениях, Н. С. Хрущев в своей речи на четвертой сессии Верховного Совета СССР заявил: «Мы не можем сказать, что это произошло только по вине Турции, — были допущены и с нашей стороны неуместные заявления, которые омрачили эти отношения.

Но после этого с нашей стороны были приняты меры к тому, чтобы изменить создавшееся положение и восстановить дружеские отношения с этой страной. Однако со стороны турецких государственных деятелей, к сожалению, мы не имеем ответных мер»⁵⁰.

В решениях XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК партии указывается, что нормальные отношения СССР с Турцией отвечали бы жизненным интересам этих стран, интересам дела мира и безопасности народов.

⁵⁰ Н. С. Хрущев. Речь на четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва. М., Госполитиздат, 1956, стр. 35.

РАЗВИТИЕ И ПОДЪЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ В ТУРКМЕНСКОЙ ССР

К. М. КУЛИЕВ

Министр культуры Туркменской ССР, чл.-корр. АН Туркменской ССР

И. Л. РЕПИН

Заместитель министра культуры Туркменской ССР

Туркменистан до Великой Октябрьской социалистической революции представлял собой колонию царской России, был отсталой окраиной, которая не прошла капиталистической стадии развития, не имела или почти не имела своего промышленного пролетариата. Сельское хозяйство велось примитивным образом, большинство туркменских дехкан совсем не имело земли.

Победа Великого Октября, национальная политика коммунистической партии — политика равноправия и дружбы народов — позволили туркменскому народу ликвидировать свою былую экономическую, политическую и культурную отсталость.

Под руководством коммунистической партии, советского правительства туркменский народ совершил исторический переход от феодализма к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным, осуществляя национальную политику, в первые же годы советской власти разработала научно обоснованную программу вовлечения народов Средней Азии, как и всех народов нашей страны, в строительство социализма.

В исторически короткий срок Туркменистан превратился в передовую индустриально-колхозную республику. За годы предвоенных пятилеток в республике было введено в эксплуатацию 352 промышленных предприятия. В послевоенный период промышленность Туркменистана стала развиваться еще более успешно: было построено и введено в действие 180 государственных промышленных предприятий. По сравнению с довоенным периодом объем валовой продукции увеличился в 2,2 раза. Сейчас Советский Туркменистан располагает мощной нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью, многими предприятиями химической, текстильной, пищевой и местной промышленности. По удельному весу промышленности Туркмении заняла ведущее место в народном хозяйстве, продукция ее в 1950 г. составила свыше 70% всей продукции народного хозяйства.

Значительные успехи достигнуты в развитии социалистического земледелия. Колхозное крестьянство, работники МТС, широко используя пе-

редовую сельскохозяйственную технику, достижения агробιοлогической науки, разветвленную сеть оросительных каналов, из года в год увеличивая сбор хлопка-сырца, превратили республику в основную базу советского тонковолокнистого хлопка. Развиваются каракулеводство, шелководство, виноградарство. За успехи, достигнутые в сельском хозяйстве в 1955 г., Туркменская ССР была утверждена участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Вместе с непрерывным подъемом социалистической экономики растет материальное благосостояние трудящихся, растет и крепнет культура туркменского народа — национальная по форме, социалистическая по содержанию. Это является убедительным доказательством правильности марксистско-ленинского положения о том, что «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

До Октябрьской революции в Туркмении на каждую тысячу человек приходилось всего семь грамотных и почти невозможно было встретить грамотную женщину. В 1914 г. в Закаспийской области на территории современной Туркмении насчитывалось 58 школ, в которых обучались дети местной знати, ханов и баев, чиновников и старшин. На народное образование отпускалось 15 копеек на душу в год.

Теперь Туркменская ССР — страна сплошной грамотности. В 1954 г. в Туркменистане работало около 1200 школ, в которых обучалось свыше 220 тыс. учащихся. С каждым годом возрастает количество выпускников средних школ. Если в 1949/50 учебном году десятые классы окончили 1408, то в 1954/55 учебном году — свыше 5000 учащихся. Из года в год увеличивается число девушек туркменок, обучающихся в школе: в 1954/55 учебном году училось более 67 тыс. девушек.

В республике завершено всеобщее обязательное семилетнее обучение. С 1953/54 учебного года в столице республики — Ашхабаде, областных городах и в промышленном центре республики гор. Небит-Даге введено всеобщее среднее образование. В школьной сети работает более 12 тыс. учителей.

Для молодежи Советского Туркменистана открыт широкий доступ к высшему образованию. До революции в Туркмении не было ни одного техникума, ни одного вуза. Сейчас в республике имеется 37 техникумов, работают три педагогических института, а также сельскохозяйственный и медицинский институты. Важную роль в подготовке кадров национальной интеллигенции играет один из крупных научных центров республики — Туркменский государственный университет им. А. М. Горького, организованный в 1950 г. В составе университета имеются историко-юридический, филологический, физико-математический, биолого-географический факультеты, а с 1955 г. — технический. В техникумах и вузах получают образование около 20 тыс. студентов. Сотни туркменских юношей и девушек обучаются в вузах Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов Советского Союза. Туркменская ССР по степени развития высшего образования намного опередила не только страны зарубежного Востока, но и ряд государств Западной Европы. В Советском Туркменистане на 10 тыс. населения обучается в высших учебных заведениях 60 человек, тогда как в Иране — 3, а в Турции — 12 человек.

До Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане было всего четыре небольших научных учреждения. С установлением советской власти в Туркменской ССР создается ряд научных учреждений, а в 1924—1929 гг. несколько опытных станций и институтов.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

Особенно быстрых темпов развитие науки достигло в годы довоенных пятилеток. В 30-х годах в республике было создано 20 научно-исследовательских учреждений. В эти годы проводится подготовка квалифицированных национальных кадров. Если первоначально их подготовка велась в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза, то с созданием высших учебных заведений в республике эта задача целиком легла на них.

В 1940 г. был основан Туркменский филиал Академии наук СССР, объединивший научно-исследовательские институты республики. За десять лет Туркменский филиал Академии наук СССР провел огромную работу по подготовке научных кадров, разработал ряд научных тем, имеющих важное народнохозяйственное значение. Научная деятельность Туркменского филиала Академии наук СССР проходила при близкой и непосредственной помощи Академии наук СССР и его крупнейших ученых — Б. А. Келлера, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, Н. К. Дмитриева. В подготовке и воспитании научных кадров республики многое сделали Д. В. Наливкин, В. П. Никитин, С. П. Толстов, В. А. Гордлевский, Д. И. Щербаков и другие ученые.

Крупнейшим событием в культурной жизни республики явилось создание в июне 1951 г. Академии наук Туркменской ССР. Это было величайшим торжеством национальной политики коммунистической партии и ярким свидетельством огромного значения дружбы народов. Туркменская Академия наук — наиболее крупный комплексный научный центр. В ее составе имеются три отделения с восемью научно-исследовательскими институтами.

В Туркменистане работает свыше тысячи научных сотрудников, среди них 41 доктор и 297 кандидатов наук. В составе Академии наук Туркменской ССР 12 действительных членов и 19 членов-корреспондентов. При Академии наук Туркменской ССР, Туркменском государственном университете и медицинском институте работают аспирантуры, где готовятся местные национальные научные кадры.

Научные сотрудники Академии наук Туркменской ССР плодотворно работают над решением актуальных проблем, помогая туркменскому народу в его борьбе за дальнейшее развитие промышленности, сельского хозяйства, культуры.

Проводятся большие геолого-разведывательные работы по изысканию и использованию природных богатств для нового подъема народного хозяйства. В 1953—1954 гг. были исследованы полезные ископаемые в районах Юго-Западного Туркменистана.

Большие исследования ведутся в области сельского хозяйства. Туркменские селекционеры работают над созданием нового сорта хлопчатника, годного для возделывания в различных климатических районах республики. Только на Ташаузской опытной станции испытывается более 50 сортов хлопка для выяснения наиболее высокоурожайных и скоро-спелых сортов. Институт животноводства работает над проблемой выведения новой породы крупного рогатого скота, каракулевых овец, занимается изучением кормовой базы в республике, разрешает вопросы водоснабжения на отгонных пастбищах и др. Важнейшее значение имеют исследовательские работы Академии наук Туркменской ССР на трассе Кара-Кумского канала, строительство которого закончится в 1957 г.

Большая научно-теоретическая работа по всем отраслям современной медицины ведется многочисленными кафедрами Туркменского государственного медицинского института.

Туркменские ученые ведут большую работу в различных областях науки. Так, Институтом истории, археологии и этнографии Академии

наук Туркменской ССР подготовлена к печати двухтомная «История Туркменской ССР», в 1954 г. изданы «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII — XIX вв.» и другие работы по истории туркменского народа. Большая работа проделана Южно-Туркменской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ). Археологами найдены ценнейшие памятники культуры прошлого Туркменистана.

Языковеды и литературоведы изучают литературное наследие Махтум Кули, Зелли, Кемине, Молланепеса, произведения народного творчества, работают над созданием истории туркменской литературы, над составлением туркменско-русского словаря. В 1954 г. состоялся Второй лингвистический съезд Туркменистана, рассмотревший вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса туркменского языка. Туркменская советская литература вносит свою лепту в общую сокровищницу культурных богатств народов СССР. Творческим методом туркменской советской литературы, как и литературы всех народов СССР, стал социалистический реализм.

Достижения литературы Советского Туркменистана бесспорны. Если в дореволюционной туркменской литературе преобладала поэзия и отсутствовали произведения прозы, драматургии, то в современной советской туркменской литературе успешно развивается все многообразие художественных форм, жанров и творческих стилей. Туркменская литература вышла на всесоюзную арену, а лучшие ее произведения издавались в Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Коре, в Индии и других зарубежных странах.

Писатели Туркменистана в своих наиболее зрелых и ярких произведениях стремятся правдиво отобразить расцвет материальных и духовных сил туркменского народа, великие перемены в его судьбе, любовь трудящихся к коммунистической партии и советской родине. Идеи советского патриотизма, пролетарского интернационализма и дружбы народов занимают ведущее место в творчестве туркменских писателей. О том, как далеко продвинулась туркменская современная литература, говорит роман «Решающий шаг» Б. Кербабаева, одного из основоположников нового в туркменской литературе жанра — реалистической прозы. Большую роль в развитии реалистической прозы сыграли Н. Сарыханов, А. Дурдыев, отразившие в своих повестях и рассказах коренные изменения в жизни крестьянства в результате проведения коллективизации сельского хозяйства.

О современном туркменском селе и колхозной жизни, о героическом труде хлопкоробов и животноводов рассказывается в романе Ата Каушутова «У подножья Копет-Дага», в повестях Б. Кербабаева «Айсолтан из страны белого золота», «Современники», в рассказах К. Курбансахатова.

Темы труда, жизни рабочего класса, формирования туркменской советской интеллигенции, расцвета социалистической культуры нашли отражение в повестях Х. Исмаилова «Упрямец», П. Карпова «Юность Ашира», в рассказах Б. Пурлиева и других.

Значительно выросла туркменская поэзия. Говоря о развитии поэзии, необходимо подчеркнуть важное значение творчества народных шахиридов Ата Салиха, Нури Аннаклыча и других. В настоящее время туркменская поэзия вступила в пору зрелости: расширяется ее тематика, углубляется идейное содержание. Появились крупные эпические произведения — поэмы Амана Кекилова «Любовь», в которой даются картины жизни советской туркменской интеллигенции, и Чары Аширова «Конец кровавого водораздела», рассказывающая о великих изменениях в жизни крестьянина-бедняка после Великого Октября. Плодотворно выступают в поэзии

Кара Сейтлиев, Помма Нурбердыева, Ата Атаджанов, Товшан Эсенова, Анна Ковусов. Растет писательская молодежь — поэты Мамед Сейдов, Керим Курбаннепесов, Аллаберды Хаидов и другие.

Полным голосом заявила о себе туркменская драматургия, которая начала развиваться позже, чем поэзия и проза. Развитие туркменской драматургии является одним из ярких проявлений всестороннего расцвета национальной культуры туркменского народа. За 30 лет, т. е. со времени выхода первой пьесы — «На Закаспийском фронте» А. Каушутова, в Туркменистане написаны десятки драматургических произведений, которые посвящены героическому прошлому народа и актуальным проблемам современности. Они составляют основу национального репертуара наших драматических театров, часть из них идет на сценах многих республик Советского Союза и театров стран народной демократии.

Однако в туркменской литературе есть серьезные недостатки. У нас еще мало создано крупных, ярких литературных произведений, в которых с большой художественной силой раскрывалось бы героическое прошлое туркменского народа, жизнь рабочего класса и колхозного крестьянства, интеллигенции, их борьба за построение коммунистического общества.

Исключительную роль в развитии советской культуры сыграли печать и книгоиздательское дело. Советская книга, как и все остальные виды нашей печати, служит интересам дальнейшего укрепления социалистического государства, духовно обогащает народ и содействует воспитанию коммунистического сознания.

Благодаря повседневной заботе коммунистической партии и советского правительства газеты, журналы и книги стали достоянием широчайших масс трудящихся.

В области книгоиздательского дела и развития печати в Туркменской ССР достигнуты крупные успехи. Если до 1913 г. в Туркменистане не выпускалось ни одной книги, ни одной газеты на родном языке, то после Великой Октябрьской социалистической революции в Советском Туркменистане создана полиграфическая база, массовыми тиражами выпускаются общественно-политическая, художественная, научная, учебно-педагогическая литература, книги по вопросам промышленности и сельского хозяйства, выходит около 80 газет и журналов.

За 1918—1954 гг. в Туркменистане издано книг общим тиражом 49,8 млн. экземпляров. Эти данные показывают, что книга прочно вошла в жизнь рабочих, колхозников и интеллигенции республики.

Проведена большая работа по обеспечению учебниками учебных заведений. Только в 1955 г. тираж учебников достиг миллиона экземпляров (80 названий). За последние 10 лет было выпущено около 100 книг в переводе с русского языка. Теперь на своем родном языке трудящиеся Туркменистана читают произведения русских, украинских, узбекских, казахских, киргизских, латышских, таджикских, армянских, азербайджанских и эстонских писателей.

Важнейшим событием в идейной жизни Коммунистической партии Туркменистана и трудящихся республики является выпуск сочинений В. И. Ленина в переводе на туркменский язык.

Огромную роль в развитии печати, книгоиздательского дела в республике сыграла реформа письменности, проведенная в 1939 г. Переход с латинского алфавита на новый национальный алфавит, построенный на основе русской графики, облегчил туркменскому народу изучение русского языка и приобщил его к культуре русского народа.

До революции в Туркменистане не было профессионального театра. Элементами театрального действия были насыщены творчество народных певцов — бахши, музыкантов, сказителей легенд — дестанчи,

празднества, состязания. Театральное искусство в Туркменистане возникло лишь в годы советской власти. Сейчас в республике работают три республиканских и два областных театра.

Развитие театрального искусства Туркмении неразрывно связано с именами старейших работников театра — народных артистов СССР А. Кульмамедова, А. Карлиева, С. Мурадовой, Д. Н. Союновой, народных артистов республики: Б. Аманова, К. Бердыева, М. Черкезова, М. Сеит-ниязова, А. Дурдыева и других.

На рост мастерства актеров огромное влияние оказали постановки произведений русской и мировой классики, произведений советской драматургии, обогащение туркменского театрального искусства лучшими традициями русского театра, бережное развитие лучших традиций народного творчества.

В республике созданы национальные опера и балет, симфонии и кантаты. Сотни юношей и девушек учатся в различных музыкальных школах.

В Туркменистане воспитаны национальные кадры профессиональных композиторов: В. Мухатов, Д. Овезов, А. Кулиев, В. Ахмедов и другие. Об огромных сдвигах в музыкально-творческой жизни республики, о росте профессионального мастерства наших композиторов свидетельствует творчество молодого туркменского композитора В. Мухатова. Созданные им «Туркменская сюита» для симфонического оркестра и симфоническая поэма «Моя родина» имеют большое значение для дальнейшего развития туркменской национальной музыки. Успешно развивается молодое оперное искусство Туркмении.

В ноябре 1941 г. был открыт Туркменский государственный театр оперы и балета, в создании которого большую помощь оказали режиссеры, композиторы, музыкальные учебные заведения Москвы. Значительными художественными достоинствами отличаются туркменские оперы «Шасем и Гариб» А. Шапошникова и Д. Овезова, «Зохре и Тахир» и «Кемине и Кази» А. Шапошникова и В. Мухатова, «Абадан» Ю. Мейтуса и А. Кулиева, «Лейли и Меджнун» Ю. Мейтуса и Д. Овезова. Арии, песни и мелодии этих опер вошли в быт народа. Тепло принимает зритель национальный балет «Алдар Косе».

Воспитание кадров национальных артистов является ярким подтверждением ленинского положения, что «искусство принадлежит народу». Только в условиях советского общественного и государственного строя могли быть созданы неограниченные возможности для раскрытия народных дарований. Аман Кульмамедов — сын пастуха, сейчас народный артист Советского Союза, один из талантливых исполнителей ролей городничего и Отелло. Дочь пастуха, воспитанница Безмеинского детского дома Мая Кулиева — теперь народная артистка СССР, заместитель председателя Верховного Совета республики.

Бурный рост туркменской музыкальной культуры ярко виден на примере Туркменского государственного хора, Туркменского оркестра народных инструментов и Туркменского ансамбля танца.

Самым молодым и новым искусством, развившимся в годы советской власти, является хореографическое искусство. Туркменские танцоры получили первую профессиональную подготовку в Ленинградском хореографическом училище и в балетной студии, организованной в Ашхабаде в 1938 г. Первое выступление Туркменского ансамбля танца состоялось 29 марта 1942 г. Танцы, показываемые ансамблем, тесно связаны с жизнью и историей, трудом и бытом туркменского народа.

Развитие туркменского танцевального искусства, рост мастерства солистов ансамбля происходили под влиянием многовековой хореографической культуры русского и всех братских народов СССР.

Развивается туркменская советская кинематография. Ашхабадская киностудия, организованная в 1926 г., создала ряд очерков, документальных и художественных фильмов. Только за 1954 г. и за первую половину 1955 г. студия выпустила 54 журнала «Советский Туркменистан», 4 видовых кинофильма, дублировала на туркменский язык 28 художественных фильмов, выпущенных киностудиями Советского Союза, и около 200 научно-популярных кинофильмов. Художественные фильмы «Дурсун», «Далекая невеста», «Советский Туркменистан», «Сын пастуха» не только получили широкую известность в республике, но с большим интересом встречены во многих кинотеатрах Советского Союза. Широко известны зрителю короткометражные очерки «На востоке Каспия», «Мургабский оазис», «В горах Копет-Дага», «На пути к изобилию», «Решающая сила» — о передовой МТС и другие.

Художественные и документальные фильмы, созданные Ашхабадской киностудией, демонстрируют успехи национальной художественной культуры, богатство народного творчества, рост профессионального мастерства деятелей туркменского искусства. Выросли национальные кадры киноработников — режиссеры и операторы: заслуженный деятель искусств Туркменской ССР Д. Непесов, Х. Агаханов, А. Гельдыев, А. Милыев и другие.

Важным завоеванием туркменской культуры является развитие изобразительного искусства. До победы советской власти изобразительное искусство в Туркмении находилось под строгим запретом адата и шариата. После Великого Октября у нас возникли и успешно развиваются реалистическая живопись, графика и другие жанры изобразительного искусства.

Историческое решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» указало пути развития и туркменского изобразительного искусства. Важными событиями, ускорившими развитие изобразительного искусства в республике, явилась организация в 1935 г. Союза советских художников Туркменистана, открытие в 1936 г. Туркменского государственного художественного училища и в 1939 г. Туркменского государственного музея изобразительных искусств.

Сейчас в Туркменистане работает значительный коллектив художников. Ряд художников получил высшее образование в художественных вузах Москвы и Ленинграда. У нас создано немало интересных художественных полотен, свидетельствующих о зрелости туркменской живописи. К числу лучших относятся картины «Джигиты» И. И. Черинько, «За вышиванием» Ю. П. Данешвар, «В пустыне Кара-Кум» и «Книжный базар» Иззата Клычева, «Попал в Токмак» и «В семье» Амана Кулиева, «Приезд М. И. Калинина в Ашхабад», «Чабаны» Я. Аннанурова и другие.

О достигнутых успехах в развитии изобразительного искусства Туркменистана свидетельствует участие его художников на выставках, организуемых в республиках Средней Азии, в Казахстане и в Москве. В 1955 г. на Всесоюзной художественной выставке экспонировалось восемь произведений туркменских художников.

Развитие скульптуры начинается в 20-х годах. В 1928 г. в Ашхабаде, по рисункам художника Карелина, был сооружен памятник В. И. Ленину. Плодотворно работает заслуженный деятель искусств Туркменской ССР А. А. Абрамов, создавший ряд скульптурных портретов и монументальных композиций.

Гордостью и славой художественной культуры туркменского народа является искусство ковроделия, насчитывающее уже много веков. Туркменские ковры получили мировую известность.

Для туркменских ковров характерно разнообразие орнамента, сочность красок, высокая техника исполнения. В советское время ковроделие получило все возможности для своего расцвета. Впервые создаются тематические и портретные ковры, отличающиеся мастерством передачи художественного образа и отражающие мировоззрение советского человека.

Туркмения издавна славилась мастерами чеканки, ювелирного дела. Изделия из серебра и с позолотой, показанные во время декады на выставке в Москве, отличаются тонкостью отделки, большим художественным вкусом, широтой тематики.

В Туркменистане имеется большая сеть культурно-просветительных учреждений, играющая большую роль в деле политического и идеологического воспитания масс, а также в подъеме общего культурного уровня трудящихся.

Одним из важных очагов социалистической культуры являются клубные учреждения. На 1 сентября 1955 г. в республике работало свыше 890 районных домов культуры, рабочих и колхозных клубов, дворцов культуры, тогда как в 1925 г. их насчитывалось всего лишь 40.

В республике неуклонно растет сеть библиотек и изб-читален. В 1954 г. всего имелось 1160 массовых библиотек и 520 изб-читален, книжный фонд которых составлял более четырех миллионов томов, а число читателей около 200 тыс. чел. Выдающимся по значению культурным учреждением является Туркменская государственная публичная библиотека имени Карла Маркса, в которой представлены все издания, выходящие в Советском Союзе. Интересно отметить, что в 1925 г. в Туркменистане имелись 22 библиотеки с книжным фондом в 106 тыс. экземпляров, в том числе на селе было 6 библиотек с фондом в 6700 книг.

Культурному росту трудящихся Туркменистана способствует разветвленная сеть радиодиффузии. В 1927 г. в Ашхабаде была пущена первая радиовещательная станция РВ-19, мощность которой в 1936 г. увеличена в 2,5 раза. В 1945 г. начала работать мощная коротковолновая радиовещательная станция. Радиовещание в республике ведется на туркменском и русском языках. Радио прочно вошло в быт рабочих и труженников сельского хозяйства. В Туркменистане радиодиффузированы все города, районные центры и рабочие поселки, более половины колхозов и около 40% дворов колхозников.

Достигнуты большие успехи в области кинодиффузии республики. Если в 1914 г. в Туркмении было 6 киноустановок, то в 1954 г. имелось 314 киноустановок. Кино стало важным средством просвещения и воспитания трудящихся.

Всеми своими успехами в построении социализма, в мощном подъеме экономики и расцвете социалистической культуры туркменский народ обязан национальной политике Коммунистической партии Советского Союза, братской помощи народов СССР и прежде всего великого русского народа.

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

ТРАКТАТ ПО ПОЭТИКЕ ВАХИДА ТАБРИЗИ

А. Е. БЕРТЕЛЬС

Система стихосложения аруз, первоначально развившаяся на почве арабской поэзии, много веков назад получила распространение по всему Ближнему Востоку. В IX — X вв. эта система, с некоторыми изменениями, легла в основу стиха на литературном языке фарси.

Несмотря на имевшие последнее время место попытки создать новые стихотворные формы, аруз поныне господствует в поэзии современного Ирана и широко применяется таджикскими поэтами. На протяжении тысячелетия «наука об арузе» (علم عروض), а также тесно связанные с ней «наука о рифме» (علم قافیه) и «наука о стихотворных фигурах» (علم صنائع شعر) были непреложным каноном поэзии, и вплоть до XX в. никто не помышлял о возможности выйти за их рамки. Ни один поэт не мог себе позволить нарушить правила аруза и рифмы, поскольку эти правила заучивались с детства, наряду с грамматикой, и отклонение от них считалось элементарной безграмотностью. Ни о каком «вольном стихе» не могло быть и речи.

Востоковедам до сих пор часто приходится пользоваться рукописными и литографированными поэтическими текстами, изобилующими опечатками, ошибками и пропусками. Зная, что отклонение от схемы аруза всегда является результатом ошибочного написания, путем скандирования можно без труда определить, где отсутствуют необходимые или имеются излишние метрические единицы в стихе. Поэтому для правильного прочтения рукописного стихотворного текста нужно хорошее знание аруза. Это давно поняли исследователи, и с тех пор каждая грамматика литературного языка фарси сопровождается кратким руководством по стихосложению. Для их составления обычно использовались средневековые трактаты по арузу и рифме. Более пространные руководства зачастую представляли собой комментированные издания текстов, переводы или переложения этих трактатов¹.

Следует отметить, что мы еще не располагаем исчерпывающей монографией по арузу в поэзии на языке фарси. Даже отдельные детали «школьной» системы остаются пока неясными. Развитие форм стиха на протяжении веков, которое, несмотря на силу традиции, все же имело место, выяснено очень мало. Делавшиеся до сих пор попытки теоретически осмыслить средневековые схоластические схемы аруза более оригинальны, чем основательны². Поэтому необходимо обнаружение и издание

¹ См. Н. Blochmann. The prosody of the Persians. Calcutta, 1872. Книга представляет собой издание текстов и комментированные переводы трактатов Сайфи и Джами. پرويز نائل خانلری، تحقیق انتقادی در عروض فارسی.

² Парейз Натил Ханларй. Тегеран 1947/8, предисловие, стр. Критическое исследование персидского аруза. Тегеран 1947/8, предисловие, стр. 5—6. Автор ссылается на мнение известного чешского востоковеда Я. Рипка. См. J. Rypka. La Métrique du mutakarib. The Millenium of Firdawsi. Tehran, 1944,

трактатов по «трем наукам», которые относятся к различным периодам, и могут послужить ценным материалом для дальнейшего исследования, базой для будущей монографии.

* * *

В 1948 г. сотрудник Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР С. Мирзаев обратил внимание автора этих строк на одну из рукописей богатейшей ташкентской коллекции. Эта рукопись оказалась списком трактата по арузу, рифме и поэтическим фигурам, составленного Вахидом Табризи и носящего название «Джам'-и мухтасар».

Рукописи этого трактата встречаются довольно часто в европейских коллекциях. Они описаны в каталогах Британского музея³, библиотек Гота⁴, Вены⁵, Берлина⁶ и Мюнхена⁷ и в каталоге Бодлеянской библиотеки⁸. В отечественных собраниях удалось обнаружить следующие семь списков того же произведения:

1. Рукопись Института востоковедения АН УзССР (инв. № 477). Сборник из семи рисале, в котором «Джам'-и мухтасар» занимает второе место (лл. 15а — 29а). Переписана в 1170 г. х. (1756/7). Текст «Джам'-и мухтасар» полный, удовлетворительный. Не описана.

2. Рукопись Института востоковедения АН УзССР (инв. № 1206). Не описана (была использована нами в рукописной копии, снятой С. Мирзаевым).

3. Рукопись Института востоковедения АН СССР (№ С 857). Трактат занимает все 29 лл. рукописи. Дата переписки — 1140 г. х. (1727/8). Текст полный. Описана В. Р. Розеном⁹.

4. Рукопись Института востоковедения АН СССР (№ А 483). Сборник из четырех рисале. «Джам'-и мухтасар» занимает 83—128 лл. Дата переписки — 922 г. х. (1516). Имеются пропуски в тексте трактата, например, глава о скандировании (تقطيع) пропущена. Описана В. Р. Розеном¹⁰.

5. Рукопись Института востоковедения АН СССР (из новых поступлений, номера не имеет). Сборник. «Джам'-и мухтасар» занимает 125—161 лл. Переписана в XVII в. в Турции. Текст полный. Не описана.

6. Рукопись Института востоковедения АН СССР (№ А 1454). Сборник. «Джам'-и мухтасар» занимает 1—55 лл. Переписана в конце XIX в. в Средней Азии. В тексте много ошибок и пропусков, раздел о рифме опущен. Не описана.

7. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (инв. № 498). Сборник из восьми трактатов. Первым идет другое произведение Вахида Табризи — «Мифтаху'л-бада'и»

р. 75. Критика теорий С. Гюйяра и Д. Гинзбурга дана в обширной статье «Аруз» в «Энциклопедии ислама».

³ Ch. Rieu. Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum, vol. II. London, 1881, p. 789a.

⁴ W. Pertsch. Die orientalischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha, Th I. Wien, 1859, S. 14.

⁵ G. Flügel. Die arabischen, persischen u. türkischen Handschriften der... Hofbibliothek zu Wien. Wien, 1865, S. 206.

⁶ W. Pertsch. Die Handschriftenverzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin, Bd. IV. Berlin, 1888, № 43, 48, 118.

⁷ J. Aumer. Die persischen Handschriften der... Staatsbibliothek in Muenchen. Muenchen, 1866, № 315, 316.

⁸ Ed. Sachau, H. Ethé. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts of the Bodleian Library, Part I. Oxford, 1889, № 1346, 1347.

⁹ V. Rosen. Les manuscrits Persans de l'Institut des langues orientales. St.-P., 1886, p. 281.

¹⁰ Там же, стр. 282.

(مفتاح البدائع, 1—19 лл.). «Джам'-и мухтасар» занимает второе место (20—54 лл.). Судя по надписи на листе 1а, рукопись была подарена в библиотеку Ахмедийе в Стамбуле в 1171 г. х. (1757/8). Переписана в 1119 г. х. (1707/8). Текст наиболее достоверный из всех перечисленных семи рукописей. Описана Б. А. Дорном¹¹.

Сам по себе тот факт, что в отечественных и зарубежных коллекциях хранится не менее семнадцати списков «Джам'-и мухтасар», указывает на необычайную популярность этого трактата. Чем же вызвана эта популярность, что представляет собой трактат, известно ли что-нибудь об его авторе?

К сожалению, нам нигде не удалось найти подробных сведений о составителе «Джам'-и мухтасар». Ни в одном известном тазкире имя Вахида Табризи не встречается. Из восточных авторов только Хаджи Халифа дает два кратких упоминания о его произведениях:

و... صنف الوحيد التبريزي مختصراً فارسياً في العروض لابن اخيه وسماه المختصر... «И сочинил ал-Вахид ат-Табризи краткий трактат на [языке] фарси об арузе для своего племянника и назвал его ал-Мухтасар...»¹². Во втором, еще более кратком упоминании другое сочинение Вахида Табризи — «Мифтаху'л-бада'и»¹³ неправильно определяется как словарь языка фарси (في لغت الفرس). На самом деле этот трактат посвящен «науке о поэтических фигурах».

Перечисленные каталоги содержат почти исключительно внешние описания рукописей и не дают сведений об авторе и его произведении. Только Ч. Рье указывает, что Вахида Табризи, автора «Джам'-и мухтасар», жившего не позднее XV в.¹⁴, не следует смешивать с Мавланā Вахид-и Табризи, суфийским поэтом, умершим в 1080 г. х. (1669/70), о котором упоминает Й. Хаммер-Пургшталь¹⁵. (Это ошибочное отождествление встречается во всех каталогах, составленных ранее каталога Ч. Рье.)

Авторы всех упомянутых каталогов считают «Джам'-и мухтасар» сокращенным переложением, экспертом из какого-то другого, большего по объему произведения. В своем очерке «Новоперсидская литература» Г. Эте, очевидно, всецело полагаясь на сведения каталогов, сообщает в разделе о трактатах по «трем наукам» следующее:

«Среди других произведений этого рода наиболее известны и наиболее ценны:... сочинения по метрике и поэтике; принадлежащие перу Вахида Табризи, годы жизни которого еще не определены; литературная деятельность его, однако, должна была протекать до 1464/5 гг. (869 г. х.), так как один из его трактатов имеется в рукописи, датированной этим годом (см. № 1346 моего каталога Бодлеянской библиотеки); эти сочинения — Мифтах-и-бада'и (Перч. Берлинский каталог, стр. 91) и Мунша'āt дар 'илм-и-'арӯд у қāфийе у санā'и-'и-ши'р, причем второе мы знаем только по эксперту, названному Джам'-и мухтасар и имеющемуся во многих рукописных коллекциях»¹⁶.

¹¹ B. Dorn. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Imp. Publique de St.-Petersbourg. St.-P., 1852, p. 436.

¹² حاجی خلیفه، كشف الظنون عن اسامي الكتب والفنون. Изд. Г. Флюгеля, Лейпциг, 1835, т. IV, стр. 205, № 8135.

¹³ Там же, т. VI, стр. 10, № 12553.

¹⁴ Рукопись Бодлеянской библиотеки переписана со списка, датированного 1464/5 гг. (см. ниже).

¹⁵ J. Hammer. Geschichte der schönen Redekünste Persiens nebst einer Blütenlese aus zweyhundert persischen Dichtern. Wien, 1818, S. 380.

¹⁶ «Grundriss der Iranischen Philologie», Bd. II. Strassburg, 1896—1904, S. 344.

Очевидно, обилием описаний рукописей «Джам'-и мухтасар» в каталогах следует объяснить то, что Г. Эте причислил этот трактат к «наиболее известным и ценным». Из этих же описаний заимствовано утверждение, что «Джам'-и мухтасар» — эксерпт. Приведенное Г. Эте название «полного варианта» является, как мы сейчас покажем, результатом неправильного перевода начала «Джам'-и мухтасар». Очевидно, Г. Эте фразу *این مختصریست از منشآت وحید تبریزی* понял и перевел так: «Это эксерпт, [сделанный] из [книги под названием] «Мунша'ят-и Вахид Табризи». Для того чтобы легче было разобраться в ошибке Г. Эте, приведем тексты и переводы¹⁷ начальных и заключительных строк трактатов «Джам'-и мухтасар» и «Мифтаḫ-и бадā'и»¹⁸.

1. Начальные строки «Мифтаḫ-и бадā'и». После краткого (3 строки) восхваления Аллаха и Мухаммеда, говорится следующее:

اما بعد بدانکه افقر عباد الله الحمید وحید تبریزی را برادر زاده هست
صفی الدین نام * از بنده التماس کرد که ای عم از برای من رساله بساز
در صنائع شعر که اشعار شواهد آن همه شعر تو باشد * اگر چه ذهن قابل
دارد اما چون طفلست بنده این رساله را چنان ساختم که مبتدی ازو مستفید
گردد و اورا مفتاح البدائع نام نهادم و بالله التوفیق *

«Но затем, знай, что у беднейшего из рабов Аллаха преславного, Вахид Табризи, есть племянник по имени Сафийу'д-дин. Обратился он ко мне, смиренному, с усиленной просьбой: „О, дядя! составь для меня трактат о стихотворных фигурах, в котором все стихотворные примеры были бы из твоих стихов!“ Хотя [мой] разум способен [и на большее], но так как он (т. е. племянник. — А. Б.) — ребенок, я, смиренный, сделал этот трактат таким, чтобы начинающему была от него польза, и назвал его „Ключ чудес“¹⁹, а воспомоществование — от Аллаха» (л. 1б, строка 4 и сл.).

2. Заключительные строки «Мифтаḫ-и бадā'и». После объяснения фигуры «ат-та'риḫу'л-манзум»²⁰ приведен пример на нее и дано дополнительное пояснение (л. 19 б, строка 3 и сл.):

بخوبی و خیر این سخن ختم از ان شد * که تاریخ این مختصر هست خیری
اینجا غرض لفظ خیر است که خا بحساب ابجد ششصد و دو یا
بیست است * این تاریخ هشتصد و بیست باشد * چون این مختصر برای
تفهیم مبتدی عبارت سهل گرفتیم و شواهد بسیار نیاوردیم *

«Эти речи хорошо и к добру потому закончились,

Что та'риḫ этого краткого трактата есть [слово] „доброе дело“²¹.

Здесь, короче говоря, есть слово „доброе дело“ (ḫайр), в котором [буква] *ḫā* по счету абджад — 600, и *rā* — 200, и две [буквы] *īā* — 20. Это [дает] дату 820. Так как этот краткий трактат [предназначен] для понимания начинающего, мы избрали облегченный [способ] выражения и привели немного примеров...»

3. Начальные строки «Джам'-и мухтасар». После краткого восхваления Аллаха говорится следующее:

¹⁷ Цитаты из «Мифтаḫ-и бадā'и» приводятся по упомянутой рукописи ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (инв. № 498), а цитаты из «Джам'-и мухтасар» — по составленному нами критическому тексту этого трактата.

¹⁸ Со вторым трактатом Г. Эте, очевидно, не был знаком.

¹⁹ Возможен также перевод: «Ключ риторики». Здесь игра слов: слово *бадā'и* (мн. ч. от *бадī'a*) созвучно с термином *илму'л-бадī'* (риторика).

²⁰ Т. е. зашифрованная в стихах дата произведения.

²¹ Очевидно, намек на то, что трактат написан по просьбе — «сделано доброе дело».

اما بعد بدانکه این مختصریست از منشآت وحید تبریزی در علم عروض و قافیه و صنائع شعر که از برای برادر زاده خود تالیف کرده است تا بدین مقدمه در اوزان مدخل کند و حدود قافیه بشناسد و صنائع شعر بداند و این را جمع مختصر نام نهاده و بالله التوفیق

«Но затем, знай, что это краткий трактат, [одно] из произведений Вахид Табризи о науках об арузе, о рифме и о стихотворных фигурах, который написан для его племянника, чтобы он, благодаря этому введению, понял бы метры и пределы рифмы узнал, и узнал бы стихотворные фигуры, и он назван «Краткий сборник», а воспомоществование — от Аллаха».

4. К сожалению, ни в одной из семи использованных нами рукописей «Джам'-и мухтасар» не указана дата окончания произведения. Во всех рукописях текст заканчивается словами: «И для всякого, кто настолько познает науку о рифме, — достаточно».

Сопоставление трех приведенных цитат дает возможность без труда исправить ошибку Г. Эте. Мы видели, что Хаджи Халифа определяет трактат Вахид Табризи словом «мухтасар». Сам Вахид Табризи в заключительных строках «Мифтаḫ-и бадā'и» дважды определяет это свое произведение словом «мухтасар».

Из всего сказанного становится ясным, что Г. Эте ошибочно понимал приведенную выше фразу. Понимание той же фразы, выраженное в заметке Хаджи Халифы, и понимание слова «мухтасар», имеющиеся в «Мифтаḫ-и бадā'и» не оставляют сомнений относительно того, что это слово употреблено в начале «Джам'-и мухтасар» в значении «краткий трактат», а не «эксерпт», «извлечение». Таким образом, эту фразу следует переводить: «это краткий трактат, [одно] из произведений Вахид Табризи».

Итак, «Джам'-и мухтасар» Вахид Табризи является полным произведением, а не эксерптом. Приведенные цитаты дают возможность пойти дальше и довольно точно, точнее, чем у Г. Эте, датировать это произведение. Дата окончания «Мифтаḫ-и бадā'и» — 820 г. х. (1417/8). Трактат написан для племянника, ребенка, содержит объяснение стихотворных фигур и является как бы пособием для чтения поэзии.

«Джам'-и мухтасар» — больше по объему, сложнее и может служить руководством для писания стихов. В этом трактате Вахид Табризи также сообщает, что он составил его для племянника, очевидно, начинающего писать стихи. Отсюда можно заключить, что «Джам'-и мухтасар» написан вскоре после «Мифтаḫ-и бадā'и», т. е. не ранее 1417 г. и, скорее всего, не позднее 1420 г.

Перейдем теперь к общей характеристике «Джам'-и мухтасар». Выше говорилось о необычайной популярности трактата. Причины этого заключаются в его простоте, ясности и полноте изложения.

Трактат начинается с определения общих понятий аруза и его «структуры» (обычная аллегория — шатер). Затем следуют определения единиц аруза, объяснены способы соединения их в стопы и составления стоп в метры, даны названия метров. После этого сказано об изменениях (زحاف) в стопах образующих производные формы стоп, даны понятия стиха (شعر) и трех форм рифмовки: касиды, месневи и мусаммата. Вслед за этим идет раздел о скандировании (تقطیع) с пояснениями букв²², которые пишутся, но не учитываются или не пишутся, но учитываются. Затем объясняются чертежи шести кругов аруза и выведение одного метра из другого. В следующем большом разделе приведены примеры на все метры и их основные варианты.

²² Как известно, схоластическая система аруза основана на графике.

ты, причем в каждом примере содержится какая-нибудь поэтическая фигура. К каждому примеру даны его скандировка и объяснение поэтической фигуры. В предпоследнем разделе рассматривается метр руба'и и его два «дерева» (схемы). Заключительный раздел посвящен рифме и ее буквам. Он богато проиллюстрирован примерами, к которым даны пояснения. Таким образом, в трактате охвачены все обычные темы «трех наук».

Несомненные достоинства трактата, а также отсутствие в отечественной научной литературе пространных руководств по «трем наукам», побудили нас предпринять составление критического текста и перевод «Джам'-и мухтасар». Работа над составлением текста по семи рукописям и переводом закончена.

Предпринимая составление текста и перевод «Джам'-и мухтасар», мы руководствовались также следующими соображениями. Какие-то неизвестные нам списки трактата были дважды частично использованы за последнее время²³. Вероятно, именно отсутствие критического издания не дает возможности исследователям стихосложения полнее привлечь материал «Джам'-и мухтасар». Вместе с тем трактат представляет интерес как памятник, дающий сведения о наиболее распространенных в конце XIV—начале XV в. метрах и поэтических фигурах. Почти все стихотворные примеры, имеющиеся в «Джам'-и мухтасар», заимствованы, очевидно, из газелей самого Вахйда Табрйзи. На это указывает обращение «заказчика» в начале «Мифта'х-и бада'и», составляющего в какой-то степени одно целое с «Джам'-и мухтасар»: «Составь для меня трактат о стихотворных фигурах, в котором все стихотворные примеры были бы из твоих стихов». Кроме того, в двух примерах в «Джам'-и мухтасар» встречается тахаллус «Вахйд»²⁴. Сам автор отмечает, что он говорит в трактате о наиболее употребительных метрах и фигурах. Таким образом, мы имеем точно датированное указание профессионального поэта на то, какие именно метры и фигуры в его время чаще всего употреблялись.

Если тексты аналогичных трактатов, относящихся к более раннему периоду, изданы²⁵ и высоко ценятся как источники, сохранившие фрагменты стихов Рудаки и других ранних поэтов, то более поздние произведения того же жанра известны очень мало. «Джам'-и мухтасар» может быть использован как ценный источник для исследования метрики и системы образов газели XIV в., исследования, аналогичного интересной работе, начатой П. Ханлари²⁶. Поэтому издание этого трактата представляется делом, полезным для изучения истории форм стиха.

²³ См. *Парвиз Нати́л Ханлари*. Указ. соч., стр. 210; *Б. И. Сирус*. Рифма в таджикской поэзии. Сталинабад, 1953, стр. 83.

²⁴ Авторство указано еще только в двух случаях в начале трактата. Один пример взят из стихов Джелаледдина Руми, другой — из стихов Ходжу Кирмани.

²⁵ См. Мухаммад ибн Умар ар-Радуйани. «Тарджуману'л-балага» (ترجمان البلاغة). Стамбул, 1949. Текст издан с обширным предисловием и комментарием Ахмедом Атешем. По мнению издателя, трактат был написан между 1088 и 1114 г. н. э. Это самый ранний из дошедших до нас трактатов. За ним идет «Хадайику' с-сир» (هدايك السحر) Рашидаддина Ватвата (издан Аббасом Икбалем, Тегеран, 1936). написанный не позднее 578 г. х. (1182/3). К ним примыкает ценнейший обширный комментарий Шамс-и Кайса, «ал-Му'джам» (المعجم), законченный автором в 630 г. х. (1232/3). Издан Мирза Мухаммадом Казвини, «Gibb Memorial Series», vol. X, 1909.

²⁶ См. *Парвиз Нати́л Ханлари*. Указ. соч., раздел «Особенности эволюции метров газели», стр. 200—207.

СТОЛЕТИЕ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1855—1955)

А. Н. КОНОНОВ

Восточные языки практически знали на Руси уже давно, чему способствовало непосредственное и постоянное общение ее со странами Востока. Первые официальные распоряжения об изучении восточных языков в России связаны с именем Петра I. Важным этапом в дальнейшем развитии востоковедения явилась организация Академии наук (1725). После ее основания изучение языков восточных окраин и соседей России стало более планомерным. В 1736 г. при Академии наук была открыта школа для обучения японскому языку, а в 1741 г. — школа китайского и маньчжурского языков. Преподавателем в этой школе был первый русский китаевед Илларион Россохин, в течение десяти лет изучавший в Пекине китайский и маньчжурский языки.

Академия наук снаряжала экспедиции, которым в числе других заданий «в данных от академии инструкциях всех чужих языков пробы собирать велено»¹. Лексические материалы экспедиций, особенно Второй академической экспедиции (1769—1774), легли в основу крупнейшего лингвистического труда XVIII в. — «Сравнительные словари всех языков и наречий», в котором были представлены также восточные языки.

В течение XVIII в. была создана необходимая база для дальнейшего прогресса русского востоковедения: подготовлены словари, собраны восточные рукописи, книги, нумизматический материал, начато преподавание восточных языков.

В начале XIX столетия открывается первая страница в истории преподавания восточных языков в русских университетах. По университетскому уставу от 17 (5) ноября 1804 г., в Московском, Харьковском и Казанском университетах на отделениях словесных наук были учреждены кафедры восточных языков.

Кроме того, в первой половине XIX в. восточные языки изучались в Астрахани, Новочеркасске, Омске, Нерчинске, Иркутске, Кяхте, в Закавказье и Крыму², а также в Москве, в Армянском Лазаревых Институте восточных языков.

В Петербурге, в Главном педагогическом институте, основанном 4 января 1817 г. (23 декабря 1816 г.), были учреждены две кафедры: арабского и персидского языков. В 1818 г. эти кафедры были замещены приглашенными из Франции востоковедами — Жаном-Франсуа Деманжем и Франсуа-Бернаром Шармуа³, в помощь которым «для практических упражнений в восточных языках» в январе 1819 г. был назначен персиянин, уроженец Грузии Мирза Джафар Топчибашев⁴.

¹ «Материалы для истории Академии наук» (1731—1735), т. 2. СПб., 1886, стр. 407.

² См. *П. С. Савельев*. Восточные литературы и русские ориенталисты. «Русский вестник», М., 1856, т. II, стр. 115—122.

³ *В. В. Бартольд*. Обзор деятельности Факультета. 1855—1905. «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV. СПб., 1909, стр. 36, 27, сн. 5.

⁴ *В. В. Григорьев*. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 22.

В ноябре 1818 г. при Кунсткамере Академии наук был создан Восточный кабинет, несколько позднее получивший широкую известность как Азиатский музей. Директором музея был назначен акад. Х. Д. Френ.

Таким образом, в Петербурге возникли два центра отечественного востоковедения, сыгравшие чрезвычайно важную роль в его развитии.

20 (8) февраля 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован в Петербургский университет⁵. Восточные языки (арабский и персидский) преподавались на разряде восточной словесности историко-филологического факультета.

В июле 1822 г. с уходом в отставку Шармуа и Деманжа преподавание персидского языка было возложено на М. Дж. Топчибашева, а на кафедру арабского языка пригласили воспитанника Виленского университета О. И. Сенковского, который преподавал арабский и турецкий языки.

К концу 20-х годов прошлого столетия в Петербурге было уже четыре востоковедных центра: Восточное отделение университета, Учебное отделение восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел⁶, Азиатский музей и Публичная библиотека с ее коллекцией восточных рукописей.

Наличие солидной базы в виде этих четырех учреждений создавало благоприятные условия для развития востоковедения в Петербурге, что и позволило Френу, Шармуа и Сенковскому выступить в 1829 г. с запиской «О необходимости учредить при С.-Петербургском университете особый полный класс Восточных языков»⁷.

В 1835 г. был издан «Общий устав Российских университетов», предусматривающий создание во всех четырех русских университетах в составе историко-филологического отделения философского факультета «восточной словесности» с подразделением на языки: а) арабский, турецкий и персидский; б) монгольский и татарский.

В тридцатых годах XIX в. преподавание восточных языков велось в Петербургском, Московском и Казанском университетах, в восточном институте при Ришельевском лицее в Одессе (с 1828 г.) и в некоторых средних учебных заведениях.

3 ноября (22 октября) 1854 г. был подписан указ Правительствующему Сенату о преобразовании отделения восточных языков Петербургского университета в факультет восточных языков, в составе которого учреждались кафедры арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского, маньчжурского языков⁸. Торжественное открытие факультета восточных языков состоялось 8 сентября (27 августа) 1855 г.; занятия начались 13 (1) сентября 1855 г.

В результате слияния восточных отделений Петербургского и Казанского университетов в составе профессоров и преподавателей факультета восточных языков оказались выдающиеся русские востоковеды того времени: А. К. Казем-Бек, А. О. Мухлинский, В. П. Васильев, И. Н. Березин, А. В. Попов, Д. А. Хвольсон, М. Тантави, М. Т. Навроцкий, К. Ф. Голстунский, Л. З. Будагов, Д. И. Чубинов, Н. А. Бероев и другие.

В ноябре 1855 г. факультет получил разрешение ввести преподавание афганского языка, курс которого стал читать акад. Б. А. Дорн — пионер изучения афганского языка. Была открыта также кафедра санскритского языка. Первым преподавателем санскрита был К. А. Коссович.

Подводя итоги реформы востоковедного образования в России, историк Петербургского университета востоковед В. В. Григорьев сказал: «... устроилось в Петербургском Университете то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы, и что в таком виде, по праву, только в России и должно было возникнуть»⁹.

Первый декан проф. А. К. Казем-Бек следующим образом определил направление деятельности факультета восточных языков: «... назначение нашего факультета чисто

⁵ В. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 5.

⁶ О нем см. «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I. СПб., 1905, стр. 529—534.

⁷ Там же, стр. 96—103; 134—138; В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 42 сл.

⁸ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I, 1905, стр. 143; 252.

⁹ В. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 125.

практическое. Ученая цель должна занимать наш факультет настолько, насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей языков азиатских»¹⁰.

Стремление Казем-Бека ограничить деятельность факультета узко практическими целями и задачами встретило резкие возражения со стороны ряда профессоров и привело в конечном счете к его отставке с поста декана 6 декабря (24 ноября) 1858 г. 10 февраля (29 января) 1859 г. деканом был избран арабист и тюрколог А. О. Мухлинский. В этом выразилось намерение части профессоров усилить научную сторону деятельности факультета.

Некоторые новые изменения в структуру факультета внес университетский устав 1863 г.; в соответствии с §17 этого устава в факультете Восточных языков полагаются следующие кафедры при 9 профессорах, 8 доцентах и 4 лекторах: 1. Арабская словесность; 2. Персидская словесность; 3. Турецко-татарская словесность; 4. Китайская и Маньчжурская словесность; 5. Монгольская и Калмыцкая словесность; 6. Еврейская, Сирийская и Халдейская словесность; 7. Армянская и Грузинская словесность; 8. Санскритская словесность; 9. История Востока¹¹.

Вновь учрежденную кафедру истории Востока возглавил проф. В. В. Григорьев.

В 1864 г. структура факультета, предусмотренная уставом 1863 г., подверглась изменению: из двух разрядов — монголо-калмыцкого и китайско-маньчжурского был образован один разряд китайско-маньчжуро-монгольский. В октябре 1870 г. началось преподавание японского языка. В 1898 г. была учреждена кафедра японского языка и словесности.

Расширяя круг предметов, необходимых для подготовки высококвалифицированных востоковедов, факультет в декабре 1872 г., по инициативе И. Н. Березина, исполнявшего в 1870—1873 гг. обязанности декана, ввел преподавание мусульманского законовещения; чтение этого курса было поручено лектору турецкого языка Мухаммеду Османову — кумыкскому ученому и поэту.

Декан В. П. Васильев (1878—1893) добивался введения преподавания тибетского и корейского языков, а также языка урду. Преподавание корейского языка было введено с 1897 г., преподавание же тибетского языка началось лишь с 1904 г. (Ф. И. Шербатской).

Новый университетский устав 1884 г. в части, касающейся факультета восточных языков, отразил взгляды правительства на востоковедное образование: практическим задачам отдавалось предпочтение перед задачами научными. Однако именно теперь, в начале 80-х годов XIX в., факультет располагал такими силами, которые позволяли ему углублять и расширять научную деятельность.

Ясное представление о целях, задачах и направлении учебной и научно-исследовательской работы факультета дают его учебные планы и программы. Программы преподавания и экзаменационные требования, выработанные после введения устава 1884 г.¹², свидетельствуют о двух чрезвычайно важных обстоятельствах: во-первых, о том, что факультет видит свою основную задачу в развитии научной деятельности, во-вторых, о том, что поставить перед собой задачи такого объема, как это было определено программами, может только коллектив высококвалифицированных специалистов. В это время преподавание на факультете вели выдающиеся русские ученые-востоковеды: китайцевед и маньчжуровед, знаток буддизма, конфуцианства и даосизма акад. В. П. Васильев и маньчжуровед, знаток буддизма, конфуцианства и даосизма акад. В. П. Васильев, иранист и тюрколог, историк и филолог И. Н. Березин, индолог И. П. Минаев, знаток монгольских языков К. Ф. Голстунский, арменист К. П. Патканов, семитолог Д. А. Хвольсон, арабист В. Ф. Гиргас, знаток маньчжурского языка И. И. Захаров, основатель школы русского востоковедения В. Р. Розен, знаток истории Средней Азии

¹⁰ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I. СПб., 1905, стр. 392.

¹¹ «Университетский устав 1863 года». СПб., 1863. §—17, стр. 9-10.

¹² «Материалы для истории факультета восточных языков», т. II. СПб., 1906, стр. 102 сл.

и истории русского востоковедения Н. И. Веселовский, тюрколог В. Д. Смирнов и другие.

Учебные планы, программы и экзаменационные требования 1884 г., направляя факультет на строго научное изучение Востока, способствовали углубленному изучению Востока и в практических целях.

Идея гармонического сочетания целей научных и практических как основа развития университетского востоковедения нашла свое отражение в блестящей речи проф. И. П. Минаева на годичном акте Петербургского университета 20 (8) февраля 1884 г. «Научный интерес в изучении Индии для русского ориенталиста, — говорил Минаев, — не исчерпывается однако же ее прошлыми судьбами, каково бы ни было ее значение в мировой истории. У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а потому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения. Словом, как в старину, так еще более теперь, Восток для русского ученого не может быть мертвым, исключительно книжным объектом научной пытливости»¹³.

В это время факультет восточных языков Петербургского университета и Азиатский музей стали настолько сближаться в научно-исследовательской области, что можно с полным правом говорить об едином петербургском центре русского научного востоковедения. Одни и те же востоковеды возглавляли кафедры в Азиатском музее и в университете. Это обстоятельство дало основание акад. С. Ф. Ольденбургу утверждать, что факультету «в истории русского востоковедения, наряду с Академией Наук, принадлежит, бесспорно, первое место»¹⁴.

Международное признание выдающихся успехов русского востоковедения отмечено таким событием, как созыв третьего международного съезда востоковедов в Петербурге (1876). Председателем съезда был избран проф. В. В. Григорьев.

Успешное развитие русского востоковедения в конце прошлого столетия закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора акад. В. Р. Розена, воспитанника факультета восточных языков и его декана с 1893 по 1902 г.

В. Р. Розен сумел сплотить в Академии наук, на факультете восточных языков, Восточном отделении Русского археологического общества и вокруг «Записок» — печатного органа этого общества — «все живые силы русского востоковедения современного ему и младшего поколения»¹⁵.

Ученые факультета в это время специализировались в двух основных областях востоковедения, развивающихся на филологической основе: в восточной филологии, которая охватывает комплексно-изучаемые языки и литературу данного народа Востока, и в истории стран Востока, базирующейся на глубоком знании первоисточников на восточных языках; внимание историков было сосредоточено главным образом на изучении средневековья.

К концу прошлого столетия в филологической области выкристаллизовалась новая самостоятельная дисциплина — восточное языкознание, для которой язык является не средством, а целью изучения. Первым ярким представителем этого направления был выдающийся тюрколог П. М. Мелиоранский (1868—1906). Несколько раньше, в 70-х годах санскритологи и иранисты утверждают сравнительно-историческое направление в изучении восточных языков (К. А. Коссович, И. П. Минаев, К. Г. Залеман и др.).

Востоковеды-историки вели свою работу по трем главным линиям: гражданская история, история религий и история литератур народов Востока. Особо следует отметить успехи русских востоковедов в изучении буддизма и ислама. Русская буддологическая школа, получившая всеобщее признание, была создана В. П. Васильевым и его

¹³ И. П. Минаев. Об изучении Индии в русских университетах (Годичный акт С.-Петербургского университета, 8 февраля 1894 года. СПб., 1885, стр. 89).

¹⁴ С. Ф. Ольденбург. Памяти В. П. Васильева и о его трудах по буддизму. «Известия Академии наук», 1918, стр. 535.

¹⁵ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л. 1950, стр. 143.

учеником И. П. Минаевым и развита учениками Минаева — С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским; в истории изучения ислама почетное место занимают труды В. В. Бартольда, А. Э. Шмидта, И. Ю. Крачковского и их учеников.

В начале XX в. идет дальнейшая дифференциация этих основных направлений. Сравнительно большее место в исследовании востоковедов-историков начинает занимать археология (Н. Я. Марр, И. А. Орбели); развивается литературоведческое направление (В. А. Жуковский, В. Д. Смирнов, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев и др.).

Русское востоковедение, в частности университетское, отличалось прогрессивными устремлениями; ему не свойственен был расизм, широко распространенный на Западе. Русское университетское востоковедение, в отличие от западной университетской ориенталистики, не было связано ни с богословскими, ни с миссионерскими целями; оно было светским и научным. На русское востоковедение, на передовую часть его представитель оказал свое влияние прогрессивное, гуманистическое направление общественной мысли тогдашней России. В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов проявляли неустанный интерес к Востоку, всегда с чувством глубокой симпатии относились к поработанным народам. Благотворное влияние русских революционных демократов испытали на себе многие выдающиеся деятели русского востоковедения.

Подводя итоги развития русского востоковедения за прошлый век, историк нашего востоковедения акад. В. В. Бартольд утверждал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в западной Европе»¹⁶. Говоря о достижениях русского востоковедения, следует напомнить общепризнанное положение о том, что оно создало такие разделы ориенталистики, как кавказоведение, монголоведение, тюркология, внесло крупный вклад в развитие арабской, иранской, китайской, индийской, семитической филологии, сделало большие успехи в египтологии, ассириологии и эфиопской филологии.

Русские востоковеды вообще и ученые факультета восточных языков в частности, пришли к Октябрьской революции с выдающимися, всемирно признанными достижениями.

Советское востоковедение, развиваясь на новой методологической основе, заимствует у старого востоковедения его строго продуманную технику исследования — филологический метод.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества, обогатила науку новыми идеями, поставила перед востоковедением новые задачи.

В послеоктябрьский период востоковедение в Ленинградском государственном университете представляли выдающиеся русские востоковеды, в большинстве своем воспитанники факультета восточных языков, научная и педагогическая деятельность которых, хотя и началась до Октября, в основном развивалась в советское время.

Индианисты С. Ф. Ольденбург (1863—1934) и Ф. И. Щербатской (1866—1942) внесли крупный вклад в изучение буддийского искусства, буддийской литературы и философии. А. П. Баранников (1890—1952) явился основателем советской индологической школы. Кавказовед Н. Я. Марр (1864—1934) был крупнейшим специалистом в области армяно-грузинской филологии и выдающимся знатоком многих языков Кавказа. Крупнейший востоковед — историк В. В. Бартольд (1869—1930) был одним из основоположников изучения социально-экономической истории стран Востока. Эту же область исторических знаний, получившую широкое развитие в нашей стране, обогатил своими трудами Б. Я. Владимирцов (1884—1931), который вошел в историю востоковедения и как крупнейший ученый в области монгольского языкознания. Н. В. Кюнер (1877—1955) впервые в нашей стране создал систематические курсы и

¹⁶ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 232.

учебные пособия по географии и новой истории стран Дальнего Востока. Арабист И. Ю. Крачковский (1883—1951), выдающийся филолог и литературовед, признанный глава школы советских арабистов, внес крупный вклад в развитие мировой арабистики. Большую услугу отечественному востоковедению оказал В. М. Алексеев (1881—1951), подготовивший много китайистов и выпустивший в русском переводе ряд классических произведений китайской литературы. Все ныне здравствующие советские семитологи являются учениками П. К. Коковцова (1861—1942) или учениками его учеников. Создателем русской школы истории древнего Востока является Б. А. Тураев (1868—1920). Выдающуюся роль в изучении истории и литературы Турции и турецкого языка сыграл В. Д. Смирнов (1846—1922), создавший русскую османистическую школу.

После Октябрьской революции изменились характер и направление востоковедных работ. Советская школа востоковедения коренным образом отличается от буржуазной ориенталистики своим подходом к предмету изучения, методологическими основами, политическим содержанием. Советское востоковедение решительно положило конец противопоставлению «передового» Запада «отсталому» Востоку.

«Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, — писал С. Ф. Ольденбург, — противоположные друг другу и иначе изучаемые: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада»¹⁷.

В соответствии с изменениями в востоковедении, вызванными новыми задачами, появляются новые востоковедные учреждения, призванные решать эти задачи.

В 1918 г. Восточные институты были созданы в Ташкенте и Киеве. В 1920 г. в Москве и Петрограде возникли институты живых восточных языков. В 1921 г. декретом ВЦИК была образована Всероссийская научная ассоциация востоковедения. В мае 1921 г. в Москве был организован Коммунистический университет трудящихся Востока. Постановлением Наркомпроса от 13 сентября 1919 г. был создан факультет общественных наук Первого Петроградского университета на базе восточного, историко-филологического и юридического факультетов университета, Археологического и Историко-филологического институтов и соответствующих им факультетов Бестужевских высших женских курсов¹⁸. В дальнейшем, после ряда реорганизаций, востоковедение было сосредоточено на восточном отделении филологического факультета ЛГУ.

Особенно успешно развивалось востоковедение в Ленинградском университете с 1939 г., когда деканом филологического факультета стал востоковед А. П. Рифтин (ум. в 1945 г.), но это большое дело было прервано войной.

В 1944 г. советское правительство приняло решение об организации восточных факультетов в составе Ленинградского, Среднеазиатского, Бакинского и Тбилисского университетов.

Кафедры восточного факультета ЛГУ возглавили выдающиеся советские востоковеды: академики В. М. Алексеев, А. П. Баранников, С. А. Козин, И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, члены-корреспонденты Академии наук А. Ю. Якубовский, Н. В. Юшманов, Н. К. Дмитриев, Д. В. Бубрих, А. А. Фрейман, Н. И. Конрад, чл.-корр. АН Груз. ССР К. Д. Дондуа и другие видные востоковеды.

С 1 сентября 1947 г. по 1 марта 1950 г. при восточном факультете действовал Восточный научно-исследовательский институт ЛГУ. Продолжая поиски организационных форм, наиболее полно отвечающих задачам, стоящим перед советским востоковедением, факультет в 1949 г. провел некоторую реорганизацию своей структуры. Новая структура учитывала настоятельную необходимость установить в преподавательской и исследовательской работе теснейший контакт между филологическими и

¹⁷ С. Ф. Ольденбург. Восток и Запад в советских условиях. М.—Л., 1931, стр. 9.

¹⁸ «Ленинградский университет. 1819—1944». М., 1945, стр. 122; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922 г.». Л., 1923, стр. 34 сл.

историческими дисциплинами. С этой целью кафедра истории колониальных и зависимых стран, существовавшая с 1934 г. в составе исторического факультета, была передана на восточный факультет и реорганизована; были также созданы кафедры: истории стран Дальнего Востока, истории стран Ближнего Востока, истории древнего Востока, и, кроме того, образовано девять филологических кафедр: китайской, корейской, японской, монгольской, индийской, иранской, арабской, тюркской филологии и африканистики.

На Восточном факультете Ленинградского университета изучаются языки, литература и история почти всех стран Востока и главные языки Африки; с осени 1955 г. было организовано преподавание языков и истории Вьетнама и Индонезии; восстановлено преподавание тибетского языка.

Преподавательский состав восточного факультета в течение последних нескольких лет пополнился молодыми востоковедами — его воспитанниками, защитившими диссертации.

Продолжая лучшие традиции русского востоковедения, востоковеды Ленинградского университета добились определенных успехов: организовали изучение и преподавание новоиндийских языков (акад. А. П. Баранников), изучение и преподавание главных языков Африки (чл.-корр. АН СССР Н. В. Юшманов и проф. Д. А. Ольдерогге), изучение восточных языков путем создания ряда особых курсов (введение в восточную филологию, сравнительно-историческое изучение родственных восточных языков и др.); изучение литератур народов Востока (труды академиков В. И. Алексеева, А. П. Баранникова, И. Ю. Крачковского, членов-корреспондентов АН СССР — Е. Э. Бертельса, Н. И. Конрада, проф. А. Н. Болдырева и др.). Изучение истории восточных литератур превратилось в самостоятельную отрасль востоковедения.

За последние годы ученые восточного факультета создали значительное число пособий, из которых отметим такие: по африканистике — введение в эфиопскую филологию (1955) — посмертное издание труда акад. И. Ю. Крачковского, грамматика языка хауса (1954) Д. А. Ольдерогге, хрестоматия на суахили (1950) И. П. Ждановой; по Дальнему Востоку — словарь (1952) и грамматика (1954) корейского языка; А. А. Холодовича «Исследования по грамматике современного китайского языка» (1952) — расширенное и переработанное издание курса, который А. А. Драгунов читал в течение ряда лет в Ленинградском университете; исследование С. Е. Яхонтова, посвященное глаголу китайского языка; по индологии — Урду-русский словарь (1951) В. М. Бескровного и В. Краснодемского, Хинди-русский словарь (1953) В. М. Бескровного. Под руководством В. А. Новиковой подготовлен — впервые с оригинала — перевод избранных произведений Рабиндраната Тагора (первый том уже вышел из печати); по арабскому языку — хрестоматия (1950) Л. З. Писаревского; по древнему Востоку — хрестоматия древнеегипетских иероглифических текстов (1948) М. Э. Матье, хрестоматия древнеегипетских иератических текстов (1948) И. М. Лурье.

Из литературоведческих работ, законченных в последнее время, следует отметить докторскую диссертацию А. Н. Болдырева о творчестве таджикского поэта Васифи; исследование В. В. Петрова, посвященное современному китайскому поэту Ай Цину; Т. А. Бурдуковой «Материалы к лекциям по истории монгольской литературы». Восточный факультет издал пять томов «Ученых записок».

Круг проблем, изучаемых востоковедами, значительно расширился. В работах наших историков большое место заняло изучение народных движений в странах Востока. История Востока стала самостоятельной и важной отраслью советского востоковедения.

Акад. В. В. Струве проделал большую плодотворную работу по исследованию социально-экономических формаций древнего Востока.

Продолжателем лучших традиций русской исторической школы в востоковедении был чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, труды которого по истории народов Средней Азии и по Золотой Орде составляют крупный вклад в науку. Широко известны труды чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской в области

средневековой истории Ближнего и Среднего Востока, исследования проф. В. А. Крачковской по арабской эпиграфике и труды проф. И. П. Петрушевского по социально-экономическим проблемам средневекового Ирана, Армении и Азербайджана. К этому далеко неполному перечню трудов наших историков следует добавить работы по Китаю (доц. Г. В. Ефимов, доц. Л. А. Березный и др.), Турции (доц. А. Д. Новичев), Ирану (доц. М. С. Иванов), Индии (доц. Е. Я. Люстерник), по Японии (доц. Д. И. Гольдберг), научно-популярные книги Л. А. Липина и Н. С. Петровского о древнем Востоке и т. д.

Перед восточным факультетом Ленинградского университета, как и перед всем советским востоковедением, стоят задачи чрезвычайной важности, определенные ясно и четко в речах Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева на IV сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г., и в материалах XX съезда КПСС. Успешное выполнение этих задач является делом чести профессорско-преподавательского состава Восточного факультета Ленинградского государственного университета.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ АФРИКАНИСТ М. Г. КОКОВЦОВ

М. О. КОСВЕН

В 1776 и 1777 гг. русский морской офицер М. Г. Коковцов совершил два путешествия в Африку, в Тунис и в Алжир. Свои посещения африканских берегов Коковцов описал в двух книжках, составляющих ныне большую библиографическую редкость.

Матвей Григорьевич Коковцов (1745—1793) окончил морской кадетский корпус в 1761 г. и с того же года служил в военном флоте; плавал преимущественно в Средиземном море; участвовал в турецкой войне 1768—1774 гг. В 1776 г. он был командирован в Испанию для ознакомления с испанским флотом. В 1776—1777 гг., будучи в чине капитан-лейтенанта, Коковцов служил на корабле в составе отряда русских военных судов, крейсировавших в Средиземном море, и тогда совершил упомянутые путешествия в Африку. Коковцов продолжал службу во флоте до 1785 г., когда, еще сравнительно молодым, уволился в отставку «с бригадирским рангом»¹.

Книжки Коковцова имеют следующие заглавия: «Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их, с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами» (СПб., 1786, 130 стр.) и «Достоверные известия об Альжире; о нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении варварийских берегов; о произрастаниях и о прочем; с верным чертежом, Сочинение российского офицера, все то на месте обозревшего» (СПб., 1787, 143 стр.).

Обе эти книжки были изданы известным переводчиком и издателем XVIII в., чл.-корр. Академии наук Ф. О. Туманским. Как на первой, так и на второй книжке автор на титуле не обозначен. В первой книжке он назван в «Предуведомлении» издателя, во второй авторство Коковцова явствует из письма его к Туманскому, помещенного в начале.

«Описание Архипелага и Варварийского берега» состоит из трех частей. Первая часть озаглавлена «Краткое описание Архипелагских островов, с примечаниями» (стр. 1—75). Автор сообщает здесь, что, находясь во время войны с Турцией в Архипелаге (речь идет об Эгейском архипелаге), он занялся собиранием сведений обо всех его

¹ О нем: «Общий морской список», ч. IV, Царствование Екатерины II, К — С, СПб., 1890, стр. 101—102. — О Коковцове недавно писал И. Ю. Крачковский в своих «Очерках по истории русской арабистики». М.—Л., 1950, стр. 56—57. И. Ю. Крачковский пишет здесь, что книги Коковцова «остаются важным источником для характеристики Алжира и Туниса этой эпохи. Во французской науке нашего времени, только теперь с ними познакомившейся, они получили высокую оценку специалистов по истории Северной Африки». И. Ю. Крачковский сообщает, что М. Г. Коковцов — родной прадед известного русского семитолога П. К. Коковцова.

островах, на которых побывал лично, причем использовал также литературные источники. Автор дает краткие описания Негропонта, Скопело, Шкиро, Лемноса, Тино, Андроса, Метелино (Лесбоса), Тенедоса, Имбро, Хиоса, Делоса, Пароса, Наксии, Кандии (Крита), Патмоса, Самоса, Родоса, Кипра и других островов. В каждом описании сообщаются краткие, но разнообразные сведения о данном острове: кое-что из его античной истории и беглые сведения по его географии и современному экономическому и политическому состоянию.

Всю эту часть заключает «Примечание о нравах и обычаях жителей архипелагских», представляющее собой нечто вроде общей этнографической характеристики греков Эгейского архипелага. Говоря здесь о тяжелом турецком иге, лежащем на греческом населении архипелага, Коковцов, между прочим, пишет о греках: «Они и ныне, стоя на тяжелом рабстве, гордятся прежнею своею славою и величеством», и далее: «они бы явились в полном своем прежнем цвете, если бы могли освободиться от ига турецкого»².

Вторую часть описываемой книжки составляет «Дневник с разными примечаниями во время первой поездки, бывшей в 1776 году из Ливорны в Тунис и в другие варварийские пристани, флота капитана, что ныне бригадир и кавалер, Матвея Григорьевича Коковцова»³. Это — дневник первого путешествия Коковцова к Африке. Отправившись из Ливорно на купеческом корабле, Коковцов выходил на берег в Бизерте под видом купеческого поверенного, посетил затем Тунис, где представился тунисскому бею в качестве русского дворянина, путешествующего из любознательности, осмотрел развалины Карфагена и Утики. Коковцов описывает посещенные им места, в частности Бизерту и Тунис, дает общую характеристику различных групп местных жителей, описывает их внешний вид, жилище, обычаи, религию, политические отношения и пр.

Третью часть этой книжки Коковцова составляет «Дневник вторые в варварийские места поездки в 1777 году»⁴ — сравнительно короткая запись, веденная во время его второго путешествия к Африке — в Алжир, совершенного на сей раз под видом француза. В это путешествие Коковцов посетил, помимо города Алжира, ряд населенных пунктов и сообщает в своем дневнике некоторые сведения о стране и ее жителях. И здесь Коковцов осмотрел археологический памятник — развалины древнего Гиппона. Приложение к данной книжке Коковцова составляют: исправленная им карта Архипелага и планы некоторых городов и портов посещенной им части североафриканского побережья.

Но более пространно и основательно Коковцов описал результаты второго путешествия в книге «Достоверные известия об Альжире». Коковцов говорит, что он «объездил разные порты и города..., примечая все то, что для мореплавателей полезно быть может, и притом разведывал повсюду о настоящем состоянии варварийских областей, собрав к тому некоторые лучшие известия, присовокупил их к собственным примечаниям в отношении тамошних правлений, обычаев, торгов, разбойничьих их промыслов и земных произведений»⁵.

Хотя главные интересы Коковцова были в области морского дела, он в этой своей книжке дал весьма разностороннее, основательное и содержательное общее описание Алжира. В отдельных главах трактуются вопросы истории Алжира, административного устройства и разделения страны, описываются отдельные города, причем особенно подробно описан город Алжир; четыре главы посвящены детальному рассмотрению военного дела, войска, военного и гражданского флота, пиратства, практикуемого алжирцами; далее говорится об обращении с невольниками и о работорговле, приводятся сведения о хозяйстве, торговле, государственных доходах, монете, образе правления и внешних отношениях Алжира.

Имеется еще один документ, который относится к путешествиям Коковцова в

² «Описание Архипелага и Варварийского берега...», стр. 70.

³ Там же, стр. 77—116.

⁴ Там же, стр. 117—130.

⁵ «Достоверные известия об Альжире...», Предупреждение.

Африку и является дополнительным источником для характеристики его интересов и взглядов. Это обнаруженные нами в Архиве Военно-морского флота в Ленинграде письма Коковцова к тогдашнему президенту Адмиралтейств-Коллегии графу И. Г. Чернышеву⁶.

* * *

В описаниях своих путешествий, в частности в весьма обстоятельной второй книжке, Коковцов обнаруживает очень разнообразные интересы. Вместе с тем особое его внимание всегда привлекает само население, в особенности простой народ, его положение, обычаи и нравы.

Прежде всего. Коковцов правильно разобрался в сложном составе населения североафриканских берегов. «В Альжирской области, — пишет он, — обитают аборигены, или природные тутошние жители», а также арабы, евреи, левантские турки и христиане⁷. Характеризуя этих «аборигенов», Коковцов в ряде мест резко протестует против распространенных ложных, предвзятых и превратных о них мнений и представлений. «Везде варварийцев, — пишет он, — почитают за народ жестокосердый, безчеловечный, беззаконный и злонаправленный превосходящий самых диких американских жителей. Толь гнусные о варварийцах мнения вкоренились в европейцев подлинно от недостатка справедливых известий... Некоторые европейцы, — продолжает Коковцов, — думают еще и так, что если кто в Варварии родился, тот не одарен разумом и чувствами. Такое ложное мнение происходит от неведения их законов, правления и обычаев; ибо все те европейцы, кои видели сей народ и имели с ним порядочное обращение, единогласно утверждают тому противное. Несправедливо бы было осуждать целый народ потому только, что в нем носят на голове чалмы, но должно рассматривать его законы, обычаи, воспитание, климат, их правление, и потому делать общее заключение. Главы 3, 4 и 5 выведут из заблуждения читателя в том, что касается до их правления и обычаев, и уверят его, что европейцы довольно имеют таких пороков, которых они в варварийцах не терпят»⁸.

«Европейцы, — писал Коковцов Чернышеву, — последуя римлянам, вместо невежей (на языке XVIII в. — «непросвещенных». — М. К.), варварами сей народ (речь идет о тунисцах. — М. К.) и поднесь называют. Но не все те есть варвары, кои живут в невежестве, почему и самые просвещеннейшие ныне нации начало свое в невежестве имели. Но сколь я мог приметить, они вообще более странноприимства и добросердия оказывают, нежели сами европейцы, и что гораздо больше злонаправленности и дикости находят в жителях Калабрии, Сицилии и некоторых мест Гишпании...»⁹.

«Имя варваров, — пишет Коковцов в другом месте, — прилично народу злонаправленному, беззаконному и жестокосердому, а народы «варварийские» вообще казались мне добронравнее и странноприимчивее многих европейцев...»¹⁰.

Отмечая отрицательные черты, присущие бедуинам, Коковцов оговаривается: «Однако, среди их невежества и толь вредного суеверия видно в большей части народа много добросердия и человеколюбия; ибо проезжающие сию землю получают от обывателей во всем помощь и пользуются странноприимством. Они пекутся о больных путешественниках, довольствуют их пищей и всеми пухлыми вещами и притом безо всякой платы»¹¹.

⁶ «Письма капитан-лейтенанта Коковцова о путешествии его в барбарские порты, 1776—1780 гг.», Архив Военно-морского флота (в дальнейшем — АВМФ), ф. графа Чернышева, д. 119, на 17 лл.

⁷ «Достоверные известия об Альжире...», стр. 24.

⁸ «Достоверные известия об Альжире...», главы 3, 4, и 5 той книжки носят названия: «О жителях альжирских», «О законе» (т. е., на языке XVIII в. — о религии) и «О нравах, обычаях и о правлении Альжирского владения».

⁹ АВМФ, ф. графа Чернышева, д. 119. Письмо Коковцова Чернышеву от 6 (17) августа 1776 г.

¹⁰ «Описание Архипелага и Варварийского берега...», стр. 94.

¹¹ «Достоверные известия об Альжире...», стр. 29.

Чрезвычайно резко отзывается Коковцов о существующих в Тунисе и Алжире политических условиях, о тирании и злоупотреблениях местных правителей, о губительном влиянии этих условий на положение народа.

«Тунисская область, — говорит он, — чрезмерно плодородна, однако несправедливые утеснения народа и необузданная власть непросвещенных начальников препятствуют пользоваться богатством, текущим от плодородия земли». И продолжая далее описывать злоупотребления местных властей, Коковцов заключает: «Вот свойства правителей варварийских, по справедливости заслуживающих имя варваров, а не народ, который добродетелен и простодушен»¹².

О том же пишет Коковцов Чернышеву: «Сия наиплодороднейшая часть барбарийского берега, однако жители или от невежества или от невольнического обременения сребролюбивых и непросвещенных своих начальников толь выгодным положением не пользуются»¹³.

Отмечая некоторые отрицательные стороны характера и быта, свойственные населению Алжира, Коковцов однако, тут же объясняет: «Такие-то плоды обыкновенно рождают злоупотребления варварийских правителей, которых невежество и злонаправленность служит законом обитателям сих земель»¹⁴.

Рассказывая о местном пиратстве, Коковцов и здесь объясняет: «Упражнение их в морском разбойничестве происходит не от злонаправленности, но от злоупотребления тиранического над ними правительства, которое от сего промысла великий имеет выигрыш»¹⁵.

Таким образом, отрицательные явления в жизни местного населения Коковцов совершенно определенно считает следствием гнета деспотического правительства. Те же условия приводят и к другому последствию — упадку хозяйства и бедности населения. Бедуины, пишет Коковцов, «живут в крайней бедности по причине отнятия у них начальниками за самую малую цену собираемых ими плодов, чрез что земледелие у них в упадке и народ к снисканию богатства не ищет способов. Хотя Тунисская область и довольно изобильна пшеницею, разной овощью, деревянным маслом, шерстью, воском и другими произведениями, но народ оными не пользуется»¹⁶. О крайней бедности бедуинов рассказывает Коковцов и Чернышеву: «Бедуины, — так называются все деревенские здешние жители, — в крайней бедности. Самое простое рубище с нуждой закрывает наготу их тела, амука или кускусу, так называемое барбарское пшено, в воде сваренное, составляет их вседневную пищу. Живут в полях или под тенью деревьев или в самых скуднейших хижинах, в некоторых местах под тентами»¹⁷.

Вновь подчеркивает Коковцов зависимость отсталости и бедности населения от его политического положения, когда сравнивает алжирцев с тунисцами: «Сии последние, — пишет он, — более страдают под игом жестокого правительства, следовательно, более погружены в бедность и ничтожество»¹⁸.

Резко и гневно говорит Коковцов о тамошней милиции. Об этой «дерзкой милиции» пишет он и Чернышеву, сообщая, что она «состоит из числа самых злодеев, беглых из Леванта турок и ренегатов»¹⁹. «Они то, — пишет он далее, — в здешних местах деспотически надо всем господствуют, они то разбойничают по здешнему морю и насильно всегда с собой для сего промыслу возят здешних жителей, которые будучи чрезмерно трудолюбивы, к разбоям нимало склонности не имеют»²⁰.

Резюмируя свои высказывания, Коковцов пишет: «По зверству и грубости альжирской милиции поистине достойна она данного ей от европейцев имени варваров. Но сего

¹² «Описание Архипелага и Варварийского берега...», стр. 95.

¹³ АВМФ, ф. графа Чернышева, д. 119.

¹⁴ «Достоверные известия об Альжире...», стр. 37, ср. также стр. 57.

¹⁵ «Описание Архипелага и Варварийского берега...», стр. 94.

¹⁶ Там же, стр. 87.

¹⁷ АВМФ, ф. графа Чернышева, д. 119.

¹⁸ «Описание Архипелага и Варварийского берега...», стр. 125.

¹⁹ АВМФ, ф. графа Чернышева, д. 119.

²⁰ Там же.

порядка нимало не заслуживают тамошние природные жители, кои все вообще добронравны, трудолюбивы и странноприимство весьма свято, по крайней мере в пределах домов своих, наблюдают, и коих одно токмо непросвещение делает так много униженными пред их тиранами, которых сребролюбивая зависть не только пресекает стези обогащению жителей, но и лишает их свободы пользоваться приобретенными от трудов земными плодами»²¹.

Наконец, весьма примечательны в высказываниях Коковцова его отзывы о деятельности и роли мусульманского духовенства. «Морабуты (магометанские монахи), — пишет он, — следуя общему монашескому правилу, внушали сему народу ложное о законе (т. е. религии — М. К.) понятие и непременно питая их невежество несправедливыми рассказами, заградили все стези к их просвещению»²². В другом месте Коковцов говорит, что разные местные мусульманские ордена различаются исполняемыми ими обрядами, «однако, все единодушно, скрываясь под завесой набожности, простой народ обманывают»²³.

Книжки Коковцова представляют собой весьма ценные для истории африканистики документы. Мы имеем в них разностороннее описание Туниса и Алжира конца XVIII столетия, основанное частично на литературных источниках, но в большой мере на материале непосредственного наблюдения.

Замечательна личность автора. Пред нами широко образованный человек, глубоко и вдумчиво изучающий положение, жизнь и быт народов посещаемых им стран. Книжки Коковцова проникнуты свободолобием, горячим сочувствием к простому народу. Автор резко осуждает те политические условия, которые порождают отсталость и бедность народа. Описывая состояние населения Алжира и Туниса, Коковцов высказывает передовые, гуманные мысли.

Первым русским путешественником, который посетил и описал острова Эгейского архипелага, надо, повидимому, считать Арсения Суханова, побывавшего там в конце 40-х или начале 50-х годов XVII в. Но у Суханова в его «Проскинетарии» мы найдем лишь несколько замечаний об острове Хиосе. Между тем книжка Коковцова 1786 г. дает первое в русской литературе разностороннее описание Эгейских островов.

Бывали русские люди до Коковцова и в Африке. Египет проездом посещали русские паломники, и один из них — Василий Гагара — оставил в 30-х годах XVII в. некоторые, впрочем незначительные, заметки.

Что же касается остальной части африканского континента, то о пребывании там кого-либо из русских людей до Коковцова нет никаких известий, а тем более литературных следов. Коковцов — первый русский, который побывал в странах североафриканского побережья. Описание Коковцовым стран Северной Африки столь содержательно и значительно, что он вполне заслуживает имени первого русского африканиста и может по праву занять свое место в истории русской науки.

²¹ «Достоверные известия об Альжире...», стр. 68—69.

²² Там же, стр. 28.

²³ Там же, стр. 53.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Е. В. БУНАКОВ

Первая половина XIX в. является наименее изученным периодом в истории русско-китайских отношений. Если для XVIII в. имеются некоторые монографии¹, то по периоду первой половины XIX в. имеются лишь весьма скудные сведения в общих работах, трактующих историю русско-китайских отношений или историю Китая².

В настоящей статье дана краткая характеристика дипломатических, торговых и культурных связей России и Китая в первой половине XIX в. — с 1800 до 1858 г.

Использованные нами документы из Архива внешней политики России и других хранилищ представляют собой правительственные инструкции, донесения с мест правительству и ведомственную переписку, отнюдь не рассчитанную на оглашение. Поэтому мы вправе считать, что эти документы отражали подлинные взгляды их авторов, а в целом — правительственную политику того периода.

* * *

Внешняя политика маньчжурской династии в Китае в XVIII в. нередко противоречила национальным интересам Китая.

Политика этого правительства характеризовалась частыми перерывами в русско-китайской торговле в конце XVIII в. Маньчжурское правительство придавало исключительно большое значение вопросам дипломатического этикета, его внешней стороне. Оно добивалось от русского правительства соблюдения таких форм в письменных и устных сношениях, которые подчеркивали бы неравенство сторон, превосходство маньчжурского правительства (принцип «сверху вниз» — «кэ-тоу»). Грубая настойчивость его в этих вопросах превращала иногда маловажные пограничные недоразумения в острые конфликты, заканчивавшиеся временным разрывом торговых отношений.

¹ См. *Х. Трусович*. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882; *Иеромонах Николай (Адоратский)*. История Пекинской духовной миссии. Отд.-оттиск журнала «Православный собеседник». Казань, 1887; *Д. Н. Бантыш-Каменский*. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами (с 1619 по 1792 гг.). Казань, 1882.

² См. *В. П. Саввин*. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.—Л., 1930; *J. Dudgeon*. Historical sketch of the ecclesiastical, political and commercial relations of Russia with China. Peking, 1872; *А. Корсаков*. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857; *Ф. Ф. Мартенс*. Россия и Китай, СПб., 1881; *Г. Ефимов*. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951; *Е. П. Сычевский*. Экономические и политические отношения России и Китая в 30—60 годы XIX в. (рукопись кандидатской диссертации. Л., 1953).

Основы русской политики по отношению к Китаю в первой половине XIX в. были сформулированы в письме директора Азиатского департамента Родофиникина на имя начальника Российской духовной миссии в Пекине от 14 апреля 1833 г. В нем говорится, что «главная и постоянная цель Российского Министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая; первая состоит в сохранении и ускорении дружественных с Китаем связей, как с государством с коим граничим мы на столь значительном протяжении; вторая заключается в распространении и развитии торговых наших с китайцами сношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод»³.

Конкретные задачи, выдвигавшиеся русским правительством в его политике по отношению к Китаю в первой половине XIX в., были сформулированы в инструкции русскому послу Головкину, направленному в 1805 г. в Китай⁴. Послу предлагалось получить согласие Китая на ведение русско-китайской торговли не только через Кяхту, но и по всей сухопутной границе; урегулировать вопрос о судоходстве по Амуру в целях лучшего и более дешевого снабжения товарами Аляски из России; добиваться права морской торговли с Кантоном из Камчатки и Аляски, а если возможно, то и торговли с Нанкином. В случае получения права морской торговли, просить разрешения иметь в этих пунктах торговых агентов; выяснить отношения Китая с пограничными странами и установить, не пожелает ли правительство Китая заключить с Россией соглашение о совместной борьбе против нападающих кочевых народов Центральной Азии; предложить правительству Китая посредничество России, если между Китаем и Англией, которая завоевала Индию и придвинулась к границам Китая, возникнут конфликты.

Известно, что Головкин не доехал до Пекина и вынужден был вернуться в Россию. Причиной возвращения русского посла был его отказ выполнить некоторые церемонии во время устроенного в его честь завтрака ургинским амбанем и ваном (высшими представителями китайской власти в Монголии).

Отъезд русского посла Головкина в Россию и протест Сената, направленный в связи с этим китайскому правительству, вызвали в китайских правящих кругах чувство некоторой растерянности и беспокойства. Это беспокойство еще более усилилось в связи с возникшим в 1808 г. вооруженным конфликтом между Китаем и Англией⁵.

В условиях английской агрессии правительство Китая особенно ценило миролюбивую политику России и стремилось возобновить нарушенные неудачным посольством добрососедские отношения с Россией.

Уже в 1809 г. ургинские ван и амбань, несомненно, с ведома своего правительства, прислали иркутскому губернатору Трескину письмо, в котором выражали желание лично встретиться с Трескиным⁶. Испросив у правительства разрешение на переговоры, Трескин сообщил в Ургу о своей готовности к встрече. Вскоре и ургинские власти получили соответствующее разрешение из Пекина.

³ Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), ф. Главного архива, 1—5, д. 1, папка 9, л. 149—150.

⁴ АВПР, ф. Библ. Азиатского департамента, д. 46, л. 353—394.

⁵ Там же, л. 489, 490, 491. Конфликт произошел при следующих обстоятельствах. В Кантон прибыла английская военная эскадра, доставившая правительству Китая письмо английского правительства, в котором Англия требовала передать ей в условное владение захваченный ранее у Китая Португалией остров Макао, расположенный около Кантона. За это Англия предлагала ликвидировать своими вооруженными силами тонкинских пиратов в водах Кантона. Китайское правительство не согласилось на это предложение. Тогда английский флот силою овладел Макао. Попытка кантонского генерал-губернатора изгнать англичан окончилась поражением китайских войск. Правительству Китая пришлось пойти на уступки. В Макао для переговоров с англичанами был послан чиновник, заключивший соглашение, предусматривавшее снижение таможенных пошлин на английские товары в Кантоне.

⁶ Там же, л. 414—415.

Переговоры происходили в феврале — марте 1810 г. Ван и амбань поставили вопрос о посылке в Китай нового русского посольства; Трескин сначала уклонялся от обсуждения этого вопроса, затем предложил подписать двухстороннее соглашение, включавшее следующие основные положения: 1) возвращение посла Головкина считать недоразумением, и случай этот предать забвению; 2) возобновить русское посольство, но на основах взаимности и равенства; 3) содержанием русско-китайских сношений будут взаимные поздравления, обсуждение вопросов, полезных обоим государствам, возможно и заключение оборонительных союзов; 4) посольства будут высылаться одновременно из России и Китая; 5) соблюдать церемониал послы обеих сторон должны лишь при представлении государям; 6) послы должны иметь свободу передвижения и возможность поддерживать связь со своим правительством⁷.

При обсуждении проекта соглашения представители Китая возражали против равенства сторон и обязательности дачи аудиенции послу, а также против обязательности посылки китайских послов в Россию⁸.

Преодолеть разногласия не удалось, и переговоры прекратились. Расстались обе стороны, однако, весьма дружелюбно, и между Ургою и Иркутском поддерживалась постоянная связь. Другим, впрочем неофициальным, каналом, через который регулярно осуществлялась связь между русским и китайским правительствами, была Русская духовная миссия в Пекине.

В пятидесятые годы возникла еще одна форма связи — встреча специальных посольств обоих государств на границах. Перечисленные выше формы связи дополнялись в первой половине XIX в. еще личным контактом правительственных русских «приставов», сопровождавших сменяющиеся русские духовные миссии в Пекине, с Китайским трибуналом внешних сношений. Установленные формы связи благоприятно отразились на характере русско-китайских дипломатических отношений.

Уже в 1822—1824 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири доносил русскому правительству, что «сношения с китайцами продолжаются самые дружественные, торговля идет попрежнему без затруднений»⁹. «Коммерческая газета» в номере от 22 февраля 1830 г. писала, что «сношения с китайцами делаются приметно дружественнее и свободнее».

Торговые отношения между Китаем и Россией в 1800—1840 гг. развивались успешно. До заключения Кульджинского договора в 1856 г. свыше 95% объема всей русско-китайской торговли было сосредоточено в Кяхте¹⁰.

Торговля через Кяхту была построена по принципу полного равноправия обеих сторон и строго регламентировалась на основании специальных постановлений русского и китайского правительств. Русские купцы руководствовались особыми «правилами», изданными русским правительством в 1800 г.

Одной из характерных черт русского экспорта в Китай было последовательное увеличение промышленных товаров отечественного производства. В первой половине XIX в. происходило уменьшение удельного веса пушнины в русском вывозе и выдвигались на первое место промышленные товары, прежде всего текстиль. Если в начале XIX в. пушнина составляла более половины русского экспорта, который направлялся в Китай через Кяхту, то в начале 30-х годов ее удельный вес снизился до 37%, а к концу даже до 28%. На долю же текстильных товаров в начале 30-х годов приходилось около 29% вывоза, а к концу уже свыше 50%.

⁷ АВПР, ф. Библ. Азиатского департамента д. 46, л. 420—432.

⁸ Там же, л. 438—450.

⁹ Е. П. Сычевский. Указ. дисс., стр. 78.

¹⁰ Более детальные данные о русско-китайской торговле за рассматриваемый период имеются в работах: А. Корсака. Указ. соч.; «Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых сношений с Китаем через Кяхту». М., изд. кяхтинского купечества, 1896; Е. П. Сычевский. Указ. дисс. Статистические данные по этому вопросу публиковались ежегодно в «Обзорах государственной внешней торговли России».

Вместе с тем происходило постепенное вытеснение сукон и хлопчатобумажных тканей западноевропейского производства, шедших из Австрии и Пруссии транзитом в Кяхту, текстильными изделиями русского производства. К началу 40-х годов удельный вес иностранного текстиля в вывозе через Кяхту составлял лишь около 2% всего вывоза этих товаров.

Из других товаров, экспортировавшихся из России в Китай, наибольшее значение имели юфть, невыделанные кожи и опойка, пенька и льняные ткани. Увеличение удельного веса промышленных товаров в вывозе России отражало быстрый рост капиталистических отношений и фабричной промышленности в стране.

В китайском экспорте в Россию в начале XIX в. большую роль играли хлопчатобумажные изделия, а в дальнейшем чай. С 1801 по 1840 г. ввоз чая в Россию увеличился в 2,5 раза и составлял к началу 40-х годов около 97% всего импорта в Россию из Китая.

Общий объем товарооборота в Кяхте непрерывно возрастал и к концу тридцатых годов составил свыше 16 млн. руб.

Последовавшая затем английская (при содействии США) военная интервенция в Китай и навязанный ему грабительский Нанкинский договор привели к заполнению китайских рынков продукцией английской, а отчасти и американской машинной промышленности. Английский экспорт в 1840 г. превышал экспорт 1834 г. в 2 раза. В 1845 г. этот экспорт увеличился вновь по сравнению с 1840 г. на 90%¹¹.

Громадный наплыв на рынки Китая более дешевых товаров западноевропейской промышленности резко сократил возможности сбыта русских товаров. Возможности реализации русских товаров ограничивались также тем, что условия доставки русских товаров в Китай были хуже, чем условия доставки товаров других стран. Транспортировка западноевропейских и американских товаров морем обходилась во много раз дешевле перевозки их сухим путем через всю Сибирь. Однако на ухудшение условий сбыта русской промышленной продукции действовал еще ряд факторов.

Первая «опиумная» война, а затем восстание тайпинов привели к уничтожению больших материальных ценностей, к сильному снижению покупательной способности населения и нарушению движения товаров по обычным торговым путям. Маньчжурское правительство в целях мобилизации средств для борьбы с тайпинами увеличило пошлины. Все это привело к резкому сокращению объема торговли через Кяхту. Если в 1840 г. русский вывоз через Кяхту составлял около 8 млн. руб., то в 1849 г. он снизился уже до 5 млн. руб., а в 1853 г. даже до 3,5 млн. руб.¹²

Русское правительство, стремясь поднять торговлю с Китаем, добивалось открытия в Китае новых торговых пунктов, а также приняло ряд мер, активизирующих торговлю через Кяхту.

В 1854 г. правительство разрешило вывозить в Китай через Кяхту серебряные изделия, установив, что в ценностном выражении вывоз их не должен превышать $\frac{1}{3}$ вывоза промышленных товаров. В 1855 г. Сибирский комитет издал положение «Об изменении правил кяхтинского торга»¹³, согласно которому русским купцам разрешалось вести торговлю в Кяхте по ценам, устанавливаемым самими купцами, без какого-либо их регулирования со стороны купеческих компаний. К торговле были допущены новые категории лиц (купцы 2-й гильдии). Был разрешен в определенных размерах также вывоз серебряной и золотой валюты. Принцип меновой торговли, распространявшийся ранее на все товары, был сохранен в основном только для торговли пушниной.

В результате проведенных правительством мероприятий объем торговли через Кяхту вновь увеличился и составил в 1859 г. более 6 млн. руб. по вывозу из России и около

¹¹ «Коммерческая газета», 24 мая 1858 г.

¹² См. «Обзоры государственной внешней торговли России» за соответствующие годы.

¹³ «Коммерческая газета», 8 сентября 1855 г.

7 млн. рублей по ввозу. Более 60% русского вывоза составляли теперь текстильные товары¹⁴.

Стремясь создать новые опорные пункты для торговли с Китаем, русское правительство особенное внимание уделяло северо-западным провинциям Китая. Рынки Синьцзяна расположены ближе к промышленным центрам России, чем Кяхта, что позволяло уменьшить расходы по доставке туда товаров. К тому же Синьцзян более удален от морских портов, чем другие провинции, что облегчало русским товарам конкуренцию с западноевропейскими промышленными товарами¹⁵.

В записке от 2 сентября 1844 г., адресованной в Министерство финансов, Азиатский департамент Министерства иностранных дел ставит вопрос о путях дальнейшего развития русской торговли с Западным Китаем ввиду усиления конкуренции с английскими и другими западноевропейскими товарами после подписания Нанкинского договора¹⁶.

Зимой 1844 г. русское правительство направило в Синьцзян вице-директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Любимова, предложив ему ознакомиться с состоянием русской торговли с Синьцзяном и ее перспективами. Любимов дал благоприятную оценку перспектив этой торговли и рекомендовал для упорядочения ее вступить в официальные переговоры с правительством Китая.

Первое упоминание об этих переговорах мы встречаем в донесении начальника Русской духовной миссии в Пекине архимандрита Палладия в Министерство иностранных дел, датированном 1850 г. Палладий сообщал, что вопрос о переговорах с Россией о торговле на западных границах Китая рассматривался в Китайском трибунале внешних сношений.

Для обсуждения этого вопроса в Пекин вызывался губернатор Синьцзяна. Решение Трибунала было утверждено китайским императором¹⁷. Предварительные переговоры по вопросу торговли с Западным Китаем были поручены русским правительством майору Ковалевскому, сопровождавшему русскую духовную миссию в Китай в 1849 г.¹⁸ Ему же были поручены и окончательные переговоры в 1851 г.

Инструкция, данная ему и утвержденная императором 20 апреля 1851 г., включала следующие основные требования: 1) добиваться открытия торговли не только в Чугучаке и Кульдже, но и в Кашгаре, хотя бы временно, для опыта; 2) получить право иметь в Чугучаке и в Кульдже консулов или агентов; 3) добиваться беспосредственной с обеих сторон торговли в Чугучаке и Кульдже; 4) предложить установить постоянную прямую связь между генерал-губернатором Западной Сибири и главнокомандующим в Или, по примеру связи между генерал-губернатором Восточной Сибири и ургинским амбаном¹⁹.

Переговоры протекали в дружественной атмосфере и закончились тем, что китайская сторона приняла все русские предложения, кроме предложения об открытии торговли в Кашгаре²⁰. Договор был подписан 26 июня 1851 г.

Заключительным этапом в истории русско-китайских отношений в рассматриваемый период явилось подписание в мае 1858 г. Айгунского договора.

¹⁴ См. «Статистические сведения о торговле России с Китаем», СПб., 1909, стр. 14—16.

¹⁵ Подробная характеристика русской торговли с Китаем через Синьцзян дана в работах: М. К. Рожков. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949; Е. В. Бунаков. Политические и экономические связи России и Средней Азии с Восточным Туркестаном (Синьцзяном) в Правление Якуб-бека Кашгарского (1865—1874 гг.); «Бюллетень АН Узбекской ССР», 1946, № 5.

¹⁶ АВПР, ф. Главного архива II—3, д. 6, л. 96—97.

¹⁷ АВПР, ф. Главного архива I—5, д. 1, папка 51, л. 97.

¹⁸ Там же, папка 24, л. 64 и 70.

¹⁹ АВПР, ф. Главного архива II—3, д. 2, л. 10—54.

²⁰ Там же, л. 106—124.

* * *

Основным проводником культурных связей России и Китая в первой половине XIX в. являлась Русская духовная миссия в Пекине, организованная по инициативе императора Петра I в 1714 г. Миссия была создана по просьбе русского албазинского населения в Китае для отправления церковной службы. Юридически положение Миссии в Пекине было оформлено Кяхтинским договором.

Согласно этому договору, Россия получила право постоянно содержать в Пекине Духовную миссию в составе нескольких священников, дьяконов и причетников во главе с архимандритом. При Миссии состояло шесть светских русских учеников для обучения китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам. Хотя Миссия в административном отношении была подчинена Синоду, но оперативное руководство ее деятельностью находилось в руках Иностранной коллегии, впоследствии Министерства иностранных дел.

Еще при организации Миссии в начале XVIII в. в ее обязанности, помимо отправления церковной службы, входило ознакомление русского правительства с различными сторонами экономической и культурной жизни Китая. Однако до начала XIX в. эта деятельность Миссии была весьма ограниченной вследствие недостатка хорошо образованных кадров из среды духовных лиц, а также трудных условий работы Миссии.

Существенные изменения в области культурных функций Миссии произошли с начала XIX в. С 1807 г. начальником Миссии стал выдающийся филолог и историк, «отец русской синологии». — Н. Я. Бичурин (в монашестве Иоакимф).

Необходимость расширения политических и культурных связей России с Китаем была осознана и русским правительством, что нашло свое отражение в утвержденной 4 августа 1818 г. новой инструкции для Миссии²¹. Главной задачей Миссии отныне становилась не религиозная деятельность, а всестороннее изучение экономики и культуры Китая. Миссия должна информировать Министерство иностранных дел и о важнейших событиях политической жизни Китая.

В дальнейших указаниях Министерства иностранных дел Миссии настойчиво подчеркивалась необходимость крайне осторожного подхода к религиозной пропаганде среди китайцев, чтобы не вызвать неудовольствия и подозрения китайского правительства. «Подозрение сие, — говорилось в письме директора Азиатского департамента начальнику Миссии от 14 апреля 1833 г., — всего легче может родиться от особенного стремления к распространению между китайскими подданными христианского вероучения... Все сие побуждает нас убедительно просить Вас не вдаваться в столь опасное поприще действия, а ограничиться одними делами Миссии»²².

В соответствии с новой инструкцией устанавливались и новые штаты Миссии и принципы их комплектования. Светский состав Миссии (ученики) комплектовались теперь из лиц, успешно окончивших университеты и семинарии. В состав Миссии включался врач, а позднее и художник. Лица, предназначенные для работы в Пекине, выделялись заранее (за один-два года) и проходили предварительное обучение китайскому и маньчжурскому языкам. В Китае им поручалось изучать китайскую медицину, естествознание, философию (особенно Конфуция), математику, историю, географию, статистику, юриспруденцию, сельское хозяйство, быт и искусство Китая. Ученики зачислялись членами-корреспондентами Академии наук, Медицинской академии, Московского общества натуралистов, Вольно-экономического общества, которые снабжали их программами работы и куда они были обязаны представлять отчеты, научные работы, ботанические и минералогические коллекции и т. п.

Духовному составу Миссии тоже вменялось в обязанность изучать языки и знакомиться с экономикой и культурой Китая. В письме вице-канцлера Нессельроде Министру духовных дел и просвещения от 14 февраля 1823 г. говорилось, что и духовные члены Миссии должны заниматься «сбором сведений о сельском хозяйстве китай-

²¹ АВПР, ф. Библ. Азиатского департамента, д. 49, л. 601—623.

²² АВПР, ф. Главного архива I—5, д. 1, ч. I, папка 9, л. 149—150.

цев, о домашней их жизни, земледелии и т. д.», а также изучать китайскую юриспруденцию и философию²³.

Чтобы обеспечить выполнение Миссией новых задач, расширялась и ее материальная база. Значительно увеличивалось жалованье членам Миссии. Миссия снабжалась хирургическими инструментами, медикаментами и научными приборами, а также специальной библиотекой. Выделялись значительные ассигнования на приобретение книг, рукописей, коллекций, а также для оплаты учителей китайского языка.

В управление Миссией вводился элемент коллегиальности — создавался Совет миссии, который был обязан обсуждать важнейшие вопросы ее научной и хозяйственной работы.

Впервые новый устав был применен при комплектовании Миссии 1820 г. Миссия вела метеорологические и магнитные исследования и построила обсерваторию для астрономических наблюдений.

Помимо постоянных работников Миссии в Китае побывали в этот период, в качестве сопровождающих сменяющиеся Миссии, некоторые видные ученые: монголист Ковалевский, ботаник Бунге, астроном Фукс и другие.

Для детей албазинцев при Миссии в 20-х годах XIX в. была организована школа, где обучали русскому языку и давали основы китайского образования.

Члены Миссии работали в качестве преподавателей русского языка и в организованной еще в XVIII в. китайским правительством школе русского языка. С XIX в. стало обычным, что перевод писем русского правительства китайскому и ответных писем в Россию делали члены Миссии по просьбе руководителей китайской школы русского языка. Последние, плохо зная русский язык, обращались за помощью к членам Миссии.

Члены Миссии сделали некоторые переводы с русского на китайский язык. Так, например, врач Кириллов перевел на китайский язык сведения по анатомии и физиологии.

Министерство иностранных дел ставило перед Миссией важную задачу ознакомления Китая с достижениями русской и вообще с европейской культурой. В одном из писем Министерства (29 сентября 1828 г.) говорится, что в задачи Миссии входит «не только почерпнуть богатства китайцев в разных полезных изобретениях и учреждениях, но со своей стороны явить им преимущества нашего образования и успехи европейцев в искусствах и науках»²⁴.

Большую роль в деле установления непосредственных культурных связей с китайским населением сыграли врачи и художники Миссии. Уже медицинская практика первого врача ее — Войцеховского вызвала восторженную реакцию среди населения Пекина. Кроме того, Войцеховский знакомил представителей китайского населения в Пекине с русским языком и географией.

О деятельности сменившего Войцеховского врача Кириллова начальник Миссии доносил в Азиатский департамент следующее: «Подворье наше давно украшено двумя надписями на двух больших досках, поставленных в знак признательности к г. Медику за исцеление родного брата председателя Палаты Внешних Сношений от помешательства в уме, и супруги одного князя от внутренней водяной болезни. Подобные сим одолжения г. Медика приобрели уважение у всех граждан не только к Миссии, но и вообще к русскому имени»²⁵.

Подполковник Лодзьженский, сопровождавший в 1830 г. в качестве пристава Миссию в Пекин, в письме в Медицинскую академию отмечал выдающиеся успехи врача Кириллова в Китае в области медицины. Кириллов пользовался в своей медицинской практике не только европейскими, но и китайскими медицинскими средства-

ми. Успешное лечение и знание китайского языка обеспечили ему благорасположение китайского императора, его семейства, чиновников и населения.

Первая половина XIX в. ознаменовалась повышением интереса к Китаю и в самой России. Было введено преподавание китайского языка сначала в Казанском университете, а затем и в Петербургском. В 1823 г. при Министерстве иностранных дел было создано учебное отделение восточных языков, в том числе и китайского. Школа для изучения китайского и монгольского языков была открыта в Кяхте, школа монгольского и маньчжурского языков в Иркутске. Преподавали китайский язык в университетах и школах, в основном, бывшие члены Пекинской миссии: Захаров, Васильев, Крымский, иеромонах Даниил, Сосницкий, Пещуров и другие.

Усиление интереса к России, ее жизни и культуре происходило и в Китае. Если в начале XIX в. население Китая имело самое фантастическое представление о России, то теперь положение резко изменяется. Н. Я. Бичурин писал, что в начале XIX в. его знакомые китайцы, увидев у него изображение герба Костромской губернии — медведя с алебардой, считали, что такие медведеобразные существа живут в России. Тот же Бичурин сообщал, что китайские чиновники были крайне изумлены, узнав от него, что в России имеются плодовые деревья, как и в Китае²⁶.

Между тем в 1842 г. начальник Миссии архимандрит Мрачевский уже сообщал в Россию, что в ходе частых дружеских бесед китайские руководящие чиновники получили правильное представление о России, узнали то, о чем они из своих книг не могли узнать²⁷.

К концу 50-х годов в Китае вышла в свет работа, посвященная описанию европейских стран и в первую очередь России, под наименованием «Краткое описание заморских стран» (Ин хуан Чжи лио)²⁸. Автором ее был губернатор провинции Фуцзянь. В книге содержались в общем правильные сведения о России. Тон автора книги в отношении к России был благожелательный.

В 1845 г. китайское правительство, по просьбе русского правительства, выслало ему 800 томов религиозно-философского сборника «Дончжур». Русское правительство подарило китайскому правительству 357 сочинений на русском языке, в число которых входили книги по праву, технике, художественная литература и т. д.²⁹.

Ряд влиятельных лиц в Китае в этот период проявляли усиленный интерес к России. В докладе начальника Миссии в Министерство иностранных дел от 23 октября 1838 г. говорилось: «Председатель Палаты Чинов и вместе Пекинский генерал-полицмейстер И-цзин, весьма уважаемый всеми за отличную свою образованность, ... о нашем отечестве он читал все, что только можно выискать в китайских книгах, весьма хвалил наше правительство, за искренность и постоянство в сохранении дружбы с Дайцинской империей, отдавал всю честь русскому народу за простоту и прямоту его характера»³⁰.

Таких видных китайских деятелей, подобных И-цзину, интересовавшихся Россией и благожелательно к ней относившихся, было много и в Трибунале внешних сношений и среди придворных чинов и среди представителей высшего буддийского духовенства.

По понятным причинам в официальных документах об отношении к русским рядового китайского населения говорится сравнительно редко. Однако известные нам факты позволяют утверждать, что отношение китайского народа к русскому было благожелательным.

Там, где русское и китайское население жило рядом, как, например, в Кяхте и Маймачине, между ними устанавливались отношения дружбы и взаимопомощи

²⁶ АВПР, ф. Библ. Азиатского департамента, д. 46, л. 492.

²⁷ АВПР, ф. Главного архива I—5, д. 1, папка 13, л. 21.

²⁸ Там же, папка 51, л. 121—123.

²⁹ АВПР, ф. Библ. Азиатского департамента, д. 131, л. 3—5.

³⁰ АВПР, ф. Главного архива I—5, д. 1, папка 9, ч. II, л. 547.

²³ АВПР, ф. Главного архива I—5, д. 1, папка 2, л. 3—4.

²⁴ Там же, л. 41.

²⁵ Там же, папка 9, ч. II, л. 396.

Русские и китайцы ходили друг к другу в гости и на различные празднества. В случае пожаров русские и китайцы приходили друг другу на помощь³¹.

Убедительным доказательством дружественного отношения китайского населения к русским может служить донесение начальника Миссии архимандрита Палладия в 1853 г. по вопросу о безопасности членов Миссии в случае занятия тайпинами Пекина. Палладий категорически отрицает какую-либо опасность для членов Миссии. Он считает, что руководители «противников маньчжуров», судя по их прокламациям и сведениям о них, люди «благообразные и дальновидные». Если европейцы даже сами выступают против тайпинов, то и тогда русских выделяют среди других наций, ибо они не будут в этом участвовать³².

* * *

Резюмируя все сказанное выше о русско-китайских отношениях в первой половине XIX в., можно сделать следующие основные выводы.

В этот период русское правительство в области внешнеполитической концентрировало свое внимание на восточном и польском вопросах, а также на взаимоотношениях с государствами в Западной Европе. В отношении азиатских стран и в особенности стран Дальнего Востока царское правительство стремилось избегать инцидентов, которые могли бы отвлечь силы и средства страны от решения указанных выше вопросов.

В отношении Китая Россия проводила в этот период добрососедскую политику, стремясь развивать русско-китайскую торговлю.

Правительство маньчжурской династии, правившей в этот период в Китае, уже в начале XIX в. столкнулось с военной агрессией Англии, а в 40-е и 50-е годы понесло тяжелые военные поражения от западноевропейских интервентов. Эти поражения, побудили маньчжурское правительство идти на сближение с Россией, граничащей с Китаем на громадном протяжении.

Деятельность значительной части работников Русской духовной миссии в Пекине, проникшихся уважением к китайской национальной культуре, способствовала ознакомлению русской общественности с экономикой, историей, бытом и искусством китайского народа. Одновременно эта деятельность положила начало и ознакомлению китайского населения с русской культурой.

³¹ «Коммерческая газета», 21 октября 1841 г., а также 11 октября 1841 г.; АВПР, ф. Главного архива I—5, д. 1, папка 31, л. 3—4.

³² АВПР, ф. Главного архива I—5, д. 1, папка 51, л. 579—580.

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ХОРАСАНА И МАБЕРАННАХРА VIII — IX вв.

М. Н. ОСМАНОВ

История литературы народов Средней Азии и Ирана (т. е. таджикской и персидской литературы) четко вырисовывается с X в., когда выдвинулись такие поэты, как Рӯдакӣ, Шахид Балхӣ, Абӯ-Шукӯр Балхӣ, Дақӣқӣ и другие. Литература же VIII—IX вв. до сих пор мало изучена, ввиду ограниченности обнаруженных поэтических памятников. Это обстоятельство в значительной степени осложняет установление связей литературы X в. с доисламским периодом. Данная статья ставит целью показать развитие литературных традиций, на основе которых сложилась литература X в.

В VIII—IX вв. народы завоеванных халифатом стран продолжали борьбу против иноземного порабощения. При этом, если трудовые массы выступали против чужеземного господства и социального гнета, то местная знать стремилась восстановить утраченную ею политическую власть и экономическое могущество. Идеология народных движений обычно облекалась в форму религиозной ереси. Отражение этого мы находим и в некоторых фрагментах поэтических памятников того времени.

Борьба местной аристократии против вытеснившей ее арабской знати проходила под знаменем так называемого шуубизма, широко распространенного почти во всех странах, которые находились под властью халифата. Шуубитские произведения по своей направленности были антиарабскими, но не антиисламскими. Шуубиты противопоставляли примитивной доисламской цивилизации арабов свою древнюю культуру¹.

Наиболее яркое и довольно подробное изложение полемики шуубитов с их противниками мы находим в сочинениях Ибн-'Абди-Раббиhi и Мас'удӣ². По мнению шуубитов, у арабов не было никаких оснований считать, что они превосходят неарабов. При этом шуубиты ссылались на суру из Корана, в которой говорится, что люди различаются лишь в зависимости от их благочестия («Поистине самый почитаемый Алла-

¹ Подробно о шуубизме см. I. Goldziher. *Muhammedanische Studien*. Bd. II. Halle, 1889—1890; W. W. Barthold. *Die persische Šu'ubīja und die moderne Wissenschaft*. «Zeitschrift für Assiriologie», Bd. XXVI. Strassburg, 1912.

محمد تقی بهار ملك الشعراء، سبك شناسی (M. Bahār. Стилистика. Тегеран, 1942);
فرهنگ ایرانی و تأثیر آن در تمدن اسلام و عرب
دہ. Иранская культура и ее влияние на цивилизацию ислама и арабов. Тегеран, 1944).

ابن عبد ربه، العقد الفرید²
على ابن الحسين. (Ибн-'Абди-Раббиhi. Редкое ожерелье, ч. II. Каир, 1876, стр. 85—86).
المسعودی، مروج الذهب و معادن الجواهر
(Мас'удӣ. Золотые луга и рудники камней, т. III. Париж, 1861—63, стр. 168; в дальнейшем — «Мурӯдж»).

хом среди вас — это самый благочестивый»), или же на хадис примерно такого же содержания. Мухаммед, как утверждали шуубиты, принадлежал не столько арабам, сколько всей мусульманской общине. Арабы же, говорили они, не имели в прошлом цивилизации и культуры (больших государств, грандиозных строений, науки, религии и т. д.), за исключением поэзии, которая, впрочем, уступала греческой.

Шуубиты не ограничивались критикой всего арабского, а восхваляли и пропагандировали свои традиции и культуру. Греки и сирийцы превозносили Александра Македонского и античную философию, иранские и среднеазиатские шуубиты — Сасанидов, мифических царей и героев, «Авесту», местные обычаи, зороастризм и т. д. Шуубитские поэты писали памфлеты, направленные против арабских эмиров, и слагали панегирики местным правителям.]

В настоящей статье рассматриваются поэтические отрывки VIII—IX вв., связанные с Хорасаном и Мавераннахром, т. е. литературные памятники, которые составляют культурное наследие таджиков и персов.

Литературой исследуемого периода занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи³, однако предстоит еще большая и кропотливая работа по выявлению поэтических памятников.

Для данной статьи использованы следующие источники: «История пророков и царей» Табары; «Всеобщая история» Ибну-л-Асйра; Антология ибн-Кутайбы; «Географический словарь» Якута; «Та'рихи Сйстан» неизвестного автора; «Завоевания стран» Балазури. Частично привлечены и некоторые другие источники. Поэтические памятники, упомянутые в других работах, здесь не приводятся, на них даются лишь ссылки. Материал в статье разделен на тематические и жанровые группы.

ШУУБИТСКАЯ (ПОЛЕМИЧЕСКАЯ, ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ И ЭЛЕГИЧЕСКАЯ) ПОЭЗИЯ

Обличая в резких сатирических стихах арабских [правителей, угнетавших] покоренные страны, шуубитские поэты очень часто весьма благожелательно относились к халифским наместникам, которые проводили более мягкую политику и стремились

³ В. А. Эберман. Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда. «Записки коллеги востоковедов» (в дальнейшем — ЗКВ), т. V; его же. Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов. ЗКВ, т. II; С. Айни. Исьёни Муқаннаъ. Сталинабад, 1944; Сб. «Рудаки». Сталинабад, 1949; М. Занд. Оид ба масъалаҳои халқӣ дар адабиёти тоҷик дар асрҳои 8—9. «Шарқи сурх», 1953, № 6; его же. Антихалифатские и социально-обличительные мотивы в таджикской поэзии X в. «Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XXVII. Сталинабад, 1954 (эта работа М. Занда тематически связана с данной статьей, но касается событий другого исторического периода);

جلال الدين همامي، تاريخ ادبيات ايران (Дж. Хумайи. История литературы Ирана. Тавриз, 1930); (در همان کتابت همامي)

محمد قزوینی، قدیمترین شعر پارسی (Древнейшее стихотворение на языке парси, в кн. Дж. Хумайи)

سعید نفیسی، احوال و اشعار ابو عبدالله جعفر بن محمد رودکی (Са'ид Нафйси. Биография и творчество Абу-'Абдуллаха Джа'фара ибн-Мухаммеда Рудаки, т. III. Тегеран, 1940; в дальнейшем — С. Нафйси. Рудаки);

ذبیح الله صفا، شعوبیة فردوسی نامه مجلة مهر (Забйхуллах Сафа. Шу'убиййати Фирдоусӣ. Сб. «Фирдоуси-нама», Тегеран, изд. журн. «Михр», 1934);

ذبیح الله صفا، حماسه سرائی در ایران (Забйхуллах Сафа. Эпос в Иране. Тегеран, 1946; в дальнейшем — «Хамасасарай»);

ذبیح الله صفا، تاریخ ادبیات در ایران (Забйхуллах Сафа. История литературы в Иране. Тегеран, 1954; в дальнейшем — З. Сафа. Та'рихи адабийят).

к союзу с местной знатью (Мухаллаб и его сыновья, Наср ибн-Саййар). Больше того, в честь этих правителей слагались панегирики, по степени своей восторженности мало уступавшие хвалебным одам, посвящаемым местным правителям. Так, некий безымянный поэт, скорбя о смерти Язйда ибн-Мухаллаба, писал, что после его смещения с должности наместника Хорасана в Рее не упала ни одна капля дождя, а в Мерве и Мерверуде не зазеленела ни одна ветвь⁴. (Мотив зависимости [даров природы от справедливости правителя] распространен в таджикской и персидской литературе. Ср. беседу жены крестьянина с Бахрамом Гуром в «Шах-наме» Фирдоуси.)

Творчество одного из самых ранних хорасанских поэтов Сабита Кутната⁵ также не имеет резко выраженного шуубитского характера. Посвящая панегирики наместникам Омейядов — Мухаллабу и его сыновьям⁶, он, как и остальные шуубитские поэты, явно отрицательно относился к Кутайбе ибн-Муслиму, который значительно укрепил позиции халифата в Средней Азии. Однако его критика Кутайбы весьма умеренна. В одном из своих стихотворений Сабит высмеивает Кутайбу ибн-Муслима за бегство с поля сражения⁷:

توانت تميم في الطعام و عرّدت
كماة كفاة يرهب الناس حثّم
تسامون كعبا في العلاء و كلاً بها
بقيلة لما عينت معشر أغلبا
اذاما مشوا في الحرب يحسبهم حربا
وهيهات ان تلقوا كلاً با و لا كعبا

«Тамимиты⁸ медлили в бою и удрали на верблюдах, когда встретили доблестных мужей.

Люди страшатся оружия вооруженных витязей, а когда они вступают в бой, то принимают их [противников тамимитов] за напасть.

Тамимиты похвалялись славой и яростью, но увь, они обрели ярость [противников], но не славу [себе].»

Когда наместник Асад ибн-'Абдуллах назначил на должность, которую занимал Сабит, некоего араба по имени Бурджумй, Сабит написал следующую эпиграмму на своего соперника⁹:

⁴ المعجم البلدان (Якут. Географический словарь, т. IV. Лейпциг, 1866, стр. 50; в дальнейшем — Якут. Булдан).

⁵ По происхождению он был дикхан, т. е. представитель местной полуфеодальной полупатриархальной аристократии. Год рождения неизвестен, убит в сражении против тюрок в 729 г. البلاذرى احمد ابن يحيى ابن جابر، كتاب فتوح البلدان. Книга завоеваний стран. Лейден, (Ал-Балазури Ахмад ибн-Йахйа ибн-Джа'бир. Книга завоеваний стран. Лейден, 1863—66, стр. 429; в дальнейшем — «Футух»);

تاريخ ارسلا ر الملوك والانبيا (Ал-Табарй Абу-Джа'фар Мухаммад ибн-Джарйр. История посланников, царей и пророков. Лейден, 1879—1890, сер. II, стр. 1594; в дальнейшем — Табарй).

ابن خلكان شمس الدين احمد ابن محمد ابن ابراهيم ابن ابى بكر، وفيات الاعيان (Ибн-Халликан Шамсуддин Ахмад ибн-Мухаммад ибн-Ибра'хим ибн-Абй-Бакар. Жития великих. Гёттинген, 1835—1841, кн. X, стр. 24; в дальнейшем — Ибн-Халликан).

ابوالفرج الاصفهاني، كتاب الاغانى (Абул-фарадж ал-Исфahanй. Книга песен, т. XIII. Каир, 1867, стр. 53; в дальнейшем — «Аганй»).

⁸ Тамим — одно из арабских племен, участвовавших в завоевании Хорасана и Средней Азии.

⁹ Табарй, сер. II, стр. 1503.

و ابو بجيلة بينهم يتد بذب
البا على مع العدو تجلب
و عدو من عاديت غير مكذب
اهل الذنوب فكيف من لم يذنب
و البرجمي هو اللئيم المحقب
ياتي سكيننا حاملا في الموكب
تبعا لعبد من تميم محقب

أرى كل قوم يعرفون اباهم
أنى وجدت ابى اباك فلا تكن
ارمي بسهم من رماك بسهمه
اسد ابن عبد الله جليل عفوه
أجعلتني للبرجمي حقيبته
عبد اذا استبق الكرام رأيت
أنى اعود بقبر كرز ان أرى

«Я вижу: все народы знают своих предков, не знают только [букв.: между ними колеблются] баджилиты¹⁰».

Поистине я считал твоего отца своим отцом, так не гневайся на меня и не кричи совместно с врагом.

Я пускаю свою стрелу в того, кто пустил в тебя стрелой, я враг твоих врагов, и я искренен.

Осняет милость Асада ибн-'Абдуллаха даже грешных людей, так что же говорить о безгрешных?

Ты унижил меня ради Бурджуми, а ведь Бурджуми — подлый хитрец, [и]

Раб, подобный бредущему с тяжелым грузом ослу, которого опережает благородный конь.

Воистину я прибегаю к защите могилы Курза¹¹, чтобы меня не видели идущим позади хитрого раба из тамимитов».

В этих стихах звучит шуубитский мотив о превосходстве предков иранцев над предками арабов.

В таком же умеренном тоне Сабит пишет и о вероломном убийстве Кутайбой ибн-Муслимом вождя тохаристанских эфталитов Незака Тархана, который в течение почти шестидесяти лет вел борьбу против халифата:¹²

لأتحسن الغدر حزما¹³ فربما ترقت به الاقدام يوما فزلت

«Ты не считай коварство доблестью, ибо при его помощи нередко добиваются успеха, а затем падают (букв.: поднимаются ноги, а затем спотыкаются.— М. О.)».

Только в редких случаях Сабит возвышался до резкого протеста против иноземных завоевателей, как, например:¹⁴

انا لضرابون في حمس الواغى رأس الخليفة ان أراد صدودا

«Воистину в пылу битвы мы отрубим голову халифа, если он будет презирать нас».

Эти стихи свидетельствуют о непоследовательности Сабита, колебавшегося между стремлением к независимости родной страны и преданностью отдельным арабским эмирам: из страха перед новым наместником Са'идом Хузейной он заменил слово халиф словом венценосец (متوج).

¹⁰ Баджил — название арабского племени, из которого, судя по контексту, происходит Бурджуми.

¹¹ Кого имеет в виду поэт — неясно.

¹² Табаря, сер. II, стр. 1256; ابن الاثير، الكامل في التاريخ (Ибн-л-Асир. Всеобщая история т. IV. Лейден, 1867, стр. 265; в дальнейшем — Асир).

¹³ Асир: حزما не подходит по смыслу.

¹⁴ «Ағһай», т. XIII, стр. 53.

К наиболее ранним и резким по своей сатирической форме шуубитским памятникам относятся некоторые стихи известного арабского поэта Башшара ибн-Бурда (710—784), который, по утверждениям арабских авторов Джәхиза и Ал-Асма'и, в жанре классической касыды не уступал Имрулқайсу. Исфакһанй говорит, что Башшар был одним «из демонов шуубизма»¹⁵.

Башшар утверждал, что он происходит из хорасанской знати¹⁶, в его стихах встречается столь излюбленный шуубитами образ Сасанида Хосрова Ануширвана¹⁷, свой род он называет «курейшитами 'Аджама»¹⁸. Отдельные стихи Башшара с точки зрения ислама кощунственны: он отдает предпочтение огню перед землей, Иблису (дьяволу) перед Адамом¹⁹. Перу Башшара принадлежит наиболее острое в шуубитской поэзии произведение²⁰, в котором использованы многие мотивы и образы полемической литературы шуубитов: бедуины названы пастухами; арабы упрекаются в том, что они занимаются ремеслом и т. д. По форме это произведение скорей всего памфлет, автор которого употребляет намеренно оскорбительные выражения.

Шуубитские стихи Башшара просты по стилю, образы лишены вычурности и связаны с жизнью бедуинов и природой Аравийской пустыни — иными словами, по форме они близки к классической бедуинской касыде.

Младшим современником Башшара был выдающийся шуубитский поэт Хуреймий²¹, происходивший из согдийской знати, о чем он неоднократно пишет в своих стихах²². Однако Хуреймий претендовал на право выступать не только от имени Согды, в своих стихотворениях он пытается говорить от имени всего Хорасана и Мавераннахра (Согд, Мерв, Гузганан)²³.

В двух больших стихотворных памфлетах²⁴, сложенных в Армении, где он находился в свите своего покровителя — наместника халифа, Хуреймий пишет о превосходстве персов над бедуинами, вместе с тем он высказывает мысль о равенстве всех людей. В одном из этих памфлетов Хуреймий напоминает о том, что до ислама персы властвовали над арабами, он говорит о своем происхождении от Сасанидов (Хосрова Парвиша) и хакана (в этом утверждении в известной мере нашла отражение

¹⁵ «Ағһай». Каир, 1927, т. III, стр. 125. Подробно о Башшаре см:

عمر فروخ، بشار ابن برد و فاتحة العصر العباسي

(Умар Фаррүх, Башшар ибн-Бурд и начало аббасидского периода. Бейрут, 1946); А. Е. Крымский и А. Э. Тейле. Башшар ибн-Бурд. «Древности восточные», т. IV.

¹⁶ جاحظ ابو عثمان عمرو ابن بحر، كتاب البيان و التبیین (Джәхиз Абү 'Усман Амр ибн-Бахр. Книга по красноречию и ясному изложению, т. I. Каир, 185, стр. 23; в дальнейшем — «Байән»).

¹⁷ Ағһай», т. III, стр. 176.

¹⁸ Там же, стр. 138.

¹⁹ «Байән», т. I, стр. 8; «Ағһай», т. III, стр. 145; Ибн-Халликән, т. II, стр. 7. Умар Фаррүх. Башшар ибн-Бурд..., стр. 37. З. Сафа. Шу'убийати Фирдоуси; стр. 220.

²⁰ «Ағһай», т. III, стр. 166 (отрывок состоит из 10 бейтов). См. также З. Сафа, Хамасарай, стр. 139.

²¹ Э. Эберман указал, в каких источниках имеются стихотворения Хуреймий и опубликовал переводы его шуубитских поэтических отрывков (без арабского текста).

²² ابن قتيبة، كتاب الشعر و الشعراء (Ибн-Кутайба. Книга о поэзии и поэтах. Лейден, 1902, стр. 542 (1 бейт); в дальнейшем — («Ши'р»).

²³ Якүт. Булдән, т. III, стр. 396 (2 бейта).

²⁴ «Ши'р», стр. 545; Якүт. Булдән, т. III, стр. 395—396 (6 бейтов); Якүт. Булдән, т. IV, стр. 20—21 (10 бейтов).

совместная борьба иранцев и тюрков против халифата), о том, что он великолепно владеет мечом.

Панегирист халифа Мутаваккиля (847—861) Ибра́хим ибн-Мамшад Мутаваккилий прикинул к восставшему против халифата Я'қубу ибн-Лейсу (867—879) и написал от его имени памфлет на халифа Му'тамиде (870—892)²⁵. Если в стихах Башшара и Хуреймий героями были сами авторы, то в данном произведении им является Я'қуб ибн-Лейс, претендующий на происхождение от легендарного Джамшеда и других царей 'Аджама. Герой памфлета утверждает, что его осеняет стяг Каве (знамя Сасанидов). Стихи Мутаваккилий перекликаются тематически и по образам со стихами Башшара и Хуреймий: арабы ведут пастушеский образ жизни, персы владычествовали над арабами до ислама, обладают острым мечом и копьем и т. д. Свой калам Мутаваккилий также приравнивает к мечу. Примечательно, что он называет своих противников по имени их рода (Хашимиты) и считает их узурпаторами.

Стих Мутаваккилий энергичен и вылит в чеканные формы (размер мутакариб). Характерно, что рифмующиеся слова в бейтах несут основную смысловую нагрузку, они являются как бы стержнем содержания (جم — Джамшед, عجم — 'Аджам, علم — знамя, حزم — острый, قلم — перо, غنم — овцы, قسم — клятва, ندم — раскаяние и т. д.).

Этим исчерпываются шуубитские литературные памятники полемического характера, связанные в той или иной мере с Хорасаном и Мавераннахром. По своей идейной направленности к ним примыкают панегирики, сложенные в честь различных местных династий и их отдельных представителей. Правда, эти произведения отличаются от предыдущих своими мотивами, поскольку их цель — не полемика с арабами, а восхваление отдельных исторических лиц, противопоставляемых арабским эмирам, или же — прославление культурных традиций иранцев. В силу этого отрывки такого характера написаны в иной жанровой форме — памфлет и эпиграмма уступают место панегирику (касыде).

К этому роду литературы относятся фрагменты касыды, приписываемой 'Аббасу Марвазий. Причислить ее к шуубитской литературе можно лишь с оговоркой, поскольку она является панегириком Ма'муну (813—833), написанным во время его прибытия в Мерв в 809 г.²⁶ Появление панегирика, посвященного арабу, халифу Ма'муну, объясняется тем, что иранская знать поддерживала последнего в его борьбе за халифский престол, а сам он после прихода к власти проводил иранофильскую политику. Табарй, например, сообщает, что к халифу Ма'муну во время пребывания в Сирии явился некий араб и сказал: انظر العرب الشام كما نظرت العجم اهل خراسان «Относись к арабам Сирии так же, как ты относишься к аджамцам, жителям Хорасана»²⁷. Когда на востоке халифата возникло государство Тахиридов (821—873), его представители благодаря независимой политике по отношению к халифам также заслужили симпатии шуубитов, о чем свидетельствуют сохранившиеся панегирики и эпитафии (установить их авторов и точную дату написания нам пока не удалось).

²⁵ معجم الادباء (Я'қут. Словарь литераторов. Лондон, 1923, GMS, vol. VI part I, 323 (12 бейтов); см. также З. Сафба. Хамасасарай..., стр. 140—41.

²⁶ لباب الاباب (Мухаммед 'Ауфий. Сердцевина сердцевин. Лондон—Лейден, 1903, т. II, стр. 21; (в дальнейшем — 'Ауфий). Подлинность этих стихов оспаривается многими виднейшими современными иранскими учеными (М. Қазвинй, С. Нафйсай, А. Иқбал). Довольно основательно доказал их подлинность и опроверг доводы своих противников Дж. Хумай («Та'рихи адабийати Иран», т. 2). Ю. Н. Марр («Статьи и сообщения», М.—Л., 1934, стр. 62) считает их подложными, но не аргументирует своего положения. М. Занд также оспаривает их подлинность доводами, которые в свое время были опровергнуты Дж. Хумай.

²⁷ Табарй, сер. III, стр. 1142.

Такова, например, эпитафия поэта, имени которого Я'қут не называет:²⁸

خرب يباب و الميان مزارع	فتلك القصور الشاذياخ بلاقع و
معطلة في الارض تلك المصانع	اضحت خلاء شاذمهر و اصبحت
بماهو رأى العين في الناس شائع	وغنى مغنى الدهر في آل طاهر
عفا چشم من اهله و الفوارج	عفا الملك من اولاد طاهر بعدما

«Эти дворцы Шазйяха²⁹ превратились в пустыни и безлюдные развалины, а Мийан³⁰ — в нивы.

Шазмихр стал пустыней, и уж бездействуют водоемы, вырытые в земле.

А певец своего времени пел о роде Тахира так, как это принято среди людей. Исчезло владычество рода Тахира после того, как перевелись в его роду выдающиеся и возвышенные мужи.

Характерен следующий отрывок также неизвестного автора:³¹

فزال المك عن ذاك المناخ	و كان شاذ ياخ مناخ الملك
فصارت للنوايح و الصراخ	و كانت دورهم للهو وقفا
و عين الغرب تسعد بانتضاح	فعين الشرق باكيه عليهم

«Шазйях был местопребыванием царя, но царство исчезло из этой обители.

Их владения были местом забав, а стали местом воплей и рыданий.

Глаза [людей] востока плачут над ними, а глаза [людей] запада радуются слезам.

В следующих стихах, сложенных в честь основания 'Абдуллахом ибн-Тохиром (822—844) дворца Шазйяха, автор противопоставляет этого правителя арабским эмирам³² и отдает ему предпочтение:

بالشاذ ياخ و دغ غمدان لليمن	فاشرب هنيئا عليك التاج مرتفع
من ابن هوذة يوما و ابن ذى يزن	فانت أولى بتاج الملك تلبسه

«Пей! Слава тебе! На тебе возлежит венец в Шазйяхе, а Гумдан³³ же оставь йеменцам.

Ты более достоин венца, который носишь, чем Ибн-Хауза и Ибн-зи-Йазан»³⁴.

Если первые два отрывка напоминают траурные элегии, то последний является панегириком.

Следующие по времени хвалебные стихи были сложены в честь династии Саффаридов (873—903). В частности, ее основателю Я'қубу ибн-Лейсу был посвящен дифирамб на арабском языке³⁵. По «Та'рихи Сйстан», Я'қуб из-за незнания арабского языка, не смог оценить столь искусную (хотя и выраженную весьма посредственными виршами) лесть и остался недоволен. В этот момент, как гласит предание, выступил

²⁸ Я'қут. Булдән, т. III, стр. 229.

²⁹ Шазйях — дворец с садом в Нишапуре, принадлежавший Тахиридам.

³⁰ Мийан — название местности в Хорасане.

³¹ Я'қут. Булдән, т. III, стр. 229.

³² Там же. Кроме того, Я'қут приводит два бейта из касыды арабского поэта Бухтури в честь 'Абдуллаха ибн-Тохира, вся касыда содержит 33 бейта, см.

والد ابن عابد البحتري، ديوان

(Валид ибн 'Абид ал-Бухтури. Диван. Стамбул, 1882, стр. 222).

³³ Гумдан — развалины в Йемене.

³⁴ Имена полулегендарных доисламских арабских правителей.

³⁵ تاريخ سيستان بتصحيح ملك الشعراء بهار («Та'рихи Сйстан», изд. и ред. М. Бахара. Тегеран, 1935, стр. 209; в дальнейшем — «Та'рихи Сйстан»). З. Сафба Та'рихи адабийат.

его дабир (письмоводитель) Мухаммед ибн-Ваѣф и произнес еще один панегирик на фарси³⁶. Эти стихи лишены ярких образов (исключение составляет лишь образ-анти-теза *دام و داد* — хищные и травоядные, которая впоследствии вошла в поэтический словарь таджикских и персидских поэтов для обозначения представителей знати и простого народа), в них не прослеживается связь с арабской панегирической касыдой, с ее разработанной системой образов. Следует отметить, что на языке фарси это один из первых поэтических отрывков, в котором имеется рифма. Поскольку неизвестно, дошел ли этот памятник в его первоначальном виде, то трудно судить о характере размера. Большинство бейтов его укладывается в рамал по схеме: $\cup\cup\cup$ — $\cup\cup\cup$ — $\cup\cup\cup$. Ибн-Ваѣфу, повидимому, было нелегко уложиться в этот размер; стихи его читаются с трудом, а в некоторых бейтах размер нарушен (возможно, что в этом немало повинны и переписчики).

После пленения 'Амра ибн-Лейса в 900 г. саманидским эмиром Исма'илом Мухаммед ибн Ваѣф остался верен своим прежним покровителям и оплакал в стихах падение династии³⁷. Эти стихи также не отличаются богатством и оригинальностью образов, но они уже более эмоциональны, а с точки зрения поэтической техники они превосходят предыдущие. По жанровой форме они могут быть отнесены к элегии. Размер — сарй' (по схеме $\cup\cup\cup$ — $\cup\cup\cup$ — $\cup\cup\cup$), все бейты укладываются в метр.

Мухаммеду ибн-Ваѣфу принадлежит еще один поэтический отрывок, в котором он описывает бедственное положение Систана, разоренного междоусобицами среди потомков Я'куба и 'Амра³⁸.

Это уже настоящая элегия, отдаленно напоминающая арабскую жанровую форму марсийа. По характеру эти стихи можно отнести к философской лирике, которая в литературе X в. получила развитие в творчестве Рудаки, Шахида Балхи, Абulfатха Бусты и других. Читаются они, большей частью, плавно и легко, хотя отдельные строки и громоздки (например, первое мисра' десятого бейта). Ибн-Ваѣф в этом стихотворении прибегает к аллитерациям и ассонансам: *نحوست — نحاس*;

عمرو — عمر أس — آس؛ عقوبت — عقب, что говорит уже об относительной разработанности техники стихосложения на языке фарси.

Одновременно с Мухаммедом ибн-Ваѣфом при Саффаридях подвизался панегирист Бассам Курд, который также сложил стихи в честь победы Я'куба над хариджитскими повстанцами, предводительствуемыми 'Аммаром³⁹. Этот дифирамб не отличается художественными достоинствами, в нем нет ни ярких образов, ни интересных мыслей или оборотов, а имеющиеся ассонансы и аллитерации вряд ли украшают стихи. Здесь употреблен тот же размер сарй', но, как и в первых стихах Ибн-Ваѣфа, метр во многих бейтах нарушен (например, оба мисра' первого бейта, второе мисра' второго бейта).

Победу Я'куба над повстанцами воспел еще один панегирист — Мухаммед ибн-Мухаллад Сагай⁴⁰. Стихи этого поэта по сравнению с предыдущими еще более примитивны и лишены какой бы то ни было образности. Размер тот же, многие мисра' не укладываются в метр (например, первое мисра' первого бейта, весь третий бейт).

Стихи шуубитского характера цитирует и известный арабский историк и географ Мас'уди (ум. 956)⁴¹:

³⁶ «Та'рихи Сйстан», стр. 210 (6 бейтов). *З. Сафа*, Та'рихи адабийат, стр. 146. Поэтический перевод см. в сб. «Рудаки», стр. 42—43.

³⁷ «Та'рихи Сйстан», стр. 260 (4 бейта); *З. Сафа*. Та'рихи адабийат, стр. 147.

³⁸ «Та'рихи Сйстан», стр. 286—287 (10 бейтов); *З. Сафа*. Та'рихи адабийат, стр. 147 (пропущен 8 бейт).

³⁹ «Та'рихи Сйстан», стр. 211—212; *З. Сафа*. Та'рихи адабийат, стр. 146.

⁴⁰ «Та'рихи Сйстан», стр. 212; *З. Сафа*. Та'рихи адабийат, стр. 147.

⁴¹ «Мурудж», II, стр. 148. *Якут*. Булдан, т. II, стр. 942 (у Якута второе мисра' второго бейта *اتى البيت العتيق باصيدينا*)

وما زلنا نرحب البيت قدما
و ساسان بن بابك سار حتى
وظاف به و زمزم عند بئر
و نلقى بالاباطح آميننا
تى البيت العتيق لنصر ديننا
لاسماعيل تروى الشاربينا

«Прежде мы беспрестанно совершали паломничество к дому [Ка'бе] и не подвергались опасностям в долинах.

А Сасан сын Бабака шел, пока не прибыл молиться к древнему дому. Он ходил вокруг него и пил воду из Исма'илова колодца, который поит жаждущих».

К шуубитской литературе может быть отнесено и «Шах-наме» Мас'уди Марвази. Из этого произведения сохранилось три бейта: два из них посвящены Каюмарсу⁴² (первочеловек и первый правитель в иранской мифологии), а в третьем оплакивается падение династии Сасанидов⁴³. Стихи эти написаны в форме *مثنوى*, предположительно размером хазадж (метр в некоторых местах нарушен).

БАТАЛЬНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

К этой группе относятся стихи некоторых безымянных авторов, сложенные по поводу той или иной битвы. Самым ранним памятником такого характера являются стихи жителей Хорасана по случаю победы в 726 г. в Хутталане над наместником Асадом ибн-'Абдуллахом⁴⁴. В противоположность эпиграмме Сабита Кутната (см. выше) в них откровенно высмеивается тот же наместник Асад ибн-'Абдуллах. Авторы наделяют его эпитетами *بروتباه* (опозоренный), *بيدل* (устрашенный) и т. д. Этот фрагмент является одним из самых ранних памятников на фарси. В первом отрывке каждый стих содержит семь слогов, во втором семь и восемь⁴⁵.

С этим памятником идейно перекликаются стихи, написанные безымянным поэтом в 729 г., когда восставшие турки разграбили обоз наместника Ашраса и разбили посланный за ними в погоню отряд Мас'уда ибн-'Амра⁴⁶:

خابت سرية مسعود و ما غنمت
حلوا بارض فقار لانيس بها
الا افانين من شد و تقريب
وهن بالسفح امثال اليعا سيب

«Воины отряда Мас'уда потерпели неудачу и не захватили трофеев. Им осталось только бежать в беспорядке.

Они остановились в безлюдной пустыне и уподобились стае куропаток, рассыпавшейся у подножья горы».

В этом отрывке интересно выразительное сравнение воинов с куропатками.

В «Та'рихи Сйстан» содержатся батальные стихи систанских повстанцев, предводительствуемых Хамзой Хариджи⁴⁷. В одном из первых сражений восставшие

⁴² *مطهر ابن طاهر مقدسى، كتاب البدء و التاريخ* (Мукаддасй. Книга о сотворении и истории, т. III. Париж, 1901, 138; в дальнейшем — *Мукаддасй*. Бад'). Это сочинение Мукаддасй окончено в 966 г., следовательно «Шах-наме» М. Марвази написано ранее этого года.

⁴³ Там же, т. III, стр. 173.

⁴⁴ Табарй, сер. II, стр. 1492 и 1494. Эти стихи приводятся в работах Хумайи С. Айни, М. Занда и др. О походах Асада в Хутталан см. Табарй, сер. II, стр. 1490—1494, 1602—1603; Асир, т. V, стр. 103. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. СПб., 1898—1900, стр. 192—193; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, стр. 139; *З. Сафа* (Та'рихи адабийат, стр. 131) дает сводный текст, полученный в результате соединения обоих вариантов.

⁴⁵ Семисложными являются и известные стихи ибн-Муфаррига.

⁴⁶ Табарй, сер. II, стр. 1513.

⁴⁷ Восстание продолжалось более 30 лет и было подавлено при Тахиридах в 828 г. (см. «Та'рихи Сйстан» и «Китабу-л-фарг байна-л-фираг» 'Абдулкахира Багдадй).

разбили сына наместника 'Али. В честь этой победы безымянный поэт сложил стихи ⁴⁸:

و كنت ليث الغاب قبل مرسلا يا ابن علي اين تسرى في الفلا
فصرت في الجبن لدينا مثلاً بين يدي حمزة في قبيلة

«О сын 'Али, куда ты скачешь ночью по пустыне? Ведь раньше ты был грозным лесным львом.

Встретившись с Хамзой, ты удрал на верблюде, а для нас стал образцом трусости».

В другом сражении хариджиты разгромили войско Хамфы ибн-Тарки, и вновь победа была прославлена в стихах ⁴⁹:

من ذا رأى ابداً اميراً هارباً متوارياً في رضه من اهلها
حفص ابن تركة قد نراه خائفاً من سطوة عاينوا من قبلها

«Кто видел когда-либо эмира, убегаящего и скрывающегося в своих владениях от подданных?

Это Хамф ибн-Тарка, мы видели его уstraшенным перед атакой, которой подверглись его воины».

В этих стихах повстанцы выражают свое недоумение по поводу того, что правитель бежит от своих подданных, в то время, как он должен заботиться о них и общаться с ними. Отношение подданных к правителю ясно и из следующего памфлета, представляющего клятву воинов Хамзы сражаться до последнего с войсками прибывшего в Хорасан халифа Харун ар-Рашида ⁵⁰:

اظن هرون و اشياعه انا نبيع الحق بالباطل
نمق في قر طاسه اسطراً أجهل به كاتب جاهل
خشن في بعض و في بعضه لين كفعل اللاعب الهازل
يعرض سلطاناً على حمزة ملكاً وشيكا غير ما طائل
و لم يكن حمزة ممن يبيع آجراً بالعاجل الزائل
هو امام المرتضى و الندى يقيم صعر الاعوج المائل
و الصادق الوعد اذا ما و أي ليس بمخلاف و لاماطل

«Быть может, Харун и его приближенные думают, что мы меняем истину на ложь? Он написал на бумаге строчки — как он невежествен в роли писца! В одной части письма он груб, а в другой — мягок, как поступок веселого шутника.

Он предлагает Хамзе власть — переходящее царство недолговечное.

Но Хамза не из тех, кто меняет будущее на призрачное настоящее.

Он — избранный богом имам, который выпрямляет искривленное лицо страждущего.

Он — исполняющий обещания, если он обещает, то не нарушает обещаний и не откладывает их исполнения».

Этот памфлет пронизан хариджитскими идеями: в нем отрицается наследование верховной власти (имамата), резко порицается стремление к захвату власти и богатств, прославляется загробная жизнь. В утверждении, что Хамза исполняет данные им обещания, чувствуется намек на посулы аббасидских эмиссаров в Хорасане

⁴⁸ «Та'рихи Сйстан», стр. 157.

⁴⁹ «Та'рихи Сйстан», стр. 157.

⁵⁰ Там же, стр. 168—169; текст выправлен по конъектурам издателя.

во время подготовки к восстанию Абу-Муслима, которое привело к падению династии Омейядов.

В целом батальные стихи не отличаются разработанной поэтической техникой, но они подкупают своей непосредственностью и наивной безыскусственностью.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ГОРОДАМ И ОБЛАСТЯМ

Поэтические произведения такого рода тематически близки дифирамбам, прославляющим дворцы Тахиридов, но в отличие от последних в них нет панегирических моментов: в них воспеваются не правители, а родной край или город, его природа. Сохранились стихи о Самарканде, которые сложил некто Ахмад ибн-Вади ⁵¹:

علت سمرقند أن يقال لها ين خراسان جنة الكور
أليس ابراجها معلقة مزيت لاتستبين للنظر
و دون ابراجها خنادقها بعقيقة ما ترام عن ثغر
كأنها و هي وسط حائطها محفوفة بالظلال والشجر
بدر و انهارها المجرة و ال... أطام مثل الكواكب الزهر

«Самарканд так возвысился, что о нем говорят: „Краса Хорасана, рай земной“. Разве его башни не высятся в том месте, которое не увидишь глазом? А под его башнями — глубокие рвы у самой городской стены. Он, окруженный насыпями и усаженный тенистыми деревьями. Похож на Луну, реки подобны Млечному пути, форты — планетам. Географ Ибну-л-Факих (ум. 902) сообщает, что один из жителей Ходжента продекламировал ему ⁵²:

و لم أر بلدة بازا شرق و لا غرب بأزوه من خجنده
هي الغراء تعجب من رآها و هي بالفارسية د ببرده ⁵³

«Я не видел ни одного города ни на востоке, ни на западе приятней Ходжента. Он ослепителен и изумляет того, кто видит его, а на фарси он называется *дил бибарда* (восхитительный)».

В таком же духе написаны стихи о Герате Абу-Ахмадом ас-Самй ал-Харави ⁵⁴:

هرات أرض خصبها واسع و نبتها اللقاح و النرجس
ما احد منها الى غيرها يخرج الآ بعدما يقابلس

«Герат — область обильных урожаев, а растут в нем пальмы и нарциссы. И никто не покинет его, если только не разорится».

С вышеприведенными отрывками перекликаются стихи о Шаше некоего Раби' ул-Балхи ⁵⁵:

لشاش بالصيف جنة و من أذى الحر جنة
لكنني يعتريني بها لدى البرد جنة

⁵¹ *Якūt*. Булдāн, т. III, стр. 136. На той же странице приводятся два бейта поэта X в. Бустй, который также прославляет Самарканд.

⁵² *Ибну-л-Факих*. Книга стран). Лейден, 1885, BGA, т. V, стр. 325); *Якūt*. Булдāн т. II, стр. 404.

⁵³ *Якūt*: دل مزنده

⁵⁴ *Якūt*. Булдāн, т. IV, стр. 959.

⁵⁵ Там же, т. III, стр. 223.

«Шаш летом — рай, для страдающего от жары — покрывало. А я там во время холодов становлюсь безумным».

Этим бейтам созвучны и два бейта Абӯлйанбағи Аббаса ибн-Тархана⁵⁶ (конец VIII — начало IX в.), которые приводятся во всех работах, посвященных зарождению поэзии на языке фарси (Хумай, С. Нафйсь, З. Сафā, М. Занд и др.). Абӯлйанбағи отдавал Шашу предпочтение перед Самаркандом. Написаны эти стихи одиннадцатисложным силлабическим размером с цезурой после пятого слога.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Сохранилось небольшое число отрывков лирического характера, принадлежащих поэтам IX в. Поскольку все известные фрагменты собраны в фундаментальной монографии С. Нафйса о Рудаки, а также в указанной статье М. Занда, мы ограничимся кратким обзором художественных особенностей этих памятников.

Большой популярностью пользовались стихи поэта Ханзала Бадгисй (ум. 876/7 г.) (два бейта размером хуфйф по схеме: — — — — — — — — —), в которых воспевалась доблесть. Эти стихи вдохновили на ратные подвиги простого погонщика, впоследствии ставшего известным полководцем Худжастанй⁵⁷. Здесь интересна аллегория — «величье, находящееся в пасти льва», впоследствии развернутая в большую поэтическую картину в «Шах-наме» Фирдоуси (Бахрам Гур и венец между львами). Другой известный фрагмент Ханзала — любовные стихи⁵⁸ (два бейта размером мудāри' по схеме: — — — — — — — — — с оригинальными сравнениями: лицо — огонь, родника — кунжутное семя).

В правление Амра-ибн-Лейса Саффарида (879—900) жил Абӯ-Салйк (-Сулайк) Гургāни. Ему принадлежат стихи (два бейта размером рамал по схеме: — — — — — — — — —), воспевающие честь и человеческое достоинство⁵⁹. Другой его поэтический отрывок (два бейта размером хуфйф) посвящен возлюбленной⁶⁰. Абӯ-Салйку Гургāни приписываются и другие фрагменты различного характера (панегирики, любовная лирика, эпиграммы). В этих памятниках он употребил различные размеры аруза:

хазадж — — — — — — — — —
 раджаз — — — — — — — — —
 муджтас — — — — — — — — —
 мудāри' — — — — — — — — —

Его современником был Фирӯз Машриқй, из поэтического наследия которого сохранился фрагмент (два бейта размером хазадж по схеме: — — — — — — — — —) о стреле из дерева хаданг⁶¹, сравниваемой с птицей. Ему же принадлежит бейт, восхваляющий возлюбленную⁶².

На рубеже IX и X вв. (некоторые исследователи считают, что он жил значительно позднее) творил поэт Абӯ-Хафса Сугдй, которому приписывается стих (силлабический размер с 13 и 12 слогами) о горной серне, очутившейся в степи⁶³.

Этим исчерпываются известные нам отрывки лирической поэзии.

⁵⁶ ابن خردادبه كتاب المسالك والممالك (Ибн-Хурдāдбах. Китабу-л-масāлик ва-л-мамāлик, ВГА, т. VI, стр. 26).

⁵⁷ نظامی عروضی، چهار مقاله (Ни́зāmй 'Арӯдй. Четыре статьи. Лейден, 1909, GMS, № 11, стр. 26).

⁵⁸ 'Ауфй, т. II, стр. 2.

⁵⁹ 'Ауфй, т. II, стр. 3; С. Нафйсь. Рудаки, т. III, стр. 1139.

⁶⁰ 'Ауфй, т. II, стр. 3; С. Нафйсь. Рудаки, т. III, стр. 1139.

⁶¹ 'Ауфй, т. II, стр. 2.

⁶² З. Сафā. Та'рихи адабийāt, стр. 158.

⁶³ شمس الدين محمد ابن قيس الرازي، كتاب المعجم في معاني اشعار العجم (Шамсуддин Мухаммед ибн-Кайс ар-Рāзй. Алфавитная книга о размерах стихов 'Аджама. Тегеран, 1935, стр. 150—151).

* * *

Таким образом, в литературе VIII—IX вв. в зависимости от политических взглядов авторов развиваются две линии. В дихканско-шуубитской поэзии отразилась, главным образом, идеология местной знати, в народной — стремление к освобождению от пноземного и социального гнета.

Одни представители дихканско-шуубитского течения боролись против арабских правителей, другие выступали против спстанских хариджитов. С приходом же к власти местных династий Саффаридов и Тахиридов шуубитские поэты стали писать в их честь панегирики.

Некоторые поэты-шуубиты поднимались до осознания в своеобразной форме общенародных целей и высказывались за необходимость объединения всех покоренных народов для борьбы против халифата. Иные из них в своей полемике требуют уважать человека не за происхождение, а за его личные достоинства. Эта тема в поэзии X в., особенно у Фирдоуси, была разработана в целую философско-этическую систему.

Поэтические отрывки VIII—IX вв. на арабском языке написаны в формах классической бедуинской литературы (касыда, қыт'а). Кроме того, на языке фарси мы уже встречаем и месневй (стихи Мас'удй Марвазй). По жанровым формам сохранившиеся фрагменты являются панегириками, дифирамбами, эпиграммами, памфлетами, элегиями.

Малочисленность материала не позволяет пока разрешить вопрос о проникновении так называемого аруза (арабская система стихосложения) в поэзию на языке фарси. По имеющимся фрагментам можно лишь высказать несколько предварительных замечаний.

Самые ранние памятники не укладываются в рамки аруза, они написаны силлабическим стихом. Песни жителей Хуталлана являются семисложными и восьмисложными стихами, стихи Абӯлйанбағи 'Аббаса ибн-Тархана имеют одиннадцать слогов (с цезурой после пятого слога). Среди так называемых фахлавийāt (стихи на пехлеви, написанные в первые века хиджры) встречаются шестисложные стихи⁶⁴. Известно, что не только в «Авесте», но и в манихейских текстах имеются метрические строки, написанные одиннадцатисложными стихами (4 + 7)⁶⁵. Крупный иранист Э. Бенвенист установил, что текст памятника среднеперсидской литературы «Йаткәри Зарәрāн» представляет собою мерную речь по шесть слогов в каждой строке⁶⁶. В «Большом Бундахшине» имеются части, написанные восьмисложными силлабическими стихами⁶⁷. Таким образом, есть основание полагать, что по метрике два самых ранних поэтических памятника на языке фарси близки среднеперсидским, написанным силлабическим стихом. Фрагмент Абӯ-Хафса Сугдй сохранился в нескольких вариантах (12, 13 и иное количество слогов), поэтому судить о его метрике очень трудно.

Характерно, что следующие по времени поэтические памятники уже написаны арузом, большей частью одиннадцатисложными размерами: сарй' (в двух последних отрывках Мухаммеда ибн-Вақйфа, у Бассāма Курда, у Мухаммеда ибн-Мухаллада Сагзй), хуфйфом (в одном отрывке Ханзала Бадгисй), рамалом (у Абӯ-Салйка Гургāни); хазаджем (у него же и у Фирӯза Машриқй), другой разновидностью хазаджа (у Мас'удй Марвазй).

Это также может служить нитью, с помощью которой устанавливается связь между стихосложением на языке фарси и среднеперсидской мерной речью. Как правило, стихи, написанные одиннадцатисложными и двенадцатисложными размерами аруза

⁶⁴ «Та'рихи Сястан», стр. 36; З. Сафā. Та'рихи адабийāt, стр. 130.

⁶⁵ K. G. Salemann. Manichäische Studien. СПб., 1908, Vorwort, S. VI.

⁶⁶ E. Benveniste. Le Memorial de Zarer. Journal Asiatique, 1932.

⁶⁷ Ito Gikyo. On the metrical reconstruction of the founding story of Kay Kavāt in the Great Bundahish. Gengo Kenky. «Journal of the Linguistic Society of Japan», 1954, № 26/27, резюме на английском языке.

читаются легче и свободнее написанных размерами с иным количеством слогов (ср., например, первый фрагмент Мухаммеда ибн-Ваффа метром рамад, который читается с большим трудом и о котором порой бывает даже трудно предположить, что он написан стихами).

Стихи сисанских поэтов (Мухаммед ибн-Ваффа, Бассам Курд и Мухаммед ибн-Мухаллад) читаются значительно труднее стихов их современников. Эти фрагменты мало художественны, декларативны. Исключение представляет последний отрывок Мухаммеда ибн-Ваффа, отличающийся большой эмоциональностью.

Поэтические памятники на языке фарси остальных поэтов читаются легко, в них улавливается связь с устным народным творчеством, образы которого были использованы их авторами.

Таковы в общих чертах некоторые факты из истории литературы народов Хорасана и Мавераннахра VIII—IX вв.

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА НА ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Г. Н. БАЖЕНОВ

Около трех лет прошло с тех пор, как окончились военные действия в Корее. Война явилась самым серьезным испытанием прочности экономической базы Корейской Народно-Демократической Республики. За 37 месяцев войны ущерб, нанесенный интервентами народному хозяйству КНДР, по далеко неполным данным, составил 420 млрд. вон¹. В результате варварской «тактики выжженной земли», применявшейся войсками интервентов, было разрушено 8700 промышленных зданий, 600 тыс. жилых домов общей площадью 28 млн. кв. метров, 5 тыс. школ, тысяча больниц и амбулаторий, 263 театра и кинотеатра, тысячи других учреждений.

Но испытания, выпавшие на долю корейского народа, не сломили его воли к победе. Еще в дни войны трудящиеся КНДР, руководимые трудовой партией, начали готовиться к восстановлению народного хозяйства. Состоявшийся после подписания соглашения о перемирии Шестой пленум Трудовой партии Кореи наметил основные задачи восстановления и развития народного хозяйства. «Путем быстрого восстановления и развития разрушенного войной хозяйства,— заявил на пленуме Ким Ир Сен,— мы должны стабилизировать жизнь народа; путем укрепления и расширения экономических основ государства мы должны создать материальный фундамент мирного объединения родины»².

Восстановительные работы намечалось провести в три года. Касаясь факторов, способствующих восстановлению народного хозяйства в столь сжатые сроки, Ким Ир Сен отметил, во-первых, драгоценный опыт, приобретенный в развитии народного хозяйства после освобождения страны от японских империалистов, во-вторых, богатые природные ресурсы и, в-третьих, надежную поддержку и помощь со стороны стран социалистического лагеря³.

В апреле 1954 г. VII сессия Верховного Народного Собрания КНДР утвердила проект трехлетнего плана, составленного в соответствии с указаниями Шестого пленума ЦК Трудовой партии Кореи. Этим планом намечалось в течение 1954—1956 гг. восстановить разрушенное войной народное хозяйство и затем превзойти довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства. В ходе выполнения трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства предусматривалась полная ликвидация колониальных черт в экономике Кореи. Особое внимание в трехлетнем плане уделялось быстрому подъему уровня обеспеченности населения продовольственными и промышленными товарами, всемерному развитию государственной и кооперативной торговли. К 1956 году, завершающему году трехлетнего плана, намечалось увели-

¹ 로동신문 «Нодон синмун», 22 апреля 1954 г.

² «Нодон синмун», 30 августа 1953 г.

³ Там же.

чение объема валовой продукции промышленности в 2,6 раза по сравнению с 1953 г. и в 1,5 раза против довоенного 1949 г.

Осуществление трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства КНДР опирается на государственный и кооперативной секторы, занимающие в экономике страны ведущую роль.

В области промышленности, транспорта и средств связи в КНДР господствует социалистическая форма собственности. Промышленные предприятия находятся, в основном, в руках государства и кооперации (98,3% промышленного производства). В кредитно-финансовой системе КНДР социалистический сектор также занимает господствующее положение. Лишь в розничной торговле участвуют мелкие частные торговцы, доля которых в товарообороте страны составляет примерно 15%. Социалистический сектор в сельском хозяйстве представлен госхозами, машинопрокатными, коннопрокатными станциями, сельскохозяйственными производственными кооперативами.

Дальнейшее развитие и укрепление государственного и кооперативного секторов в народном хозяйстве рассматривается трудовой партией и правительством республики как важный шаг на пути строительства основ социализма в КНДР.

За время, прошедшее после окончания войны, корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи добился серьезных успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства. Развернувшееся в Корейской Народно-Демократической Республике всенародное движение за досрочное выполнение народнохозяйственного плана, бескорыстная братская помощь трудящихся стран народной демократии сделали возможным уже к концу 1954 г. превысить довоенный уровень валовой продукции государственной и кооперативной промышленности. Успешный ход восстановительных работ в области промышленности дал возможность правительству КНДР внести изменения в план 1955 г., которые позволили уже в январе 1956 г. достигнуть в государственной и кооперативной промышленности уровня производства, намечавшегося на 1956 г.

* * *

По трехлетнему плану восстановления и развития народного хозяйства КНДР главные силы и основные средства направляются на развитие тяжелой промышленности, что позволит в свою очередь обеспечить быстрый подъем всей промышленности республики, ее сельского хозяйства и транспорта. Преимущественное развитие тяжелой промышленности даст возможность быстро поднять материальный и культурный уровень жизни народа.

В течение 1954/55 г. государственные капиталовложения в народное хозяйство КНДР составили 42 800 млн. вон⁴. Свыше 70% общего объема капиталовложений было направлено в промышленное строительство.

Война причинила особенно тяжелый ущерб ведущим отраслям промышленности КНДР: энергетической, горнорудной, химической, металлургической, стройматериалов. Валовая продукция предприятий государственной и кооперативной промышленности сократилась к концу войны по сравнению с довоенным 1949 г. более чем на 40%⁵. Почти полностью были разрушены предприятия, производящие чугун, кокс, медь, химические удобрения, каустическую и кальцинированную соду, цемент. Значительным разрушениям подверглись гидроэнергетические сооружения КНДР.

Трехлетним планом восстановления и развития народного хозяйства КНДР в области энергетики было предусмотрено восстановление главных гидроэлектростанций, включая крупнейшую в Азии — Супхунскую, и каскадов Чанчжинган, Хочхонган, Буденган, Пурён, Кымгансан. Мощность электростанций КНДР к концу 1956 г. на-

⁴ 민 주 조 선 «Минчжу чосон», 27 июля 1955 г.

⁵ «Нодон синмун», 22 апреля 1954 г.

мечалось довести до 1350 тыс. квт, т. е. примерно до уровня 1949 г. В настоящее время восстановление гидроэлектростанций идет быстрыми темпами. Если в 1954 г. было выработано электроэнергии в два раза больше, чем в 1953 г., то за 1955 г. производство электроэнергии возросло в 3,2 раза по сравнению с 1953 г. Форсирование темпов восстановления электростанций в КНДР обусловлено быстрым развитием энергоемких отраслей корейской промышленности, в частности электрометаллургии. Следует отметить, что в отношении обеспеченности гидроэнергией КНДР имеет большие возможности. Строительство новых электростанций, предусмотренное планом, позволит в дальнейшем не только обеспечить потребности развивающегося народного хозяйства, но и экспортировать электроэнергию.

До войны добыча угля в КНДР полностью покрывала потребности страны. В 1956 г. добыча угля достигнет довоенного уровня (4 млн. тонн). Восстанавливается большинство шахт, разрушенных в годы войны; начато строительство новых шахт общей мощностью 2,5 млн. тонн. В 1955 г. добыча угля по сравнению с 1953 г. возросла в 5 раз. В угольной промышленности КНДР в настоящее время во все более широких масштабах применяется новейшая техника и передовые методы разработки угольных месторождений.

Корея — страна с исключительным разнообразием рудных ископаемых. Считают, что в Корее имеется более 200 минералов, из которых 137 уже разрабатывались. В КНДР имеются значительные по запасам месторождения свинцово-цинковых, медных, вольфрамовых и золотоносных руд, а также руд легирующих металлов.

Горнорудная промышленность КНДР, занимавшая в общем объеме промышленного производства страны значительный удельный вес, сильно пострадала от войны. Из 46 обогатительных фабрик 27 наиболее крупных были выведены из строя. Трехлетним планом предусматривалось восстановление всех разрушенных обогатительных фабрик; намечалось увеличить в 1956 г. производство свинца в 3,8 раза, цинка — в 2,7 раза, сурьмы — в 3 раза по сравнению с 1949 г.

Следует отметить, что восстановление горнорудных разработок началось еще во время войны. Наряду с восстановлением рудников, существовавших до войны, было сдано в эксплуатацию 14 новых рудников. Это позволило уже к 1953 г. увеличить добычу свинцовых руд в 3,4 раза по сравнению с довоенным периодом. В 1955 г. было произведено в 6,4 раза больше, чем в 1953 г., концентратов золота, серебра, меди, цинка.

Восстановление и дальнейшее развитие горнорудной промышленности КНДР даст возможность, наряду с полным обеспечением потребностей народного хозяйства страны в цветных металлах, создать значительные экспортные излишки минерального сырья.

Большой объем капитальных работ был намечен планом в области черной и цветной металлургии. Сильно пострадавшее во время войны производство чугуна, кокса, стали, проката, черного свинца, меди, цинка будет в 1956 г. восстановлено до уровня 1949 г. Будут восстановлены основные агрегаты по выпуску чугуна, стали, проката на заводах в Ким Чаке, Хванхэ, Кансене. Дальнейшее развитие в КНДР пона заводах в Ким Чаке, Хванхэ, Кансене. Дальнейшее развитие в КНДР пона заводах в Ким Чаке, Хванхэ, Кансене. Дальнейшее развитие в КНДР пона лучит производство электростали и высококачественных легированных сталей, электролитического свинца, меди, цинка. Наряду с восстановлением производственных мощностей металлургической промышленности КНДР, ликвидируются имевшиеся диспропорции между мощностями отдельных производств.

Химическая промышленность — одна из наиболее крупных и развитых отраслей промышленного производства КНДР. Удельный вес химической промышленности в общем объеме промышленного производства Кореи составлял в 1944 г. 29,2%. Четырнадцать крупных химических заводов Кореи, и в первую очередь Хыннамский и Понгунский комбинаты, выпускали в год до 510 тыс. тонн минеральных удобрений, 150 тыс. тонн карбида кальция, 390 тыс. тонн серной кислоты.

В период войны все наиболее крупные химические заводы КНДР были разрушены. Успешно осуществляется предусматриваемое трехлетним планом восстановление мощностей по производству минеральных удобрений, карбида кальция, серной кислоты.

Выпуск минеральных удобрений в 1955 г. по сравнению с 1954 г. увеличился в 4,4 раза. Уже в 1955 г. было восстановлено основное оборудование на Хыннамском азотно-туковом комбинате, начато строительство нового цеха по производству аммиачной селитры.

Серьезные успехи достигнуты в восстановлении и развитии машиностроения КНДР. Трудовая партия и правительство КНДР, направляя главное внимание на развитие тяжелой промышленности в целях «создания основных условий для постепенного осуществления в будущем социалистической индустриализации страны»⁷, принимают энергичные меры для развития отечественного машиностроения. Машиностроение КНДР, сильно разрушенное во время войны, создается, по сути дела, вновь, так как до освобождения Кореи в 1945 г. эта отрасль была развита слабо. За исключением военных предприятий, перебазируемых в порядке рассредоточения из Японии, в Северной Корее до войны было всего лишь 12 небольших машиностроительных заводов и ремонтно-механических предприятий. Совершенно отсутствовало станкостроение и общее машиностроение.

В результате войны 9 из 12 имевшихся машиностроительных заводов было разрушено. Однако уже в конце 1953 г. в КНДР работало 14 машиностроительных заводов, 7 из которых начали строиться еще в период военных действий. Трехлетним планом предусматривалось восстановление и строительство 20 машиностроительных заводов, в первую очередь станкостроительных заводов, по производству горного оборудования, сельскохозяйственных машин и инвентаря, электродвигателей.

В послевоенные годы были введены в строй такие крупные промышленные предприятия, как Хичёнский завод автомобильных запасных частей, Пхеньянский завод сельскохозяйственных машин, судостроительные заводы в Начжине, Нампхо, Члончжине и ряд других предприятий. Освоено производство новых станков, котлов, генераторов постоянного тока, масляных выключателей и других видов продукции, ранее либо совсем не производившихся в стране, либо выпускавшихся в небольшом количестве.

Значительные капитальные вложения, направляемые на восстановление и развитие машиностроения КНДР, позволили уже в 1955 г. поднять удельный вес этой отрасли в общем объеме промышленного производства страны до 17% против 2,4% в 1944 г. и 8,1% в 1949 г.

О размахе восстановительных работ в машиностроительной промышленности КНДР свидетельствует тот факт, что к 1 января 1955 г. производственная площадь машиностроительных предприятий увеличилась более чем в 2,5 раза по сравнению с производственной площадью, имевшейся на ту же дату в 1954 г. Станочный парк машиностроительных предприятий КНДР за период с 1 января 1954 г. по 1 июля 1955 г. увеличился более, чем в 2 раза. В 1955 г. машиностроительная промышленность КНДР выпустила продукции в 3,4 раза больше, чем в 1949 г.⁸

Трехлетним планом для выполнения обширной программы восстановления и развития народного хозяйства намечалось строительство значительного числа заводов по производству стройматериалов. В 1956 г. мощность цементной промышленности будет доведена до 940 тыс. тонн, а производство цемента до 650 тыс. тонн, что составит 121% к довоенному 1949 г. В 1956 г. предприятия строительной индустрии будут давать 772 млн. штук кирпича, что в 16,3 раза больше, чем в 1949 г.

Одновременно с крупным объемом восстановительных работ в области тяжелой промышленности широко развернулось восстановление и строительство предприятий легкой промышленности — текстильных фабрик, пищевых и других предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. За трехлетие в КНДР будут восстановлены 42 ранее действовавших предприятия легкой промышленности и построены 11 новых. В число новостроек, уже введенных в действие, входит Пхеньянский текстиль-

⁶ «Минчжу чосон», 25 января 1956 г.

⁷ «Минчжу чосон», 15 августа 1955 г.

⁸ «Минчжу чосон», 25 января 1956 г.

ный комбинат, годовая мощность которого (75 млн. метров ткани) в несколько раз превышает годовую довоенную мощность всей текстильной промышленности КНДР. Строятся трикотажная фабрика в Кэсоне, шелкомотальные фабрики в Пхеньяне, Хамхыне.

Производство хлопчатобумажных тканей, несмотря на сильные разрушения текстильной промышленности во время войны, уже в 1953 г. в два раза превзошло довоенный уровень. В результате успешного восстановления текстильного производства КНДР уже в 1955 г. было выпущено столько тканей, сколько намечалось по трехлетнему плану на 1956 г.

Из предприятий пищевой промышленности КНДР следует в первую очередь отметить строящийся в настоящее время Пхеньянский мясокомбинат, мукомольный завод в Нампхо, рыбконсервные заводы в Вонсане и Синпхо.

Суммарный объем валовой продукции легкой и пищевой промышленности КНДР в 1956 г. возрастет в 2 раза по сравнению с довоенным периодом⁹, что создаст условия для полной отмены в стране карточной системы.

В КНДР достигнуты значительные успехи в восстановлении транспорта и связи, от четкой работы которых в значительной мере зависит успешное осуществление народнохозяйственных планов.

Во время войны было выведено из строя более 70% паровозов, свыше 65% товарных и 90% пассажирских вагонов, разрушено 738 мостов общей протяженностью в 20,7 км. Восстановление железнодорожного хозяйства началось еще в годы войны. В послевоенный период было восстановлено 247 мостов и 750 км железнодорожных путей, что позволило довести общую протяженность железных дорог КНДР (на 1 июля 1955 г.) до 5023 км, в том числе 3710 км главных путей. В 1955 г. объем перевозок грузов увеличился по сравнению с 1953 г. на 70% и превысил уровень 1949 г. на 11%. В 1956 г. объем грузоперевозок железнодорожного транспорта КНДР будет доведен до 18 млн. тонн, пассажирских перевозок — до 40 млн. человек. В послевоенные годы было организовано движение пассажирских поездов прямого сообщения Пхеньян—Москва и Пхеньян—Пекин. Объем перевозок автомобильным транспортом, увеличившийся в 1955 г. на 77% по сравнению с 1954 г., составит в 1956 г. 7650 тыс. тонн, или в 5 раз больше, чем в 1949 г.

* * *

Серьезные успехи достигнуты в восстановлении и развитии сельского хозяйства республики. Послевоенные годы характеризуются вступлением сельского хозяйства КНДР в новую стадию развития — стадию постепенных социалистических преобразований.

Коренные социально-экономические преобразования, проведенные в сельском хозяйстве по закону о земельной реформе¹⁰, позволили, в основном, решить зерновую проблему, повысив обеспеченность населения КНДР продовольственными товарами, а промышленность сырьем.

Война причинила значительный ущерб сельскому хозяйству республики, особенно животноводству. Так, в 1953 г. валовой урожай зерновых сократился на 210 тыс. тонн; общее поголовье крупного рогатого скота и свиней составило соответственно 64% и 77% от довоенного уровня¹¹.

Трехлетним планом восстановления и развития народного хозяйства КНДР предусматривалось превзойти в 1956 г. уровень 1949 г. по валовому объему продукции

⁹ «Нодон синмун», 24 апреля 1954 г.

¹⁰ По закону о земельной реформе, принятому 5 марта 1946 г., было конфисковано свыше 1 млн. га пахотной земли, принадлежавшей корейским помещикам, японскому государству и японским частным лицам; эту землю получило безвозмездно 17 тыс. батрацких, 443 тыс. безземельных, 260,5 тыс. малоземельных и 4 тыс. прочих хозяйств.

¹¹ «Нодон синмун», 22 апреля 1954 г.

сельского хозяйства на 19%, в том числе по валовому сбору риса — на 31%. В области животноводства планом намечалось в 1956 г. увеличить поголовье крупного рогатого скота на 38% по сравнению с 1953 г., а свиней — на 72%. Поголовье крупного рогатого скота в ближайшие годы возрастет до 700—800 тыс., а свиней — до 1 млн.¹²

В 1955 г. пахотные площади под сельскохозяйственными культурами увеличились по сравнению с 1953 г. на 37,7 тыс. тенбо (1 тенбо = 0,99 га)¹³. В 1956 г. посевные площади республики предусматривается увеличить более чем на 20 тыс. тенбо.

Трудовая партия Кореи и правительство республики оказывают трудящимся всемерную помощь и поддержку в восстановлении и развитии сельского хозяйства. За два послевоенных года правительство предоставило крестьянам денежных ссуд на сумму в 2,7 млрд. вон, значительные семенные и продовольственные ссуды.

В постановлении «О мерах по быстрейшему восстановлению и развитию сельского хозяйства», принятом ЦК ТПК и Кабинетом министров КНДР в июне 1955 г., были намечены важные мероприятия по строительству и восстановлению крупных ирригационных сооружений, по увеличению материальной помощи крестьянам со стороны государства. Только в 1955 г. на эти мероприятия было отпущено 1,6 млрд. вон¹⁴.

Огромные средства направляются государством на восстановление и расширение ирригационных сооружений. В апреле 1955 г. были закончены работы по первой очереди строительства ирригационных сооружений в Андю (провинция Южный Пхенан). Введение в эксплуатацию этого сооружения обеспечило расширение поливных площадей Северной Кореи до 25 тыс. тенбо.

В стране расширяется сеть машинопрокатных и коннопрокатных станций. В 1955 г. число машинопрокатных станций увеличилось по сравнению с 1953 г. в 3 раза, а тракторов — более чем в 3,9 раза¹⁵. В 1956 г. машинопрокатные станции должны обрабатывать тракторами не менее 10% всей пахотной земли.

Все более важную роль в развитии сельского хозяйства и его постепенном социалистическом преобразовании приобретают сельскохозяйственные производственные кооперативы. Возникшее во время войны движение крестьян за кооперирование¹⁶, особенно широко развернулось во второй половине 1954 г. Развитие сельскохозяйственной производственной кооперации в КНДР принимает различные формы в зависимости от степени обобществления средств производства.

Первая, низшая, форма — постоянные группы трудовой взаимопомощи, объединяющие не менее десяти крестьянских дворов. В этих группах полностью сохраняется частная собственность на землю и сельскохозяйственные орудия. Поля каждого члена группы обрабатываются коллективно, а урожай каждый собирает со своего участка. За использование рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря их владельцы получают оплату в соответствии с местными условиями.

Вторая форма — это сельскохозяйственные производственные кооперативы, создающиеся на основе коллективного использования земли при сохранении ее в частной собственности. При распределении доходов в этих кооперативах учитывается количество и качество затраченного членом кооператива труда (до 80% распределяемых доходов), а также величина земельного пая (до 20% распределяемых доходов). Выплата за земельный пай производится только при условии, если собственник земли выработал в течение года не менее 120 трудодней.

Третья форма сельскохозяйственной производственной кооперации предусматри-

¹² «Минчжу чосон», 21 декабря 1955 г.

¹³ «Правда», 26 апреля 1956 г.

¹⁴ «Минчжу чосон», 25 января 1956 г.

¹⁵ «Правда», 26 апреля 1956 г.

¹⁶ Производственному кооперированию крестьян в КНДР предшествовало создание и развитие групп трудовой взаимопомощи, возникших в связи с недостатком в годы войны рабочих рук, тягловой силы и сельскохозяйственного инвентаря. В группы трудовой взаимопомощи, как правило, объединялись 3—5 крестьянских дворов на период посева и уборки урожая.

вает сохранение частной собственности членов кооператива на землю, что гарантирует крестьянину в случае выхода из кооператива возврат участка земли, равноценного по качеству и размерам внесенному им при вступлении в кооператив. Однако владелец земли не может распоряжаться ею, пока он состоит членом кооператива. Основные сельскохозяйственные орудия и рабочий скот обобществляются. Распределение доходов производится только в соответствии с затраченным трудом. На конец февраля 1956 г. в стране насчитывалось более 14650 кооперативов, которые объединяли 65,6% всех крестьянских хозяйств и обрабатывали 62,1% всей пахотной площади¹⁷.

В последнее время трудовая партия и правительство республики провели ряд мероприятий, направленных на экономическое и организационное укрепление созданных кооперативов. Постановлением Кабинета министров от 24 июля 1955 г. «О мерах быстрейшего восстановления и развития сельского хозяйства» в целях повышения заинтересованности крестьян в увеличении производства сельскохозяйственной продукции были уменьшены ставки натурального налога и повышены закупочные цены на сельскохозяйственные продукты одновременно с освобождением крестьян от задолженности по натуральному налогу за период до 1954 г.

В восстановлении и развитии сельского хозяйства КНДР большую роль играют государственные хозяйства. В КНДР имеется 228 госхозов, приобретающих все более высокий удельный вес в производстве товарной сельскохозяйственной продукции.

* * *

Как показывает опыт осуществления трехлетнего плана, выполнение грандиозной программы восстановительных работ и нового строительства требует от корейского рабочего класса и от всего народа героических усилий.

Одним из самых серьезных затруднений в восстановлении и развитии народного хозяйства КНДР нужно считать недостаток кадров с высшим и средним техническим образованием. В старой колониальной Корее корейцы не получали специального технического образования; корейские рабочие использовались на неквалифицированной и низкооплачиваемой работе. Председатель Кабинета министров КНДР Ким Ир Сен в своем докладе на торжественном заседании представителей трудящихся Пхеньяна 14 августа 1955 г. отмечал, что «за десять лет после освобождения мы подготовили немало специалистов, но десять лет — это слишком незначительный срок для подготовки того количества технических кадров, которое необходимо нам ныне»¹⁸.

Усилия, направляемые трудовой партией и правительством республики на обеспечение народного хозяйства национальными техническими кадрами, позволили достигнуть в этой области значительных успехов. Только за два послевоенных года широко распространенные на предприятиях республики ремесленные и рабочие школы, курсы и вечерние техникумы окончило 32 тыс. человек; техникумы и средние специальные учебные заведения — более 6 тыс. человек, вузы — 3200 человек.

В 1955 г. численность рабочих и служащих в различных отраслях народного хозяйства страны составила 818 тыс. человек, увеличившись за два послевоенных года более чем на 170 тыс. человек, в том числе в промышленности — на 88 тыс. человек. В результате развернувшегося в КНДР всепартийного движения за досрочное выполнение народнохозяйственного плана и мощного подъема трудового соревнования значительно выросла производительность труда. Росту производительности труда способствовало наряду с внедрением более производительного оборудования производственное обучение рабочих, получившее большое распространение на предприятиях КНДР. В 1955 г. по сравнению с тем же периодом 1953 г. производительность труда в промышленности увеличилась на 68%.

В целях обеспечения сырьем промышленности трехлетним планом предусматривалось широкое развитие и быстрые темпы геолого-разведочных и поисковых работ, а

¹⁷ «Правда», 26 апреля 1956 г.

¹⁸ «Минчжу чосон», 15 августа 1955 г.

также увеличение производства сельскохозяйственного сырья для промышленности: хлопка, сахарной свеклы.

Для успешного выполнения намеченного планом объема капитальных работ корейские трудящиеся прилагают немало усилий в деле повышения качества работ, более рационального использования имеющегося оборудования, укрепления режима экономии, снижения стоимости строительства, охраны имущества и более четкого управления промышленными предприятиями. Как указывал Ким Ир Сен, имеющиеся трудности связаны с бурным ростом народного хозяйства и вполне преодолимы¹⁹.

Корейская Народно-Демократическая Республика могла наметить такие огромные масштабы восстановительных работ и дальнейшего развития народного хозяйства благодаря тесному экономическому сотрудничеству и братской помощи Советского Союза и стран народной демократии. Ярким проявлением этой братской помощи явилось решение советского правительства выделить на нужды восстанавливаемого народного хозяйства КНДР 1 млрд. рублей и решение правительства КНР передать в дар корейскому народу 8 триллионов юаней (в старом денежном исчислении). По сообщению центрального телеграфного агентства КНДР²⁰, за послевоенные годы только из Советского Союза в КНДР было поставлено машин, оборудования, сырья и товаров народного потребления на сумму 580 млн. рублей.

Советские специалисты, приглашенные правительством КНДР, оказывают всестороннюю помощь КНДР в самых различных областях народного хозяйства. С помощью советских инженеров проектируются, строятся и реконструируются многие промышленные предприятия, осваиваются новые виды промышленной продукции, передовая советская технология производства.

Серьезную экономическую и техническую помощь КНДР оказывают страны народной демократии: Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и Германская Демократическая Республика. Эти страны с момента окончания войны и по июнь 1955 г. поставили в КНДР машин, оборудования, сырья и товаров народного потребления на сумму в 120 млн. рублей²¹. Монгольская Народная Республика и Албания также вносят свой посильный вклад в восстановление и развитие народного хозяйства КНДР.

* * *

Забота о благе народа, о постоянном и всемерном удовлетворении его материальных и культурных потребностей определяет экономическую политику Трудовой партии и правительства республики.

Успехи корейского народа в деле восстановления и развития народного хозяйства КНДР, бескорыстная братская помощь со стороны Советского Союза и стран народной демократии позволили серьезно повысить благосостояние населения. Значительный рост производства товаров народного потребления, повышение производительности труда создали условия для снижения розничных цен на товары первой необходимости. За два послевоенных года розничные цены в государственной и кооперативной торговле были снижены в среднем на 40%. Выгода, полученная населением от снижения цен, определяется в 30 млрд. вон. Общий фонд заработной платы рабочих и служащих возрос в 1955 г. по сравнению с 1953 г. на 89%, а месячная зарплата рабочих и служащих увеличилась в среднем на 31%. В результате снижения цен на товары народного потребления и повышения номинальной заработной платы только за два послевоенных года реальная заработная плата рабочих и служащих увеличилась более чем в два раза.

¹⁹ «Минчжу чосон», 15 августа 1955 г.

²⁰ См. приложение к журналу «Новая Корея», 1955, № 8.

²¹ Там же.

Расширение производства товаров народного потребления и рост покупательной способности населения позволили увеличить объем розничного товарооборота государственных и кооперативных торговых организаций в городах и селах в 1955 г. против 1953 г. в 2,6 раза (в сопоставимых ценах). В 1955 г. через государственную и кооперативную торговую сеть населению было продано риса и прочих зерновых на 20% больше, чем в 1954 г., рыбы — на 53%, овощей — в 3 раза, хлопчатобумажных тканей — на 42%, шелковой ткани — на 57%. Товарооборот сети общественного питания увеличился в 1955 г. против 1954 г. более чем в два раза.

Быстро залечиваются раны, нанесенные войной жилищному хозяйству республики. На месте старых городов, полностью разрушенных во время военных действий и воздушных налетов, развернулось строительство городов с широкими улицами, площадями и парками. За послевоенное время только в централизованном порядке было построено жилых домов общей площадью свыше 3,5 млн. кв. метров.

Широким фронтом идет в КНДР культурное строительство. В 1955 г. в республике действовало 3677 начальных, 1253 неполных средних и средних школ, 78 техникумов и 16 высших учебных заведений, в которых обучалось 1,9 млн. учащихся. В стране функционируют 12 театров, 451 кинотеатр, 221 клуб, 185 библиотек.

Расширяется сеть учреждений здравоохранения: построено 276 новых больниц на 15 тыс. коек и 175 амбулаторий. Все вновь построенные медицинские учреждения оснащены современным оборудованием.

Успешное выполнение трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства КНДР рассматривается Трудовой партией и правительством республики как важный шаг на пути строительства основ социализма в КНДР, как шаг на пути создания экономической базы для мирного объединения страны.

Еще большего расцвета достигнет народное хозяйство КНДР в ближайшем будущем. Недавно состоявшийся III съезд Трудовой партии Кореи наметил перспективы развития народного хозяйства КНДР в первой пятилетке, осуществление которой начинается с будущего года. В годы пятилетки будет сделан крупный шаг вперед по пути строительства основ социализма. Если трехлетка, как заявил съезду в отчетном докладе ЦК ТПК Ким Ир Сен, была в основном периодом восстановления существующих предприятий, то пятилетка будет периодом реконструкции и расширения предприятий, оснащения их новой техникой, строительства новых заводов и фабрик. Пятилетний план предусматривает создание основы для социалистической индустриализации страны, крутой подъем сельскохозяйственного производства и дальнейшее повышение жизненного уровня народа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В МНР

Ш. НАЦАГДОРЖ и Н. ИШЖАМЦ

(Комитет наук МНР)

Монгольский народ давно вышел на историческую арену. На территории Монголии существовали могущественные государства воинственных кочевников — предков монгольского народа. В XIII в. возникла Монгольская империя. Монголы уже в раннем средневековье имели свою сравнительно хорошо развитую историографию, что неоднократно отмечалось историками других стран. Монгольская историография возникла в XIII в. Из трудов монгольских историков того времени можно назвать известное «Сокровенное сказание» — монгольскую летопись анонимного автора.

Как свидетельствуют первоисточники, во времена Монгольской империи проводилась большая работа по изучению не только истории Монголии, но и истории других стран. В период Юаньской династии при дворе императоров создавались государственные комиссии по составлению истории предшествующих династий (Сун, Ляо и Цзинь). Авторами этих исторических хроник были китайские и монгольские ученые. Главным редактором этих трудов был видный монгольский государственный деятель историк Тохтох. Эти труды, написанные на китайском языке, представляют большую научную ценность для изучения истории китайского народа. Монгольские историки в XIII в. создали немало работ по истории Монголии. По свидетельству Юань-Ши, в период Юаньской династии была написана историческая работа «Монгол усгийн товчо», к сожалению, не дошедшая до нас.

Выдающийся иранский историк Рашид ад-дин, служивший при дворе Газан-хана — внука Хулагу-хана, утверждает, что он написал свой труд «Сборник летописей», на основе монгольских источников.

Известный монгольский историк Саган-Сэцэн, живший в XVII в., в предисловии к своему труду «Эрдэнийн тобчи» назвал ряд исторических работ, в том числе источник «Улан дэвтэр». Все это говорит о том, что в XIII—XIV вв. историография в Монголии стояла на довольно высоком уровне. Распад монгольской империи, феодальная раздробленность и непрерывные междоусобицы и войны, частые передвижения были причиной того, что большинство оригиналов древних монгольских исторических работ пропало бесследно. К числу исторических трудов XVI—XVII вв. и более позднего периода относятся: «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна, «Алтан тобчи» анонимного автора, считающаяся другим вариантом «Сокровенного сказания», «Эрдэнийн эрих», «Болор толь» и другие.

Для историков этого периода характерно, что они при рассмотрении истории монголов стремились связать ее с историей народов Индии, Китая и других стран. Авторами исторических работ выступали светские и духовные лица. Крупный историк Сумбу-Хамбо написал на тибетском языке большой труд «История Монголии». Монгольские историки нередко писали свои труды, кроме родного языка, на китайском, маньчжурском и особенно на тибетском языках. В период потери независимости и подчинения страны маньчжурскими завоевателями монгольская историография не-

сколько изменилась: продолжая оставаться по существу феодальной, она приняла проманьчжурскую направленность и приобрела преимущественно клерикальный характер.

Только после народного движения 1911 г., в результате которого Монголия освободилась от ига маньчжурских феодалов и образовалось монгольское государство, началось оживление в изучении истории Монголии. При дворе богдо-гегена была создана комиссия, которая приступила к составлению официальной истории монгольского государства. Оживление на историческом фронте было вызвано ростом национального самосознания в ходе освободительного движения.

Научное изучение истории монгольского народа началось лишь после победы народной революции 1921 г., которая ликвидировала колониально-феодальный режим и впервые в истории нашей страны создала народную власть. Свободный народ встал на путь национального возрождения. Развились производительные силы, рост которых в течение нескольких столетий был крайне медленным. Бурно расцветала национальная культура, создавались школы, научные учреждения, был организован Комитет наук, который приступил к изучению страны, ее природы, населения, производительных сил, истории и культуры монгольского народа.

Археологическое изучение Монголии началось в 1922 г. Археологическими раскопками в горах Нонн-Улы, проведенными в 1924—1926 гг. советскими и монгольскими учеными во главе с знаменитым путешественником П. К. Козловым, были открыты гуинские могильники. С тех пор не прекращались работы по собиранию и регистрации исторических памятников и раскопки могильников и погребений. В настоящее время мы уже располагаем богатыми коллекциями археологических находок, хранящихся в Национальном музее МНР. Они способствуют воссозданию картин быта и культуры тех племен и народностей, которые населяли нашу страну в незапамятные времена, еще в тот период, когда не было письменности.

В 1941—1949 гг. археологом Х. Пэрлээ была составлена подробная картотека древностей МНР. В этой картотеке отражено богатство нашей страны историко-археологическими памятниками. Картотека значительно облегчает дальнейшее исследование в данной области. Нашими археологами были проведены раскопки в бассейнах рек Орхона, Толы и Карулена, давшие много ценных материалов для изучения истории гуинов, тюрок, уйгуров, киданей и других племен и народностей, обитавших в нашей стране в древности. В частности, было выяснено, что эти племена и народности, наряду со своим главным занятием — кочевым скотоводством, занимались также и земледелием, строили города, т. е. частично вели оседлый образ жизни.

В 1948—1949 гг. советско-монгольская комплексная экспедиция проводила археолого-этнографическое обследование в центральных, южных и восточных районах Монголии. Она собрала много материалов, относящихся к каменному и бронзовому векам, организовала большую работу по раскопкам тюрокских могильников уйгурского города Хар Балгасуна и, наконец, древней монгольской столицы Каракорума.

В результате археологических исследований было установлено, что древние обитатели нашей страны имели довольно тесную связь с Северным и Северо-Восточным Китаем и Восточной Сибирью. Также было найдено много материалов, свидетельствующих о том, что уйгурский город Хар Балгасун в VIII—IX вв. и в особенности Каракорум в XIII в. являлись не только политическими, но и крупными по тому времени торгово-ремесленными центрами.

Проведенные в 1950—1955 гг. раскопки гуинских могильников, киданьских городов и изучение других памятников истории Монголии дали много интересных материалов, важных для разработки таких вопросов, как появление классового общества и зарождение государственности, возникновение и развитие феодализма в нашей стране. В частности, наши археологи обнаружили четыре доселе неизвестные в науке крепости в бассейне Керулена, свидетельствующие о том, что в Монголии существовали города еще до нашей эры. Монгольские археологи обнаружили и исследовали более десятка относящихся к XI—XIII вв. развалин крепостей, главным образом в бассейне Орхона и Керулена, и пришли к выводу, что города и другие оседлые селения имели немало важное значение в формировании феодализма в Монголии.

Для изучения древней и средневековой истории Монголии имеют большое значение различные письменные источники на монгольском и китайском языках. За годы революции наши историки и филологи выполнили немало работ по введению этих источников в научный оборот. Пионером в этой области является первый председатель Комитета наук Жамьян. Он обнаружил в Восточном аймаке уникальную рукопись «Алтан тобчи» Лувсанданзана. Ценность этого варианта «Алтан тобчи» в том, что первая часть рукописи почти полностью является переложением большей части «Сокровенного сказания». «Алтан тобчи» Лувсанданзана впервые издан у нас в 1937 г. в двух книгах и теперь уже успел стать библиографической редкостью. Совсем недавно текст нашего издания летописи был переиздан в Соединенных Штатах Америки с вводящей статьей Мостэра.

Несколько письменных памятников относятся к собственно монгольской истории. Одним из них является, как уже было отмечено, «Сокровенное сказание», составленное в XIII в. на основе письменных источников и устных традиций предшествующих периодов. Известно, что была написана история господства Чингис-хана и его потомков под названием «Алтан дэвтэр», хранившаяся в ханской сокровищнице Хулагидов, доступ к которой был открыт лишь немногим. В 1947 г. монгольский ученый Ц. Дамдинсурэн перевел «Сокровенное сказание» со старомонгольского на современный монгольский язык.

Говоря об источниковедении Монголии, надо прежде всего отметить переводы китайских источников на монгольский язык, сделанные после революции. В 1924 г. действительный член Комитета наук известный китаист Данда перевел китайскую летопись «Юаньши», которая состоит из двухсот десяти цзюаней (томов). Данда перевел еще много других китайских источников, в том числе и «Шэнвучинчжэнлу» (Описание личных походов священновоинствующего Чингис-хана). Действительный член Комитета наук крупный маньчжурист Баточир перевел с маньчжурского языка те места из китайских источников «Тунцзянь Ганму», которые так или иначе относятся к истории Монголии. Им же были переведены с маньчжурского хроники: «История Дайляо» и «История Цзинь». Переводы Баточира служат превосходным материалом для изучения истории древних народов Средней Азии, а также народов, в прошлом населявших Монголию.

Ученые МНР перевели с европейских языков также важные источники по истории Монголии, как путевые записки Плано Карпини, Рубруквиса и Марко Поло.

Ценным источником по истории Монголии являются труды монгольских историков XVII—XIX вв. Это—главным образом феодальные хроники и летописи. В настоящее время проводится большая работа по изучению и изданию важнейших из них (например, «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна, которая написана в 1663 г.). «Эрдэнийн тобчи», как и «Алтан тобчи», богат материалами по истории Монголии XV—XVI вв. По истории более позднего времени — XVII—XIX вв. издан ряд сборников архивных материалов. Особенно много сделал по подбору и выявлению архивных материалов крупнейший знаток маньчжурского языка чл.-корр. Комитета наук Дэндэб. Им переведены с маньчжурского языка ряд относящихся к Монголии XVIII—XIX вв. отрывков из «священных эдиктов» маньчжурских императоров.

По истории Автономной Монголии (1911—1919 гг.) также существует ряд ценных сборников архивных и других материалов. Можно упомянуть два фундаментальных сборника, составленных Дэндэбом и Наваннамжиллом. Существуют и другие сборники, менее значительные.

По истории революции 1921 г. и вообще по послереволюционному периоду издано много ценных документов. Самыми значительными являются сборник документов «О революционных мероприятиях народного правительства, проведенных в 1921—1924 гг.», составленный сотрудником Комитета наук Насанбалжиром, «Некоторые важнейшие документы истории МНРП, относящиеся к 1920—1924 гг.», «Важнейшие документы о Сухэ-Баторе», «Речи и статьи» маршала Чойбалсана, изданные в четырех томах, и т. д.

На основе всех этих ценных источников монгольские историки создали немало

научных трудов по древней, средневековой, новой и новейшей истории нашей страны. Укажем лишь на некоторые из этих работ, наиболее ценные.

По древней и средневековой истории Монголии прежде всего следует упомянуть о книге действительного члена Комитета наук известного историка Баточира «Краткий курс истории Монголии с древнейших времен», вышедшей в 1927 г. Баточир изложил историю Монголии очень сжато, но его книга выгодно отличается от предыдущих исторических трудов, написанных монголами, двумя особенностями. Во-первых, история нашей страны излагается не с XIII в., как это было принято в феодальной историографии Монголии, а с древнейших времен. Во-вторых, в этой книге исторические события изложены довольно объективно. Вней не приводятся сведения о буддийской космогонии и истории буддизма, как это было в хрониках феодального периода. До 40-х годов у нас появилось немало трудов, освещающих период истории Монголии с древнейших времен до наших дней. Из авторов следует прежде всего назвать действительных членов Комитета наук Зава Дамдина, Д. Нацокдоржи и Л. Дэндэба. Некоторые из них писали историю своей страны не только на родном но и на других восточных языках. Например, Зава Дамдин на основе монгольских, тибетских и санскритских источников издал в 1930 г. на тибетском языке двухтомный труд по истории Монголии. Автор уделит большое внимание этногенезу монголов и высказал мнение, что монголы происходят от древних ху. В 1933—1936 гг. известный поэт и историк Д. Нацокдоржи написал «Краткий очерк истории Монголии», который охватывает период истории Монголии с древнейших времен до 1924 г. В своей работе Нацокдоржи использовал китайские, монгольские, западноевропейские и русские источники. В 1927 г. историк и активный политический деятель Автономной Монголии Максар Хурца опубликовал «Новую историю Монголии». Это была первая и притом удачная попытка написать историю периода автономии (1911—1929 годы). В 1934 г. была издана «Краткая история Монголии», написанная другим историком и политическим деятелем Автономной Монголии — Дэндэбом, посвященная также периоду автономии.

В 1934 г. вышел в свет труд основателя Монгольской народно-революционной партии и народного государства Х. Чойбалсана «Краткий очерк истории Монгольской народной революции», сыгравший большую роль в развитии исторической науки и воспитании партийных и научных кадров в МНР. На русском языке эта книга издана в 1952 г. На основе марксистско-ленинской методологии Х. Чойбалсан осветил историю нашей революции и показал, как в ходе революции укреплялась дружба между народами Советского Союза и Монголии. В 1947—1949 гг. научный сотрудник Комитета наук Я. Цэвэл написал монографию о расселении монголов с древнейших времен до начала XX в. Действительный член Комитета наук Наваннамжил издал несколько научно-популярных работ, в том числе книги, посвященные руководителям революции Сухэ-Батору и Чойбалсану. Ему принадлежат также работы по истории Монголии дореволюционного периода, такие, как «Автобиография старого писаря» и «История Автономной Монголии». В 1947—1950 гг. историк Дэндэб создал труд, посвященный периоду феодальной раздробленности. Дэндэб привел интересные новые материалы по социально-экономическому строю Монголии. В 1949—1950 гг. историк Ц. Пунцукнорбо опубликовал «Историю автономного периода Монголии». В этой книге он разработал основные проблемы предреволюционной истории нашей страны. Действительный член Комитета наук Н. Хагварал в работе «Земельные отношения в МНР» доказал, что в средневековой Монголии существовала феодальная собственность на землю. Он использовал обильные фактические данные, главным образом из неизвестных ранее архивных материалов.

Одной из узловых проблем истории Монголии является изучение народно-освободительного движения и классовой борьбы монгольского народа в конце XIX и начале XX в. В этой области написан ряд работ, которые вскрывают характер и движущие силы народных движений в дореволюционной Монголии. В 1953 г. вышла в свет исследование действительного члена Комитета наук Л. Цэнд, посвященное промышленному развитию МНР. В своей работе он дал научный анализ возникновения и развития промышленности и рабочего класса в Монголии за годы революции.

В 1954 г. действительным членом Комитета наук Б. Ширэндыбом написана работа «Борьба за победу народной революции в Монголии и образование Монгольской Народной Республики (1921—1924)», в которой содержится глубокое исследование событий, происшедших в период подготовки, проведения и победы народной революции и образования народной республики. Его труд имеет большое теоретическое и практическое значение для изучения истории Монголии и Монгольской народно-революционной партии.

Разрабатывая проблемы истории культуры монгольского народа, наши историки показали на конкретных материалах, что в Монголии на протяжении многих тысячелетий развивалась материальная и духовная культура, что наша страна издавна имела тесную культурную связь с соседними странами. В этом отношении можно отметить труды и наших филологов Ц. Дамдинсурэна, Б. Ринчина и других. В частности, Ц. Дамдинсурэном написана монография об исторических корнях крупнейшего эпического произведения монгольского народа — «Гэсэриады».

На основе всех этих научно-исследовательских работ был создан в 1954 г. совместными усилиями советских и монгольских историков однотомный труд по истории нашей страны. Однотомник является первым крупным обобщающим произведением, охватывающим весь ход развития истории Монголии с древнейших времен до наших дней. В нем разрешено много важнейших проблем истории нашего народа и нашей партии. «История Монгольской Народной Республики» является результатом обобщения научных достижений по изучению истории нашей страны, в котором учтены не только монгольские материалы, но и богатые материалы советской и китайской исторической науки, а также труды ориенталистов других стран.

Хотя мы проделали довольно большую работу в области исследования истории Монголии и выяснили некоторые трудные вопросы, все же имеется немало проблем, которые предстоит разрешить. К ним относятся вопросы об этногенезе монголов, об изучении социально-экономического строя Монголии в послеюаньский период, о характере и особенностях феодальных отношений в средневековой Монголии, о роли и особенностях городов средневековой Монголии, о периодизации феодализма в Монголии. В области новейшей истории предстоит детальное исследование истории рабочего класса в Монгольской Народной Республике, истории формирования монгольской нации, возникновения и развития новых городов, изучение культурной революции и т. д.

Для разрешения всех этих проблем прежде всего мы обращаем внимание на источниковедение и публикацию первоисточников, в том числе и архивных документов, разворачиваем планомерную работу по археологическому и краеведческому исследованию, что расширяет документальную, материальную базу наших научно-исследовательских обобщающих работ. Теперь наши историки направляют усилия прежде всего на создание монографических исследований по важнейшим проблемам. Пишутся монографии по истории северных гуннов, социально-экономическому строю киданей, истории древних и средневековых городов Монголии, феодальной ренте, по периоду феодальной раздробленности, по истории освободительного антиманьчжурского движения 1755—1757 гг., по вопросу о ликвидации класса феодалов, истории религии и монастырей, возникновении рабочего класса, культурной революции и т. д.

Мы и впредь, как и прежде, будем обращать внимание в первую очередь на еще более глубокую и детальную научную разработку новейшей истории нашей страны — истории революционного периода. Наконец, совместно с советскими и китайскими историками мы приступаем к составлению трехтомной истории Монголии, истории Монгольской народно-революционной партии, а также учебника по истории Монголии для средней школы.

В наших работах мы учитываем, как и прежде, все достижения мировой ориенталистики и мирового монголоведения.

СЕВЕРОИНДИЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ 1905—1908 гг. В ИНДИИ

У. РУСТАМОВ

Данное сообщение касается событий, происшедших главным образом в Кашмире в период революционного подъема 1905—1908 гг. в Индии. Материалы взяты из двух источников. Одним из них являются московские и ташкентские архивы; другим — газета «Туркестанские ведомости». О последнем источнике следует сказать несколько пояснительных слов. Выходившие в Ташкенте «Туркестанские ведомости» уделяли значительное внимание странам, сопредельным со Средней Азией. В частности, газета отмечала факты, относящиеся к революционному подъему в Индии, особенно в районах, граничащих с туркестанским генерал-губернаторством. Не располагая постоянными собственными корреспондентами в Индии, «Туркестанские ведомости» перепечатывали информацию из получаемой североиндийской прессы¹. Страницы газеты сохранили своеобразную краткую летопись событий, происшедших в одной из самых отсталых в социально-экономическом отношении областей колониальной Индии — Кашмире и вразных мелких владениях у южного подножия Гиндукуша. Эта «летопись» показывает, что даже здесь, среди населения, находившегося под двойным игом: феодальных деспотов и английского империализма, в 1907—1908 гг. наметились первые признаки политического самосознания.

* * *

Сообщения североиндийских газет, перепечатанные в «Туркестанских ведомостях», рассказывают о росте народного недовольства в труднодоступных горных районах севера: в княжествах Ишкомап, Хунза, Астор, Нагар, Пуниал и Чилас, составлявших северо-восточную часть княжества Кашмир, а также в княжествах Дир, Сват и Читрал, расположенных на границе Афганистана и в непосредственной близости от нынешней Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. На это явление обратили свое внимание и царские консульские чиновники в Индии. В донесении советника консульства, которое он послал из Симлы на имя товарища министра иностранных дел, указывалось, например, что «если пока кашмирцы — эгоистичный и добродушный народ — еще не питают к ним — англичанам — ненависти, если они еще не раздумывают о том, как бы отделаться от чужеземного ига, то в них несомненно давно уже зреет глухая неприязнь к англичанам, которые наглým своим высокомерием и нескрываемым глубоким презрением ко всем темнокожим внушают даже самым беспечным и незлобивым туземцам чувства обиды и протеста»².

¹ Главным образом газет «Pioneer» и «Civil and military gazette», выходивших на английском языке и отражавших интересы англо-индийской бюрократии и военщины.

² Центральный государственный военно-исторический архив СССР (в дальнейшем — ЦГВИА), Штаб ТуркВО, ф. 1396, оп. 2, д. 147, л. 63.

К началу XX в. на крайнем севере Индии господствовали феодальные отношения с пережитками общинно-родового строя. Феодальная знать мелких североиндийских княжеств беспощадно эксплуатировала нищее крестьянство, взимая высокую докапиталистическую ренту, носившую преимущественно натуральный характер³. Империалистическое господство (княжества Северной Индии были захвачены Англией в 90-х годах прошлого столетия и подчинены безраздельному политическому контролю британских чиновников) ухудшало и без того тяжелое положение крестьян и вело к полному разорению хозяйства этой окраины.

Принудительные работы по ремонту и строительству новых стратегических путей, ведущих к границам Памира и Синьцзяна, систематическое повышение налогов, набор в особые охранные части так называемых «миллионеров», лишавший крестьянские семьи необходимых рабочих рук, — все это ложилось непосильным бременем на плечи трудового крестьянства княжеств Северной Индии. Неслучайным является поэтому, что индийские революционные события нашли здесь определенный отклик.

В княжествах, по данным англо-индийской печати, возникли политические кружки, которые знакомили население с ходом событий в Индии, созывали политические митинги, устанавливали связь с организациями в Северо-Западной пограничной провинции Индии, где развертывалась сильная агитация против господства английских империалистов⁴.

«Вначале, — писала позднее газета „Пайонир“, — дело агитации шло довольно медленно. Но мало по малу на севере Индии стали образовываться кружки, в которых обсуждались все политические новости Индии, и даже в Читрале, например, был устроен митинг, на котором присутствовали туземцы окрестных селений»⁵.

Опасаясь, что в Кашмире может вспыхнуть антианглийское движение, правительство еще во второй половине 1907 г. опубликовало так называемое «специальное постановление», по которому все путешественники, желающие посетить эту страну и особенно ее северные районы, обязывались испрашивать от английского политического резидента в Кашмире особый паспорт, где точно указывались те пути, по которым им разрешалось проехать⁶. Районы Гилгита, Читрала, Хунзы, Нагара и других княжеств должны были строго оберегаться от проникновения туда индийцев-агитаторов.

Другое аналогичное постановление запрещало приезжим, особенно пешаварским, купцам торговать по кишлакам североиндийских княжеств. «Мера эта, — как отмечено в одном из архивных документов, — вызвана тем, что большинство пойманных агитаторов бродило по стране под видом купцов»⁷.

Наряду с чрезвычайными мероприятиями англо-индийское правительство решило оказать воздействие на умы населения Северной Индии через посредство махараджи Кашмира. Последний, по указанию своих английских господ, издал обращение к населению своего княжества, а также гилгитского округа, призывавшее сохранить верность англо-индийскому правительству.

«С великим прискорбием извещаю, — гласило воззвание махараджи, — что за последнее время в Пенджабе и во многих других местах Северной Индии темная масса туземного населения, побуждаемая некоторыми злонамеренными людьми, стала выходить из повиновения местных английских властей и устраивать различные беспорядки; в конце концов всякая антиправительственная выходка ложится тяжелым бременем на само же население, которое, вняв безумному голосу агитаторов, действующих на умы народа своими ложными возбуждающими речами, начинает везде и всюду создавать осложнения британскому правительству с целью освободить, будто бы, Индию от владычества англичан.

³ См. «Революционный Восток», 1931, № 11—12, стр. 84.

⁴ «Туркестанские ведомости», 21 июля 1907 г.

⁵ «Туркестанские ведомости», 2 апреля 1908 г.

⁶ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 971, л. 203.

⁷ ЦГВИА, Штаб ТуркВО, ф. 1396, оп. 2, д. 1397, л. 13.

С своей стороны я лично обращаюсь к народу, населяющему Джамму и Кашмир, с предупреждением, что я твердо надеюсь на моих подданных, что они не прельстятся никакими ложными обещаниями врагов моего государства и ни в коем случае не только не нарушат своих обязательств по отношению к британскому правительству, но, напротив, выдадут сами подстрекателей и агитаторов; при первом же случае возникновения на этой почве каких-либо беспорядков, мною будут приняты самые строгие меры, чтобы подавить их в самом зачатке...

Поэтому всякий желающий избежать строгого наказания не должен принимать никакого, даже самого малого, участия заодно с бунтовщиками...»⁸.

Воззвание махараджи Кашмира было разослано по всем княжествам Северной Индии. Одновременно правители княжеств получили распоряжение англо-индийского правительства о принятии срочных мер для подавления в княжествах антианглийских выступлений. По словам «Сивил энд милитери газетт», правитель Читрала был вызван в Симлу, где представил вице-королю Индии отчет о положении в своем княжестве⁹.

Во второй половине 1907 г. англо-индийское правительство послало на север главнокомандующего англо-индийской армией лорда Китченера. Ему было поручено определить, сколько воинских частей следует послать на север, чтобы удержать население княжеств в повиновении. По возвращении в Симлу Китченер представил на рассмотрение англо-индийского правительства разработанный им проект усиления района североиндийских княжеств новыми войсковыми подразделениями. Согласно этому проекту, в Кала-и-Дорош (на юге Читрала) были отправлены два батальона — полубатарея 22-й Дераджатской туземной горной батареи и полувзвод 3-го батальона саперов и минеров¹⁰.

Однако посылка войск вызвала лишь обострение уже и без того напряженного положения. Начальник штаба Туркестанского военного округа 31 августа 1907 г. сообщал: «Жители Баджаура, Дира, Свата и других княжеств открыто высказали свою вражду пришедшим туда английским войскам. Есть убитые и раненые»¹¹.

Проникновение на север антиимпериалистических идей и обнаружившееся там недовольство не на шутку встревожило англо-индийское правительство. Впрочем, географическое положение североиндийских княжеств, расположенных на стыке границ трех государств — России, Китая и Афганистана, действительно придавало им важное стратегическое значение в агрессивных планах английского империализма. Поэтому правительство предприняло решительные меры, чтобы уничтожить зачатки антианглийского движения на севере Индии. При этом оно пользовалось услугами подвластных ему феодальных правителей.

«Британский резидент и читральский михтар всеми силами стараются не дать возможности первым искоркам „свадешизма“ превратиться в большой костер»¹², — отмечала, например, газета «Пайонир».

Однако, несмотря на репрессивные мероприятия англо-индийского правительства, в Хунзу, Нагар, Читрал, Гилгит, Ясин и Ишкоман продолжали проникать индийские националисты, которые пытались развернуть здесь антианглийское движение под лозунгами «сварадж» (свое правление) и «свадеш» (свое производство).

Описывая один из способов распространения в княжествах Северной Индии националистических идей, газета «Пайонир» отмечала: «...Индийцы... перехватывали тех купцов, которые приезжали из Гилгита и Читрала в Пешавар и Равалпинди, во-

⁸ «Туркестанские ведомости», 19 июня 1907 г. (перепечатка из англо-индийской «Civil and military gazette»).

⁹ «Туркестанские ведомости», 13 октября 1907 г.

¹⁰ «Туркестанские ведомости», 25 августа 1907 г.

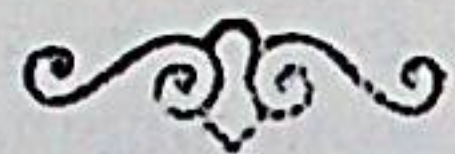
¹¹ ЦГВИА, Штаб ТуркВО, ф. 1396, оп. 2, д. 1864, л. 3.

¹² «Туркестанские ведомости», 2 апреля 1908 г.

дили их на митинги, подготавливали на дому и при возвращении последних на север снабжали их нелегальной литературой»¹³.

Констатируя все эти тревожные для англо-индийского правительства факты, газета «Пайонир» сообщала, что «антиправительственная агитация индусов, процветавшая до сих пор главным образом в Бенгалии и Пенджабе, перебросилась теперь на север Индии»¹⁴.

Между тем со второй половины 1908 г. революционное движение в Индии пошло на убыль. Спад движения и жестокие репрессии способствовали подавлению антиимпериалистической борьбы, которая зародилась в североиндийских княжествах во время индийского революционного подъема 1905—1908 гг.

«Пори́чой» — ЖУРНАЛ ПРОГРЕССИВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БЕНГАЛИИ

В. А. НОВИКОВА

В борьбе за новую реалистическую литературу в Индии большая роль принадлежит бенгальскому литературно-художественному и общественно-политическому журналу «Пори́чой» (Обозрение), основанному в 1932 г.

Издателем и редактором «Пори́чой» в 30-е годы был поэт Шудхиндронатх Дотто, сын известного в Бенгалии адвоката и философа. В числе активных сотрудников журнала в то время состояли поэты и писатели Бишну Де, Будходеб Босу, Омие Чокроборти, продолжительное время работавший секретарем Р. Тагора и вместе с ним приезжавший в 1930 г. в Советский Союз, Нирендронатх Рай — критик и литературовед, член Индо-Советского общества культурных связей, переводчик с русского языка ряда художественных произведений, Дхуржоти Прошад Мухопадхайя — критик и литературовед, Хирендронатх Мукерджи — историк и публицист, ныне депутат индийского парламента, Хирон Кумар Шанпел — председатель Антифашистской ассоциации писателей и артистов Бенгалии, редактор «Пори́чой» в годы второй мировой войны.

Эти и другие сотрудники журнала уже в первый год его существования создали нечто вроде литературной группы, которая еженедельно собиралась в доме Шудхиндронатха Дотто. Помимо материалов, предназначавшихся для очередного номера журнала, на собраниях группы обсуждались вопросы литературы, искусства, философии, текущей политики.

Первые пять лет (1932—1937) «Пори́чой» выходил один раз в три месяца, объемом в шесть-семь печатных листов. Впоследствии он сделался ежемесячным журналом. Примерно две трети его отводилось художественным произведениям и научно-популярным статьям, остальное — литературным обзорам и библиографии.

Уже в первом номере «Пори́чой» было опубликовано шесть рецензий на книги бенгальских авторов и шестнадцать рецензий-обзоров на произведения зарубежных писателей, в том числе Драйзера и Барбюса. С большой критической статьей о крупном романе Шорот Чондро «Последний вопрос» выступил Нирендронатх Рай; статью о сборнике рассказов Будходеб Босу написал Гириджапоти Бхоттачарья. Р. Тагор начал участвовать в журнале, начиная со второго номера. В дальнейшем он напечатал в журнале еще несколько статей и литературных обзоров.

Кроме Тагора, с литературоведческими статьями выступали Шудхиндронатх Дотто «Традиция и Элиот», Нирендронатх Рай «Современная поэзия», Хумаюн Кобир «Реализм и литература», Дхуржоти Прошад «Опять о поэзии».

Острая полемика, развернувшаяся в «Пори́чое», по вопросам развития бенгальской литературы, в частности поэзии, показала, что среди авторского коллектива «Пори́чой» в 30-х годах ясно обозначились две противостоящие друг другу группы.

Во главе одной из них встал Шудхиндронатх Дотто, другую возглавил Нирендро-

¹³ «Туркестанские ведомости», 2 апреля 1908 г.

¹⁴ Там же.

натх Рай. Первая группа была малочисленная¹ и пользовалась меньшим авторитетом, чем вторая, являвшаяся по существу тем боевым ядром, вокруг которого в дальнейшем объединились лучшие силы не только «Поричоя», но и всей писательской общности Бенгалии. Влияние этой группы еще более возросло после того, как в 1936 г. в нее вошел Хирендронатх Мукхопадхайя.

Затрагивая вопросы реализма в бенгальской литературе и определяя отношение художника к действительности, Дхуржоти Прошад, Нирендронатх Рай, Хумаюн Кобир отстаивали тезис зависимости литературы от общества и заявляли, что подлинный писатель должен правдиво отражать в художественных образах жизнь этого общества и быть активным проводником общественных идеалов. Хумаюн Кобир, например, говорил, что «литература не может жить, если она не отражает всего многообразия жизни нации».

Определенный взгляд на назначение художника и его отношение к действительности высказывал Нирендронатх Рай. Он писал: «Если уж стал художником, то необходимо считаться с жизнью. И чем больше будешь считаться с жизнью, тем будет лучше для литературы. При создании образов художник всегда должен быть настоящим писателем. Если можно занимать нейтральную позицию, созерцая творения других, то этого нельзя допустить в своем творчестве. Бесстрастный художник никогда не станет большим художником»².

В противовес Шудхиндронатху Дотто, который скептически относился к творчеству современных бенгальских поэтов и явно преувеличивал воздействие на них английских поэтов (например, Элиота), Нирендронатх Рай утверждал, что в современной бенгальской литературе с каждым годом крепнет и развивается подлинно национальная поэзия, успешно высвобождающаяся из-под влияния буржуазной культуры Запада и вступающая на путь самостоятельного развития.

Как среди критиков «Поричоя» не было единой точки зрения на литературу, так и среди поэтов и писателей журнала существовали серьезные расхождения во взглядах на творческий метод. И здесь крайне правую позицию занимал Шудхиндронатх Дотто, стихи которого, напоминая по форме и ритмике стихи Р. Тагора, свидетельствовали о неудовлетворенности поэта окружающим, были пессимистичны и оторваны от живой действительности. Напротив, в творчестве другого поэта «Поричоя» — Омни Чокроборти — преобладали светлые и жизнеутраченные тона, звучала глубокая вера в трудового человека.

В поэзии Премендро Митро, в его мастерски написанных рассказах и романах также заметно здоровое реалистическое начало. Художника живо интересуют судьбы простых людей Бенгалии — мелкого чиновника, бедного ремесленника, нищего и бродяги. Их он и делает главными героями своих произведений.

Довольно широкую известность в литературных кругах получает имя поэта Бишну Де, неустанно работающего над новой тематикой, над усовершенствованием форм современного бенгальского стиха.

Индивидуализм, излишняя манерность и вычурность стиха, увлечение формой в ущерб содержанию — все это в той или иной мере время от времени проявлялось и в творчестве этих поэтов, но не это было главным и ведущим; здоровое начало постепенно, но верно брало верх, поэты двигались вперед, к реализму, настойчиво преодолевая собственные ошибки и заблуждения.

Несмотря на разногласия среди авторского коллектива «Поричоя» по литературным вопросам, всех их объединял и удерживал в единой организации главный политический момент эпохи — борьба с фашизмом, борьба против надвигающейся войны, особенно обострившаяся с середины 30-х годов.

Бенгальские писатели выступили в авангарде растущего и крепнущего анти-

¹ В нее, между прочим, входили Сахед Суварди, Бошонтто Кумар Моллик, Огурбо Чондро.

² Цит. по Хиронкумар Шаннелю. Двадцать лет «Поричою». «Поричой», 1953, сентябрь, стр. 459.

фашистского движения в стране. По их почину в 1936 г., несмотря на репрессии и ограничения, в Индии был широко отмечен «День Горького» (в связи с кончиной писателя). Бенгальские писатели явились инициаторами составления обращения к Всемирной конференции в защиту мира (1936).

В этом обращении, подписанном Р. Тагором, Шорот Чондро, Прем Чандом, Промотхом Чоудхури, Норешом Чондро Сен Гупто и другими, говорилось: «Обезумевшие реакционеры и милитаристы сегодня играют с цивилизацией и начали разрушение культуры. Было бы преступлением молчать в такое время. Наш долг перед обществом всячески противостоять этому... Мы ненавидим войну, мы должны ей сопротивляться»³.

Как указывает Хирендронатх Мукхопадхайя, «Поричой» в это время поддерживал теснейшие связи с широким кругом прогрессивных деятелей Индии, являлся боевым рупором прогрессивных писателей Бенгалии⁴.

В годы второй мировой войны значительно окреп и расширился авторский состав «Поричоя». Уход из «Поричоя» Шудхиндронатха Дотто и некоторых его сторонников способствовал консолидации прогрессивных сил журнала, привлечению в него новых писателей, выработке единой и целеустремленной творческой программы. В журнале принимали деятельное участие Бишну Де, Будходоб Босу, Хирон Кумар Шаннел — члены исполнительного комитета Антифашистской ассоциации писателей и артистов Бенгалии. В эти же годы в «Поричой» пришли такие выдающиеся общественные деятели, как Гопал Халдар, Маник Бондопадхайя и Шубхаш Мукхопадхайя.

Продолжая политическую линию, начатую еще в довоенные годы, «Поричой» энергично выступал против фашизма и колониализма, отстаивал права индийского народа на государственную самостоятельность, боролся за развитие национальной культуры и литературы, был горячим сторонником сближения Индии с Советским Союзом.

В 1943 г. журнал стал органом Антифашистской ассоциации писателей и артистов Бенгалии.

* * *

Рост популярности «Поричоя» в Бенгалии в послевоенное время и особенно в 50-е годы во многом объясняется его крепнущей прогрессивной позицией, живой и постоянной связью с народными массами, с передовыми кругами интеллигенции.

В 50-е годы журнал открывает новые отделы: «Новости культуры», «Культура и марксизм», «Материальная жизнь».

Программа журнала отражает активную, последовательную борьбу за мир, за мирное сотрудничество народов всех стран, за дружбу Индии с Советским Союзом и странами народной демократии; борьбу за высоко идейное реалистическое искусство и литературу; пропаганду литературы Советского Союза, стран народной демократии и произведений прогрессивных писателей капиталистических стран.

Важнейшие программные установки нашли преломление в критико-публицистических статьях и в художественных произведениях «Поричоя». Пристально следя за событиями внутренней и международной жизни, «Поричой» систематически публикует различные материалы, связанные с движением сторонников мира как в Индии, в частности в Бенгалии, так и за рубежом.

Как правило, идеи борьбы за мир в статьях «Поричоя» увязываются с вопросами литературы, искусства, культуры. В этом отношении типичной является статья Нони Бхоумика⁵, с 1953 г. одного из редакторов «Поричоя». В этой статье Нони Бхоумик указывает, что в настоящее время Бенгалии угрожает поток детективной литературы, идущей с Запада, в которой проповедуются человеконенавистничество, убийства, зверства, атомная бомба и война.

³ Хирендронатх Мукхопадхайя. Начало движения прогрессивных писателей, «Поричой», 1951, апрель, стр. 92.

⁴ Там же.

⁵ Нони Бхоумик. К вопросу об империалистической культуре. «Поричой», 1953, март.

Индийским писателям уже приходилось противостоять такому идеологическому наступлению и раньше, когда индийская культура высмеивалась англичанами, когда насильственно насаждался английский язык и английское образование. Бенгальские писатели, заявляет Нони Бхоумик, неоднократно защищали свою национальную литературу, культуру своего народа. Нельзя забыть имена таких писателей, как Чондидас, Модхушудон, Рабиндранат, чьи произведения были проникнуты любовью к родине и уважением к простому человеку.

Однако нельзя односторонне подходить к западной культуре. Америка может гордиться именами Уитмена и Марка Твена, Поля Робсона и Говарда Фаста. В Англии многому следует поучиться у Шекспира и Ньютона, Шелли и Ральфа Фокса. Важной задачей бенгальских писателей, пишет далее Нони Бхоумик, является изучение литературы Советского Союза, Народного Китая и стран народной демократии, потому что эта литература утверждает человека, почитает свободу, демократию и мир.

По духу и направлению к статье Нони Бхоумика близки и две другие статьи с весьма выразительными названиями: «Литература, призывающая к миру» Норохари Кобираджа⁶ и «Традиции борьбы за мир в Индии» Биной Гхоша⁷.

Автор первой статьи заявляет о необходимости каждому честному писателю занять определенные общественно-политические позиции, ссылаясь на опыт классиков литературы — Золя, Горького, Р. Тагора, которые потому и достигли вершин мировой славы, что не боялись открыто встать на защиту прав угнетенного трудового человека, поднять свой мужественный голос против насилия и разбоя. Современные прогрессивные писатели Индии, говорит Норохари Кобирадж, должны продолжать эту прекрасную традицию. Творчество их должно быть в своей основе народным, в центре внимания должен быть простой человек — создатель материальных и духовных ценностей, творец истории. Задача писателей — создавать литературу о мире, утверждать и укреплять сотрудничество между народами, бороться с происками агрессивных сил.

Статья Биной Гхоша посвящена традиции борьбы за мир в Индии. На широком историко-литературном материале автор показывает, как близка и дорога сердцу каждого индийца идея мира.

* * *

В тесной связи с борьбой за мир «Поричой» решает две другие проблемы, имеющие большое общественно-политическое значение, — это проблемы культурного наследия и художественного метода современной бенгальской литературы.

Какими путями должна развиваться современная прогрессивная бенгальская литература? На какие традиции прошлого она должна опираться? Что из этого наследия ей следует принять, что отвергнуть, как чуждое, устаревшее и реакционное? — вот тот неполный круг насущных вопросов, над решением которых усиленно работает мысль бенгальских критиков, литературоведов и писателей.

В области изучения классического наследия бенгальской литературы, в определении его ценности для современности большую работу проделал Гопал Халдар.

Как критик, он зарекомендовал себя еще в 20-х годах, но помимо многочисленных литературно-критических и публицистических статей им написан ряд крупных художественных произведений. Гопал Халдар часто выступает на страницах газеты «Свадхината», одним из редакторов которой он является. Кроме того, в настоящее время он состоит также редактором журнала «Поричой».

В статье «Антиимпериалистические тенденции в современной бенгальской литературе», написанной в связи с дискуссией 1950—1953 гг. о путях развития бенгальской литературы⁸, Гопал Халдар убедительно показывает, что

⁶ «Поричой», 1953, август.

⁷ «Поричой», 1952, апрель.

⁸ «Поричой», 1951, апрель. Дискуссия проходила в журналах «Поричой», «Марксист» и «Новая литература».

патриотическая литература Бенгалии родилась в XIX в. и что крупнейшими представителями ее были Рам Мохан Рай, Ишвор Чондро Биддешагор, Окхой Кумар Дотто, Майкел Модхушудон Дотто, Бонким Чондро, Рабиндранат Тагор. Они являлись страстными защитниками национальной культуры, противниками чужеземных мод, чрезмерных заимствований и слепых подражаний всему западноевропейскому, особенно английскому.

В этом противопоставлении колонизаторам своего, национального, самобытного, говорит Халдар, заложен, по существу, тот протест против национального порабощения, который так характерен для классической литературы Бенгалии XIX в.

И Гопал Халдар, и Маник Бондопадхайя выступают против критиков, которые упрощают и вульгаризируют сложный исторический процесс развития бенгальской литературы. Одни из них, принадлежащие к так называемому правому крылу, без разбора заносят всех писателей XIX в. в «классики» и «передовые», не считаясь ни с их общественно-политической позицией, ни с идейным направлением их творчества; другие — так называемое левое крыло, наоборот, пытаются игнорировать писателей-классиков, огульно причисляя их к консервативному и реакционному лагерю, и не видят в их деятельности ничего положительного, сколько-нибудь полезного для современности.

В плане критического освоения классического литературного наследия в «Поричое» публикуются статьи о поэтах и прозаиках Бенгалии XIX в. — Рам Мохан Рае, Ишвор Чондро Биддешагоре, Дино Бондху Митро, Модхушудон Дотто, Рабиндранате Тагоре. Среди них особенно выделяются статьи Нирендронатх Рая⁹. Нирендронатх Рай утверждает, что коль скоро Рам Мохан Рай, Модхушудон Дотто, Бонким Чондро, Р. Тагор были величайшими бенгальскими писателями-гуманистами, то в их творчестве не могли не найти и нашли отражение те «ростки социальной революции», которые появились в Бенгалии еще в пору английского владычества. Этим писателям, говорит он, не свободным от ошибок и заблуждений, был свойственен критический реализм и революционный дух протеста. И поэтому они явились предтечами современной прогрессивной бенгальской литературы.

Исключительно важное значение для правильного понимания творчества Р. Тагора имеет статья Нирендронатха Рая «Поэзия Рабиндраната»¹⁰. На конкретных примерах критик убедительно показывает кровную и постоянную связь поэзии Тагора с национальной жизнью Индии, раскрывает ее идейно-художественные требования, четко сформулированные в воззвании Пятого съезда прогрессивных писателей Бенгалии, состоявшемся в 1954 г. «Мы хотим, — говорится в воззвании, — чтобы наша художественная литература развивалась на основе национальных традиций. Мы хотим двигать вперед все, что велико и прекрасно, а то, что лживо и упадочно, мы хотим ликвидировать»¹¹.

Борясь за создание реалистической литературы Бенгалии, критики «Поричой» пристально изучают и анализируют как творчество выдающихся представителей отечественной литературы, так и творчество классиков мировой литературы — Бальзака, Толстого, Горького. Проблема реализма в литературе затрагивается и в общих и в специальных статьях журнала. О ней говорят и пишут Гопал Халдар, Нони Бхоумик, Голам Куддус, Шотеш Рай.

Бенгальские критики и литературоведы исключительное внимание уделяют вопросу создания типических характеров, художественных образов, являющихся душой подлинно реалистического искусства. В статье «Бенгальская литература и вопросы реализма»¹² Нони Бхоумик, называя имена художников прошлого, близких и

⁹ «Поричой», 1952, февраль; «Поричой», 1953, май.

¹⁰ «Поричой», 1955, май.

¹¹ «Поричой», 1954, август, стр. 13.

¹² «Поричой», 1952, декабрь.

дальних своих современников, сумевших создать яркие характеры большой обобщающей силы, говорит, что современные писатели-реалисты должны твердо стоять на материалистических позициях, ибо как ни были велики и объективны Толстой и другие художники прошлого, они не могли преодолеть в своем творчестве ряд слабых сторон вследствие ограниченности и противоречивости своего мировоззрения. То же самое, утверждает Бхоумик, можно наблюдать и в бенгальской литературе. Нет сомнения, что ограниченность мировоззрения Дино Бондху Митро помешала ему подняться до осознания зла колониализма в целом, идеалистические же взгляды Р. Тагора не дали ему возможности среди современных сил общества правильно определить историческую роль рабочего класса в строительстве нового мира.

По мысли Нони Бхоумика, современные прогрессивные писатели Индии не могут механически следовать реалистическому методу литературы XIX в. Реализм XIX в. был в основном реализмом критическим. Современный же реализм должен быть революционным реализмом (бидрохйбастобад).

Произведения революционного реализма правдиво изображают жизнь в движении, в революционном развитии. Революционный реализм не исключает, а, наоборот, предполагает революционный романтизм как одну из необходимых и существенных сторон этого художественного метода.

В статье «Мать Горького и гегемония рабочего класса» Голам Куддус¹³ называет «Мать» первым произведением социалистического реализма. Революционная рабочая идеология, говорит он, породила этот метод, и долг прогрессивных писателей Бенгалии в совершенстве овладеть им. Социалистический реализм в литературе — это серьезное оружие в борьбе за мир, за социальное и национальное укрепление народа, за перестройку общества на новых началах. «Классовая борьба рождает нового человека и вместе с ним рождает новую литературу. Классики марксизма-ленинизма и М. Горький являются нашими учителями, нашими руководителями на пути к прогрессу»¹⁴.

Наряду с решением больших теоретических вопросов, в «Поричое» проводится конкретный анализ творчества современных бенгальских поэтов и писателей: Маника Бондопадхайя, Премендро Митро, Назрул Ислама, Шуканто Бхоттачарья, Шорот Чондро, Будходоб Босу.

* * *

Современные поэты и прозаики «Поричоя» отличаются друг от друга как по возрасту, творческому облику и опыту, так и социальному положению и убеждениям. Среди них и люди старшего поколения, прошедшие долгий и нередко сложный творческий путь, и талантливая молодежь.

Из поэтов, выступающих в журнале со стихами, следует отметить Шубхаша Мукхопадхайя¹⁵, Бимол Чондро Гхоша, Бишну Де, Пурненду Моллика, Мониндро Рая, Промода Мукхопадхайя, Голама Куддуса, Джотириндро Мойтро, Премендро Митро, Шодеша Сена. Высокий гражданский пафос, гуманизм и патриотизм — характерные черты их поэтического творчества. Быстро перелистываются страницы истории, говорят в «Праздничной песне» Шубхаш Мукхопадхайя, наступает новое время.

«Пусть же свежий ветер дует в лицо,
Пусть в тучах гремит гром...

¹³ «Поричой», 1950, январь.

¹⁴ Там же, стр. 32.

¹⁵ Шубхаш Мукхопадхайя в литературу пришел накануне второй мировой войны. В начале 50-х годов был редактором «Поричоя».

Пусть дождь, орошая поля,
Повторяет заповедь (мантру):
Мир! Мир! Мир!»¹⁶

О «ярком светочем мира, освещающем и согревающим всех», о «дружбе мира, наполняющей воздух и стесняющей дыхание», взволнованно пишет Пурненду Моллик в стихотворении «Новая грань»¹⁷.

Тема мира и борьбы за мир звучит и во многих других произведениях поэтов «Поричоя». Мужественным борцам за новую Индию, за ее процветание и счастье посвятили свои стихотворения Шодеш Сен «Ее сын» и Пурненду Потри «Старик из Хашонобада».

Шодеш Сен вдохновенно рассказывает о бедном, но отважном и честном юноше из народа, борце за свободную Индию:

«Он удивительный юноша: дождь, буря и ветер с рождения его
вскармливали;
возможно, невымытый, голодный, он должен выглядеть измученным.
Но когда он поднимет глаза, они светятся нежной улыбкой, как
луч утренней зари...
Эти глаза словно небо — чем лучистей они, тем необъятней
в них глубина.

Он друг в несчастье, помощник в беде...
В день демонстрации он — впереди всех.
Он бодрствует целую ночь у постели больного...
Он появляется в наших нищих с дырявыми крышами лачугах
В дождь, бурю и ветер!»¹⁸

О несгибаемом революционере-старике из Хашонобада, многие годы проведенном в тюрьме, но, как прежде, полном энергии, жизнерадостности, сил и надежд, повествует Пурненду Потри.

«Все его почитают как полководца...
И не будет преувеличением сказать,
Что он готов бороться лицом к лицу со смертью.
Пуля его не берет, и ему не страшна петля...»¹⁹

Болью и горечью полно стихотворение Мониндро Рая «Письмо», посвященное разделу Индии. Поэт обращается к далекому другу в Пакистане, с которым насильно разлучен, вспоминает многих друзей и все то, что связывало их в прошлом, восклицая:

«Шушанта, люби нашу родину
Она — наша общая гордость!»²⁰

Глубокий оптимизм пронизывает стихотворение «Я ищу символы нового» Промода Мукхопадхайя. Поэт страстно мечтает об Индии, в которой не будет ни горя, ни нищеты. Он идет по стране, одна за другой встают перед ним картины нужды и нищеты народа. Промод Мукхопадхайя говорит:

¹⁶ «Поричой», 1954, сентябрь — октябрь.
¹⁷ «Поричой», 1954, август.
¹⁸ «Поричой», 1954, сентябрь — октябрь.
¹⁹ «Поричой», 1954, август.
²⁰ «Поричой», 1954, сентябрь — октябрь.

«Ногами, израженными об острые камни и шипы,
но гордой поступью,
С виной²¹ в руках в собраниях, демонстрациях
на полях и берегах рек
Я буду искать признак нового...
... День и ночь под звуки музыки,
С трепещущим сердцем я буду стучать в каждую дверь
И когда найду яркое пламя — это и будет
символ нового»²².

Выражая чаяния индийского народа, поэзия «Поричоя», облеченная в ясную и доступную для широких масс национальную форму, активно служит делу мира и прогресса, делу обновления Индии и укрепления ее дружбы с другими странами. Этим же великим гуманным целям служит и проза журнала. Одним из ее старейших представителей является Гопал Халдар, о котором мы уже говорили как о видном современном бенгальском критике. В бенгальскую художественную литературу Гопал Халдар вошел как романист, создатель двух монументальных трилогий «Упадок» и «Голод 1943 года». «Упадок» является продолжением серии его ранних романов о бенгальской интеллигенции 1870—1930 гг. Халдар показывает, что интеллигенция — это «средняя часть бенгальского общества», которая под влиянием революционных событий и крупных социальных сдвигов в последние десятилетия пережила наиболее значительные потрясения и перемены. В основе трилогии лежит конфликт между «отцами» и «детьми». «Отцы» беспомощно цепляются за старые устои и идеи, «дети» рвут со средневековой дедовской моралью, изучают марксизм и выходят на широкую арену политической деятельности.

Во второй трилогии Халдара повествуется о том, как спекулянты и дельцы черного рынка наживались на нечеловеческих страданиях миллионов людей во время голода в Бенгалии. Показывая тяжелые условия жизни индийского народа во время второй мировой войны, Гопал Халдар особенно подчеркивает роль рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии в деле предотвращения ужасного национального бедствия — голода.

В «Поричое» участвует также один из известных современных прозаиков Бенгалии Маник Бондопадхайя, произведения которого оптимистичны и глубоко демократичны в своей основе. Свой первый и лучший роман «Рыбаки Падмы» Маник Бондопадхайя посвятил описанию суровой и полной тревог жизни бедных рыбаков Восточной Бенгалии. Автору удалось талантливо раскрыть психологию и настроения этих скромных тружеников — кормильцев миллионов бенгальцев. В романе «Пригород» главными героями выступают рабочие промышленных предприятий Калькутты.

Рассказы Маника Бондопадхайя, составившие большой сборник «Знак», пронизаны гуманизмом, согреты чувством горячей любви к людям, овеяны верой в грядущее счастье трудового человека. В них повествуется о послевоенных политических событиях, о борьбе народа с нищетой и унижениями, о росте его классового сознания, о ненависти к сытым «хозяевам жизни» — колонизаторам, ростовщикам и помещикам.

Молодые прозаики «Поричоя» работают над рассказом — одним из популярных жанров как в Бенгалии, так и в других провинциях Индии. Тематика рассказов широка и многообразна: тут и положение индийского крестьянина-труженика, и судьба беженцев и безработных, тут и вопросы брака, семьи, классовых и национальных взаимоотношений.

Авторы многих рассказов горячо сочувствуют своим героям-беднякам, которых несправедливая судьба лишает многого в жизни и ставит в подчиненное положение от сильных мира сего. В рассказах Шудхира Чорона герои после тяжелых жизненных

испытаний в конце концов начинают осознавать истинные причины своего рабского положения и пытаются найти средства для искоренения социальной несправедливости. Так, в рассказе «Распределение земли»²³ повествуется о молодом крестьянине-бедняке Чороне, с утра до вечера обрабатывающем свой клочок совершенно бесплодной земли. Одна радость у Чорона: на его участке растет дерево Мохуя, цветы которого в самое тяжелое для земледельца время года употребляются в пищу. Но вот беда — на участок за цветами повадился медведь. Чорон решает подкараулить его и убить. Сидя в засаде, молодой крестьянин размышляет о том, как он убьет зверя, продаст его, немного разбогатеет и купит для своей жены приличное сари... Неожиданно мечты Чорона прерываются: жена зовет его на собрание по распределению земли. Полный радужных надежд отправляется он туда и разочаровывается подобно другим беднякам деревни: на три с лишним тысячи крестьян помещики выделили для распределения не более трехсот бигхов земли. Но какой земли? Один отдал каменную пустошь, другой — запущенный, засушливый участок, третий — участок, отдаленный на десятки миль от селения. Крестьяне как один отказываются от такого «дара» и вместе с Чороном обрушивают гнев и проклятия на голову своих «благодетелей».

Еще ярче классовый протест и ненависть к притеснениям и социальной несправедливости выражаются в другом рассказе того же автора — «Клятва»²⁴.

Через джунгли в надежде получить работу бредет толпа полуголодных изголодавшихся санталов²⁵. Наконец, они достигают пункта найма. Предприниматель встречает их неприветливо и отказывает голодным людям даже в горсточке риса. Санталы негодуют. Ночью они все уходят в неизвестном направлении. Все попытки надсмотрщика отыскать их и погнать на срочную работу оканчиваются неудачей. Вечером санталы возвращаются, но это уже не вчерашние безропотные и покорные люди. Они смело предъявляют требование повысить им оплату, и напуганный надсмотрщик, чтобы не сорвать работы, соглашается на это. Но санталам этого мало. Отказываясь от транспортировки тюков риса, награбленного у крестьян, они выдвигают другое требование: землю, с которой помещик собрал этот рис, отдать подлинным ее хозяевам — крестьянам. Надсмотрщик взбешен. Он обвиняет санталов в заговоре против правительств, грозит расстрелом. Но санталы непримиримы и бесстрашны; они решительно заявляют, что «на ружье они ответят дубиной» и наотрез отказываются перетаскивать рис, отобранный у таких же нищих крестьян, как и они сами.

О том, как в «маленьком человеке» растет политическое сознание, изменяются его взгляды на окружающий мир и людей, рассказывает Одхир Чокроборти в повелле «Слуга Мишир»²⁶. Мишир — конторский служащий. Много лет он прослужил у сахиба (хозяина) и зарекомендовал себя преданным, исполнительным и послушным во всем работником. Но вот Мишир попросил двухдневный отпуск, чтобы съездить к себе на родину в деревню, где живет его семья. Однако капризная жена хозяина категорически отказывает. Через несколько дней Мишир получает от семьи известие о смерти своего шестилетнего сына. Велико горе Мишира. Мучительные мысли о семье, об умершем ребенке лишают его сна. Как мало, мизерно мало дал он своему мальчику, который рос без отцовской ласки, надзора и внимания. Мишир припоминает, как однажды, после трехлетней разлуки, малыш вместо «отец» сказал ему... «вор». И впрямь, думает Мишир, нищие отцы — воры, обкрадывающие золотое детство своих детей... Возмущение Мишира растет. И когда сахиб отказывает в просьбе одному служащему, не дает кратковременный отпуск другому для того, чтобы съездить проститься с умирающей матерью, он поднимает всю контору против хозяина. Мишира увольняют с работы. Расставаясь с сослуживцами, он восклицает:

²³ «Поричой», 1953, июль.

²⁴ «Поричой», 1954, июль.

²⁵ Санталы — одно из племен Северной Бенгалии.

²⁶ «Поричой», 1954, май.

²¹ Вина — струнный музыкальный инструмент.

²² «Поричой», 1954, март.

«Велика моя печаль по умершему сыну, но и она ничтожна при мысли о том, каких диких слонов мы тащим на своих плечах»²⁷.

Реалистический почерк, как не трудно заметить, органически присущ поэтам и прозаикам «Поричой». Он виден в их поэмах, стихотворениях, рассказах. Он проступает в очерках и больших художественных полотнах, каким является, например, роман Нони Бхоумика «Пыльная земля»²⁸. Конечно, не все произведения «Поричой» одинаковы по силе и четкости выражения в них идейного содержания, по художественному мастерству, но все они правдивы, жизненны, темпераментны и свидетельствуют о том, что авторы их стоят на правильном пути создания большой реалистической литературы Бенгалии, служащей интересам народа.

Борясь за мир и дружбу между народами Индии и Советского Союза, «Поричой» много делает для правдивого ознакомления бенгальского читателя с жизнью, культурой и литературой Советского Союза, освещает по возможности полно факты проявления дружественных связей между индийским и советским народами. На страницах «Поричой» делятся своими впечатлениями члены делегаций, побывавших в Советском Союзе.

Среди бенгальских писателей и, в частности, авторов «Поричой», большой популярностью пользуется русская и советская литература, которая является для них вдохновляющим примером служения народу.

Только за 1950—1955 гг. «Поричой» познакомил бенгальских читателей с такими переводами произведений русской классической и советской литературы, как «Послание в Сибирь» А. С. Пушкина, «Предложение» А. П. Чехова, «Песнь о буреизвестнике» А. М. Горького, «Разгром» А. А. Фадеева. В «Поричое» были опубликованы отрывки из произведений И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. А. Блока. Кроме того, в «Поричое» (декабрь, 1955) напечатан перевод отрывка из «Путешествия Афанасия Никитина в Индию».

Весьма показательным и отрадным фактом является то, что именно «Поричой» впервые в Бенгалии стал печатать переводы произведений русских авторов не с английского, а непосредственно с русского языка. Критики и переводчики Бенгалии внимательно изучают технику перевода в Советском Союзе, используя в своей практической работе опыт лучших советских переводчиков. В 1954 г. в «Поричое» была напечатана статья Роноджит Гухо о переводе Нирендронатха Рая «Макбета» Шекспира. Помимо того, что это — первая работа такого рода на бенгали, она заслуживает внимания и потому, что при оценке бенгальского перевода Роноджит Гухо ссылается на русский перевод «Макбета», выполненный Пастернаком²⁹. Перевод Б. Пастернака Гухо приводит в бенгальской транскрипции в качестве положительного примера.

«Поричой» регулярно информирует своих читателей о выходящих в Бенгалии переводах произведений русских и советских авторов, причем многие из указываемых переводов снабжаются краткими аннотациями. В журнале также периодически помещаются рецензии на новые книги советских писателей. В 1954 г., например, были опубликованы рецензии на книги Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», А. Волопина «Земля Кузнецкая» и В. Кочетова «Журбины».

В отделе «Новости культуры» журнал уделяет внимание развитию науки и искусства как в Индии, так и за рубежом, особенно в Советском Союзе и странах народной демократии.

В отделе «Культура и марксизм» «Поричой» опубликовал письма Энгельса о реализме, ответ Сталина на вопрос: «Каковы характерные признаки языка», статью Шотеш Рая «Источники, направление и развитие искусства», основанную на трудах по эстетике Н. Г. Чернышевского и Г. В. Плеханова, статью заместителя председателя Китай-

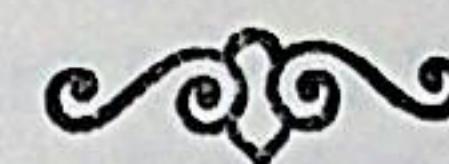
²⁷ «Поричой», 1954, май, стр. 306.

²⁸ Этот роман, а также историческая драма «Рам Мохан Рай» — наиболее крупные по объему произведения среди опубликованных в «Поричое» за 1950—1955 гг.

²⁹ Шекспир. Избранные произведения. Под ред. М. М. Морозова, М., 1953.

ской федерации искусства и литературы — Чжоу Яна «Как можно больше высокохудожественной литературы» и другие.

История журнала «Поричой» тесно связана с историей развития всей современной литературы Бенгалии. Вклад журнала в бенгальскую и общенациональную культуру Индии значителен. Неоспоримо его плодотворное влияние на всю духовную жизнь страны. Журнал объединил и воспитал многочисленные кадры прогрессивных бенгальских писателей, чьи реалистические произведения снискали любовь и уважение широкой читательской аудитории и вошли в золотой фонд бенгальской литературы. Выражая жизненные интересы, чаяния и надежды широких народных масс, «Поричой» горячо отстаивает дело мира во всем мире, борется за дружбу между народами, за укрепление и развитие культурных и деловых связей Индии с Советским Союзом и странами народной демократии.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТАИЛАНДА

А. А. СМЕРНОВ

Во время второй мировой войны Таиланд¹ был оккупирован империалистической Японией. Таиландский народ боролся за освобождение от иностранных захватчиков. В этой освободительной борьбе закалялись и крепились демократические силы Таиланда. После войны Таиландская коммунистическая партия стала легальной. В 1947 г. было создано Всеобщее объединение профсоюзов (Сахачип каммакон). Профсоюзы развернули борьбу в защиту демократических свобод, потребовали улучшения условий труда, устранения неравенства в оплате женского и детского труда, введения трудового законодательства.

Профсоюзы добились права заключать коллективные договоры с предпринимателями рисоочистительных заводов. Многие забастовки, организованные профсоюзами, закончились победой рабочих.

Рост и активизация прогрессивных сил в стране вызывали тревогу среди империалистов, стремившихся сохранить в этой стране довоенные порядки. Это не в меньшей мере беспокоило и реакционные круги Таиланда.

8 ноября 1947 г. при непосредственном содействии империалистических держав в Таиланде произошел правительственный переворот и пришло правительство во главе с Пибунсонграмом.

С приходом к власти этого правительства позиции США в Таиланде значительно усилились. Американская «Дженерал электрик компани» установила контроль над гидроэнергетическими ресурсами Таиланда. В северных провинциях Таиланда Лампанг и Чиенгмай была создана смешанная американо-таиландская компания по разработке каменного угля. В Таиланде развернули активную деятельность также американские компании, как «Стандард вакуум ойл», «Мобил гас ойл», «Калтекс» и десятки других.

В 1949 г. Соединенные Штаты открыли в Таиланде отделение «Банк оф Америка» с капиталом 500 млн. долл.² Его капитал намного превысил сумму всех других иностранных капиталов вместе взятых. Управляющим отделением «Банк оф Америка» был назначен Вальтер ле Конт, который был тесно связан с военными кругами США, в частности с генералом Макартуром, при штабе которого он заведовал финансовым отделом.

Американские финансовые круги использовали принадлежащие Таиланду денежные средства, оказавшиеся в руках Макартура. В сентябре 1949 г. они отправили в Резервный банк США золото, вывезенное во время войны из Таиланда в Японию. Этот

¹ Таиланд является конституционной монархией. Во главе государства стоит король, пользующийся правом законодательной, исполнительной и судебной власти. Он же является главой вооруженных сил Таиланда.

² «Bangkok post», 30 ноября 1949 г.

факт, а также открытие в Таиланде американского банка усилили влияние американского доллара в стране.

В конце 1949 г. США направили в Таиланд специальную комиссию Международного банка, находящегося под контролем американских монополий. Эта комиссия заявила правительству Пибунсонграма, что оно получит заем лишь в том случае, если некоторые государственные предприятия будут переданы частным собственникам. Таким путем американские промышленники имели бы возможность вкладывать в эти предприятия свои капиталы. Таиландские правящие круги приняли условия, предъявленные им американскими банкирами. В мае 1951 г. таиландский парламент утвердил закон о преобразовании государственных таиландских железных дорог и бангкокского порта в частные предприятия. Этим воспользовались американские монополии, чтобы усилить свой контроль над экономикой Таиланда. В свою очередь Таиланд получил от США займы: в 1950 г. в размере 25,4 млн. долл. и в 1954/55 г. — 36,7 млн долл.

В 1950 г. Соединенные Штаты и Таиланд подписали соглашения «об экономическом и техническом сотрудничестве» и «военной помощи». В соответствии с этими соглашениями в страну были направлены американские советники и эксперты.

Большая часть средств, получаемых Таиландом от США по соглашению «о помощи», идет не на развитие экономики или другие неотложные нужды, а на военные цели, на увеличение вооруженных сил в стране, строительство стратегических шоссе, аэродромов и казарм. За последние четыре года таиландская армия увеличилась вдвое и насчитывает в настоящее время, как сообщает об этом таиландская печать, около 100 тыс. человек, не считая полиции, которая состоит из 50 тыс. человек. В 1954 г. в Таиланде было принято решение о создании так называемого Добровольческого корпуса территориальной обороны, численность которого должна составить более 100 тыс. человек.

Чтобы оправдать политику милитаризации, а следовательно, и расходы, вызываемые этой политикой, таиландская реакционная печать преднамеренно распространяет слухи о том, что Таиланду якобы грозит опасность со стороны Китайской Народной Республики. Опасность, по утверждению этой печати, исходит якобы из китайской автономной области Таи в провинции Юньнань. Как известно, эти нелепые вымыслы были полностью разоблачены на Бандунгской конференции стран Азии и Африки. Чжоу Энь-лай пригласил представителей Таиланда посетить Юньнань и на месте ознакомиться с действительным положением в автономной области Таи.

Не находит никакого оправдания и участие Таиланда в военном блоке СЕАТО, цели и задачи которого находятся в прямом противоречии с теми усилиями, которые предпринимают народы и правительства миролюбивых государств для ослабления напряженности в международных отношениях.

Огромные непроизводительные расходы на военные нужды, с одной стороны, и навязанная Таиланду политика дискриминации торговли со странами социалистического лагеря, с другой, оказали пагубное влияние на экономику страны, на уровень промышленного производства, торговлю и денежное обращение. В экономическом отношении Таиланд аграрная страна с небольшим числом промышленных предприятий³, занятых главным образом переработкой продукции сельского хозяйства. На предприятиях широко используется женский и детский труд, так как зарплата женщин составляет половину, а зарплата детей десятую долю зарплаты взрослого рабочего.

Таиландская печать публикует многочисленные сообщения о закрытии в стране многих предприятий. Особенно значительное сокращение производства происходит в горнорудной промышленности. До войны по добыче оловянной руды Таиланд занимал

³ В 1953 г. в промышленности Таиланда на 27 081 предприятия работало 144 191 рабочий, в том числе женщин 42 940, детей — 9 288. Предприятия в своем большинстве представляют карликовые полукустарные мастерские со средним числом рабочих в пять-шесть человек.

мал четвертое место в мире. В настоящее время добыча руды составляет 50—60% довоенного уровня. Не выдерживая конкуренции с американскими, английскими и японскими текстильными товарами, терпят банкротство текстильные фабрики Таиланда.

Полуфеодалные аграрные отношения тормозят развитие сельского хозяйства Таиланда. Прimitивная обработка земли, отсутствие органических и минеральных удобрений, запущенность ирригационной системы и кабальные формы арендного землепользования являются причиной того, что продуктивность сельского хозяйства в стране ежегодно падает. Это подтверждается следующими официальными данными о производстве риса⁴:

Год	Площадь посе- вов (в тыс. акров)	Сбор риса (неочищ.) (в тыс. тонн)	Средняя урожайность (в кг)
1930	7150	4826	671
1940	7994	4923	616
1950	13071	6671	510
1953	12760	6038	473

Из приведенных данных видно, что за 23-летний период урожайность риса уменьшилась почти на 31%, а увеличение валового сбора риса шло исключительно за счет расширения площадей. На деградации сельского хозяйства в Таиланде не могло не сказаться введение в 1948 г. монопольных цен на экспорт риса. Рис скупался у крестьян по низким ценам, что не создавало никакого стимула для увеличения его производства. Именно это обстоятельство заставило правительство Таиланда в 1955 г. отказаться от этой монополии.

На развитие сельского хозяйства в Таиланде расходуются незначительные суммы. В 1954 г. на сельское хозяйство в государственном бюджете было ассигновано 112,03 млн. бат, в 1955 г. — 75,62 млн. бат, что к расходной части бюджетов соответственно составляет 1,98% и 1,39%⁵.

Положение во внешней торговле Таиланда за последние годы характеризуется следующими данными (в млн. бат)⁶, исчисленными путем пересчета валютной стоимости экспорта и импорта в баты по текущему курсу свободного рынка.

	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954
Экспорт	968	2063	2777	3576	4473	5841	5853	6397
Импорт	1386	1757	2280	2881	3714	5678	6625	7227
Баланс	-418	+306	+497	+695	+759	+163	-772	-830

Пассивный торговый баланс за 1953 и 1954 гг. объясняется как падением цен на основные виды вывозимой Таиландом продукции, так и ростом цен на импортируемые

⁴ «Food statistics relating to South-East Asia». London, November 1951; «Rice bulletin Commonwealth Economic Committee», November 1952; «Bangkok Chamber of commerce journal», Oktober 1953, № 10.

⁵ Официальный курс бата в 1954 г. составлял 12,5 бат за один доллар; рыночный курс бата в 1954 г. равнялся 20—22,5 батам за один доллар.

⁶ «Bulletin of statistics National Economic Council of Thailand, the first quarter of 1954», Bangkok; «Bulletin of statistics Bank of Thailand». Bangkok, October 1954.

товары. Следует отметить, что значительно сократились поступления от экспорта риса, который составляет более 50% всего экспорта.

Во внешней торговле Таиланда американские монополии оставили позади своих главных соперников — англичан. Так, если в 1946 г. торговля Таиланда со странами стерлингового блока составляла 72,5%, а со странами долларового блока — 12,6% общего объема внешней торговли Таиланда, то в 1952 г. она сократилась до 37% со странами стерлингового блока и выросла до 53,3% со странами долларового блока⁷.

Рост вооруженных сил и строительство военных объектов потребовали крупных бюджетных ассигнований. На военные нужды тратится более 50% средств государственного бюджета Таиланда. Это привело к тому, что в течение ряда лет, как это видно из нижеприведенной таблицы, государственный бюджет исполняется с огромным дефицитом.

Государственные доходы и расходы в млн. бат

	1951	1952	1953	1954
Доходы	2501,1	3055,0	4150,0	4119,0
Расходы	3497,4	4636,9	5248,0	5677,0
Баланс	-996,3	-1581,9	-1098,0	-1558,0

Государственный бюджет на 1955 г. утвержден с дефицитом в 1240 млн. бат. Основную часть государственных доходов составляют прямые и косвенные налоги. Удельный вес поступлений в бюджет от налогов в общей сумме государственных доходов в 1954 г. составлял 55%, а в 1955 г. он повысился до 60,7%. Правительство прибегает к выпуску займов и к эмиссии бумажных денег, что ведет к росту государственной задолженности, инфляции и еще большему обнищанию народа. По официальным данным Банка Таиланда, государственный долг в январе 1954 г. составлял 4129 млн. бат. Внешняя задолженность Таиланда возросла за период с 3 февраля 1953 г. по 30 февраля 1954 г. с 23,14 млн. до 26,39 млн. долл.⁸ Количество бумажных денег в обращении с 1947 по 1954 г. увеличилось с 2053 млн. до 4547 млн. бат, т. е. в 2,21 раза⁹. Упадок экономики Таиланда отрицательно сказался на платежном балансе страны.

В 1952 г. дефицит платежного баланса составлял 105 млн. бат, в 1953 г. — 769 млн. бат, за первую половину 1954 г. — 526 млн. бат. Американские монополии, пользуясь свободой обращения местных денег в доллары, значительно сократили запасы имевшейся в стране валюты. Только за восемь месяцев (с января по август 1954 г.) запасы иностранной валюты сократились с 352 млн. до 263 млн. долл.¹⁰.

Материальное положение трудящихся продолжает ухудшаться. По официальным данным Банка Таиланда, стоимость жизни по сравнению с 1950 г. возросла в 1954 г. на 45%. Рабочие и служащие в среднем получают зарплату от 300 до 600 бат в месяц¹¹, которой едва хватает на то, чтобы семья из 4—5 человек могла свести концы с концами. В тяжелом положении находится таиландский крестьянин, который, помимо всякого рода взимаемых с него налогов и поборов, обязан уплачивать более половины урожая за землю, арендуемую им у помещика. 70% всех таиландских кре-

⁷ «Чжунъюаньбао», 9 февраля 1953 г.

⁸ «Bulletin of statistics Bank of Thailand», December 1954.

⁹ Там же.

¹⁰ Доклад ЭКАДВ (Экономической комиссии для стран Азии и Дальнего Востока), 17 декабря 1954 г., Бангкок.

¹¹ «Сиамрат», 10 ноября 1955 г.

стьян¹² находятся в долгу у помещиков, ростовщиков и всякого рода посредников. До войны средняя задолженность крестьянского хозяйства составляла 78 бат, а в 1953 г. она достигла 421 бата¹³.

Таиландский крестьянин страдает от голода и болезней. В 1954 г. только в провинциях Убон и Раджа голодали 300 тыс. человек. В особенно тяжелом положении находятся жители северо-восточных провинций страны, где два года подряд была засуха.

Населению почти совершенно не оказывается медицинская помощь. Директор Международного фонда оказания помощи детям сообщил, что около одной трети населения Таиланда — 6,5 млн. человек — больны малярией, 1,2 млн. человек имеют специфические кожные заболевания¹⁴. В стране один медицинский работник (врач, фельдшер и медсестра) приходится на 9668 человек, имеется всего 800 врачей с высшим образованием, или один врач на 25 тыс. населения. По бюджету 1955 г. на здравоохранение было ассигновано 86,5 млн. бат, что составляет менее 2% государственного бюджета.

В стране плохо обстоит дело с народным образованием. По данным Комиссии ЮНЕСКО, проводившей в 1948 г. обследование состояния образования в Таиланде, число неграмотных в стране составляет 68,9%¹⁵. По признанию премьер-министра Пибунсонграма, Таиланд нуждается в строительстве 30 тыс. школ. В 1954 г. на образовании было ассигновано 5,5% средств государственного бюджета, а в 1955 г. еще меньше — 4,4%.

Всячески потворствуя иностранным монополиям, правительство Таиланда подавляет демократические силы. Прогрессивные организации подверглись разгрому, а их руководители арестованы. Пресса оказалась под контролем полиции. Таиландский парламент в ноябре 1952 г. принял «антикоммунистический закон».

Состоявшиеся в Таиланде 3 июля 1955 г. выборы в провинциальные советы показали, что избиратели не одобряют нынешний политический курс правительства, направленный на подготовку к войне. Газета «Бангкок пост» сообщила, что в столице проголосовало всего лишь около 10% избирателей. В провинции Тонбури в голосовании приняло участие 20% населения, в провинции Пранакон (Бангкок) 16%.

Таиландские трудящиеся, все прогрессивные люди страны борются против засилья в стране иностранных монополий. Им ненавистна политика подготовки к войне, участия в восточном блоке СЕАТО. Таиландский народ вместе со всеми народами мира стремится к миру, к ослаблению напряженности в международной обстановке, к дружбе с другими народами.

¹² «Лак Муанг», 24 февраля 1955 г.

¹³ «Standard», 26 декабря 1953 г.

¹⁴ «Сямникон», 14 января 1955 г.

¹⁵ «Rapport de l'Union pour l'Organisation des Nations Unies pour l'éducation, la science et la culture, 15 septembre 1950». Paris, Publication 631.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ АВСТРО-АЗИАТСКОЙ СЕМЬИ ЯЗЫКОВ

А. И. БЛИНОВ

Вплоть до последней четверти XIX в. языки мон и кхмер считались принадлежащими к тибето-бирманской семье языков. В результате исследований, проведенных в 80-х годах прошлого века, было установлено существование отдельной мон-кхмерской, или, как тогда ее называли, мон-аннамитской семьи языков¹.

Несколько позднее была предпринята попытка, на основании ряда лексических и синтаксических совпадений, доказать существование сходства между языками мон-кхмер и мунда (последние были тогда известны под названием коларских)². Однако уже в то время видный лингвист К. Форбс пришел к заключению, что вопрос о близости между языками мон-кхмер и мунда не заслуживает дальнейшего обсуждения³.

В начале XX в. появились получившие впоследствии широкую известность работы В. Шмидта, посвященные этому же вопросу. Первоначально он опубликовал ряд статей о языках семангов, сакаев и кхаси и об отношении этих языков к языкам мон-кхмер. В дальнейшем В. Шмидт попытался установить связь между языками мунда, мон-кхмер, кхаси и никобарским и, на основании якобы открытых им лексических, фонетических, морфологических и синтаксических совпадений, заявил о существовании особой австроазиатской семьи языков⁴. Эта гипотеза В. Шмидта, выдвинутая им в 1906 г., долго и безраздельно господствовала в науке, несмотря на то, что ряд видных ученых возражали против признания этой семьи языков. Одним из первых в гипотезе В. Шмидта усомнился К. Благен⁵; полностью и безоговорочно отверг возможность существования австроазиатской семьи языков известный французский ученый Г. Масперо⁶.

¹ Языки этой семьи распространены на территории Вьетнама, Кхмера, Индии, Бирмы, Таи и других стран Юго-Восточной Азии. Из этих языков наиболее известны мон и кхмер, распространенные во Вьетнаме, Кхмере, Патет-Лао и Бирме. На языке кхмер в настоящее время говорит более 3 млн. человек.

² Племена и народности мунда-кола, говорящие на языках мунда, проживают главным образом в Южном Бихаре, Чота-Нагпуре и Ориссе и насчитывают в настоящее время около 5 млн. человек. Из языков мунда наиболее известны языки сантали, на котором говорит около 2200 тыс. человек, и мунда или мундари, на котором говорит свыше 600 тыс. человек.

³ С. Forbes. Comparative Grammar of the Languages of Further India. London, 1881.

⁴ W. Schmidt. Die Mon-Khmer-Völker. Braunschweig, 1906.

⁵ C. O. Blagden. Review of the comparative philology of the Sakai and Semang dialects of the Malay Peninsula. «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», 1903, № 39.

⁶ G. Maspero. Grammaire de la langue Khmère. Paris, 1915.

Научность аргументации В. Шмидта и, следовательно, достоверность существования якобы открытой им семьи языков особенно серьезно были поставлены под сомнение в 30-х годах, с появлением работ известного венгерского лингвиста Г. Хевеши. Правда, Г. Хевеши, справедливо критикуя ошибки В. Шмидта, не всегда бывает последователен, поскольку сам не дает никакого критерия для проверки данной гипотезы. Как известно, действительно научным критерием, выдвигаемым при разрешении вопроса о наличии близости между исследуемыми языками, является сходство основного словарного фонда и грамматического строя этих языков⁷. Именно с этой точки зрения и необходимо рассматривать вопрос о существовании австроазиатской семьи языков.

Важнейшими составными частями австроазиатской семьи языков считаются языки мунда и мон-кхмер, поэтому прежде всего следует выяснить, существует ли действительная близость между ними. Внимательное ознакомление с фактами, которые приводят В. Шмидт и его последователи, показывает, что сходство грамматического строя языков мон-кхмер и мунда является чисто внешним. Главным общим признаком австроазиатской семьи языков с морфологической точки зрения они считают инфиксацию при словообразовании. Но если для языков мон-кхмер инфиксация действительно является основным способом словообразования и представить без нее мон-кхмерскую речь невозможно, то в языках мунда, например в сантальском, она имеет второстепенное значение.

Для всех австроазиатских языков, согласно В. Шмидту, характерна также и префиксация. Суффиксация встречается только у языков мунда и никобарских, которые в этом отношении представляют собой исключение. Отклонение языков мунда (о никобарских языках В. Шмидт ничего не говорит) от этого правила он объясняет влиянием на данные языки окружающих их дравидийских и тибето-бирманских языков. Однако объяснение это неубедительно, так как оно основывается на признании решающей роли скрещивания языков в их развитии.

Сторонники В. Шмидта, ссылаясь на то, что у всех австроазиатских языков притяжательный суффикс присоединяется к личному местоимению, первоначально утверждали, будто в прошлом языки мунда, как и все австроазиатские языки, якобы также были языками префиксирующими, а не суффиксирующими, и помещали безаффиксный родительный падеж после существительного. При этом В. Шмидт ссылался на провозглашенный им «закон», по которому все языки разделяются на суффиксирующие, с постановкой безаффиксного родительного падежа перед определяемым им существительным, и префиксирующие, с постановкой безаффиксного родительного падежа после существительного. Вследствие этого в суффиксирующих языках обязательно должна якобы наблюдаться префиксация посессивного аффикса, а в префиксирующих — суффиксация посессивного аффикса⁸. Считая, что присоединение притяжательного суффикса к личному местоимению равносильно помещению безаффиксного родительного падежа после существительного, В. Шмидт «доказывал», что языки мунда были языками префиксирующими и изменились вследствие скрещивания с соседними языками.

Между тем местоименный аффикс вообще не тождествен местоимению и должен уподобляться другим аффиксам, вследствие чего суффиксация при препозиции родительного падежа не доказывает наличия скрещивания языков префиксирующего и суффиксирующего строя. К тому же у целого ряда языков явно префиксирующего строя, в том числе и у некоторых языков, относящихся к австроазиатским, не существует суффиксирования посессивного аффикса⁹, что находится в противоречии с основными положениями В. Шмидта.

⁷ В. В. Иванов. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. Изд-во МГУ, 1954, стр. 5—9.

⁸ W. Schmidt. Указ. соч., стр. 14—15 и 75—77.

⁹ W. F. Hevesy. Zur Verwandtschaft der Munda-Sprachen. «Orientalische Literaturzeitung», Bd. XXXIX, № 5, 1936, S. 280; T. Sebeok. An examination of the austro-asiatic language family, «Language», vol. 18, 1942, № 3, p. 209.

Таким образом, бесспорным пока остается только положение, что в языках мунда встречается суффиксация и посессивный аффикс у них префиксируется, в то время как в языках мон-кхмер наблюдается обратное явление. А ведь на основании точно такого же факта В. Шмидт отверг возможность родства между японским и австроазиатскими языками.

Для В. Шмидта характерно игнорирование того факта, что в языках мунда у личных местоимений имеется три числа, но при этом местоимение присоединяется к имени существительному как связанная морфема, а в языках мон-кхмер, как и в аннамитских языках, эти местоимения присоединяются к имени существительному как свободная морфема. Не останавливается В. Шмидт также и на том, что в языках мон-кхмер определяемое предшествует определению, а в языках мунда следует за ним¹⁰.

Не лучше положение и с лексическими сопоставлениями, призванными подтвердить гипотезу В. Шмидта о существовании австроазиатской семьи языков. Лексическим сопоставлениям он придает особое значение и, обнаружив, как ему казалось, 345 лексических совпадений при сравнении коренных слов языков сантали, мон, кхмер, штиенг, кхаси, банар и никобарских, приходит к заключению, что «глубокое родство языков мунда с никобарским, кхаси и мон-кхмер, без сомнения, установлено; это родство уже более не предположение, а факт, который может иметь такую же степень вероятности, как родство, существующее между индоевропейскими языками¹¹». Но даже самая беглая проверка лексических сопоставлений, приводимых В. Шмидтом, опровергает это положение.

Прежде всего следует отметить, что из всех языков мунда В. Шмидт избрал для сравнения только язык сантали. При этом он, не приводя никаких доказательств, утверждает, что хотя языки мунда пользуются и суффиксацией, и инфиксацией, первоначально их коренные слова образовывались только префиксацией. Отделяя первые слоги ряда сантальских слов, В. Шмидт полученные таким образом «корни» сопоставляет с подходящими корнями слов языков мон-кхмер, никобарских и других. Если поверить В. Шмидту, то окажется, что использованные им 200 сантальских слов имеют около 100 разных префиксов!

Г. Хевеши, учитывая мнение знатока сантали П. О. Бодинга, что префиксирование в этом языке вообще не наблюдается, проверил на материале единственного источника В. Шмидта — сантальского словаря Кэмпбелла сделанные В. Шмидтом сопоставления и получил веские подтверждения полной научной несостоятельности исследовательских приемов последнего¹².

Проводя свои сопоставления, В. Шмидт не учитывал возможности заимствования ряда сантальских слов из других языков, поэтому также подвергал их обычной «операции» — отделял от них «префикс» и полученный «корень» сравнивал с подходящими словами мон-кхмерских и других языков. Так, В. Шмидт, например, считает, что слова

hiric — разбрызгивать воду (индоевроп.) № 241

hehel — выполаскивать (индоевроп.) № 342

holat — бритвенный нож (дравид.) № 283

jepet — точно построенный (дравид.) № 179

jobot — вправленный в оправу (араб.) № 199

julum — избранный (араб.) № 293

являются, как и ряд других подобных слов, словами сантальскими, и поэтому разделяет их на префиксы *hi*, *he*, *ho*, *je*, *jo*, *ju* и корни *ric*, *hel*, *lat*, *pet*, *bol*, *lum*, что приводит к очевидной нелепости.

В своей основной работе об австроазиатских языках В. Шмидт лишь вскользь упоминает о сходстве их основных числительных, но его последователи считают такое сходство одним из главных аргументов в пользу существования австроазиатской семьи

¹⁰ T. Sebeok. Указ. соч., стр. 210.

¹¹ W. Schmidt. Die Mon-Khmer-Völker, S. 17.

¹² W. F. Hevesy. On W. Schmidt's Munda-Mon-Khmer Comparisons. «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. VI, part I, 1930, p. 188—199.

языков. Вот, например, на первый взгляд довольно убедительная табличка, составленная И. Пржилуцким для числительных на языках сантали, мон и муонг:

один	<i>mit</i>	<i>mwai</i>	<i>môt</i>
два	<i>bar</i>	<i>bā</i>	<i>bal</i>
три	<i>pā</i>	<i>pī</i>	<i>pa</i>
четыре	<i>ron</i>	<i>rap</i>	<i>rôn</i>

Эта табличка сама по себе ничего не доказывает главным образом потому, что сходство между числительными сантали и мон ничуть не больше, чем между их числительными и числительными языка муонг, хотя последний, как это признал и сам В. Шмидт, не имеет к первым двум языкам ровно никакого отношения. Кроме того, И. Пржилуцкий ограничивает свою таблицу только первыми четырьмя числительными.

Таким образом, попытка В. Шмидта доказать родство между языками мунда и мон-кхмер на основании важнейшего признака — совпадения ряда корневых слов — потерпела неудачу. Приведенные В. Шмидтом семантические сопоставления, не подкрепленные фонетическим сходством, в большинстве случаев также не заслуживают доверия. Например, в сопоставлении № 11 сантальское слово 'сеять', 'рассыпать' сравнивается со словом 'очень' на языке штиенг и т. д., и т. п.

Попытку доказать родство между языками мунда и мон-кхмер, на основании якобы имеющегося совпадения фонетических систем этих языков, также нельзя считать успешной.

Корни языка мон односложны, а корни языков мунда — многосложны, языкам мон-кхмер трифтонги не свойственны, а языкам мунда — свойственны, и т. д., поэтому о совпадении фонетических систем языков мунда и мон-кхмер говорить пока не приходится¹⁴.

Из всего сказанного выше ясно, что языки мунда ничего общего с языками мон-кхмер не имеют и, следовательно, не могут входить в одну языковую семью с последними. Другие причисляемые к австроазиатской семье языки также оказываются весьма отличными друг от друга.

Прежде всего следует отметить, что вьетнамский (аннамский) язык, распространенный главным образом на территории Вьетнама, где на нем говорит свыше 17 млн. человек, в настоящее время не относится исследователями к семье австроазиатских языков. Виднейшие лингвисты, например Г. Масперо, давно уже пришли к отрицанию родства между языками мон-кхмер и вьетнамским, и даже В. Шмидт согласился с высказанным по этому поводу мнением Масперо¹⁵. (Вопрос о родственных связях вьетнамского языка с другими языками еще недостаточно изучен, некоторые исследователи считают его родственным тибето-китайским языкам¹⁶.)

Нельзя также, повидимому, говорить о близости между языками мон-кхмер и кхаси. На последнем говорят народности Индии, живущие в центральной части Ассамского плоскогорья и насчитывающие около 200 тыс. человек. Язык кхаси резко отличаются от языков мон-кхмер две особенности: наличие артикля и наличие категории грамматического рода. Родственные связи языка кхаси с другими языками пока еще почти совсем не изучены.

Наличие родства между языками мон-кхмер и языком семангов, обитающих на Малаккском полуострове, и сакаев (сеноев), населяющих тот же полуостров и Сума-

¹³ J. Przejuski. Les langues austroasiatiques. «Les langues du Monde». Paris, 1924.

¹⁴ G. Maspéro. Указ. соч., стр. 112; W. F. Hevesy. Zur Verwandtschaft der Munda-Sprachen, S. 280.

¹⁵ G. Maspéro. Указ. соч., стр. 74; W. Schmidt. Die Sprachenfamilien und Sprachengruppen der Erde. Heidelberg, 1926, S. 138.

¹⁶ В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 48.

тру, полностью отрицалось еще К. Благоденом и Г. Масперо. Язык семангов явно не имеет ничего общего с языками мон-кхмер, к тому же он значительно видоизменился под влиянием языка сакаев и почти не сохранил своего первоначального словаря.

Таким образом, отнесение малаккской группы к числу австроазиатских языков также не может пока считаться научно обоснованным.

Нельзя включать в австроазиатскую семью и никобарские языки, на которых говорит свыше 10 тыс. коренных жителей Никобарских островов. Никобарские языки, в отличие от языков мон-кхмер, являются суффиксирующими, но их суффиксы принципиально отличаются от суффиксов языков мунда, как это признал и В. Шмидт. Из 212 сопоставлений между никобарскими языками и языками мон-кхмер, приведенных В. Шмидтом, 70, как показал Г. Хевеши, не выдерживают критики, остальные неубедительны¹⁷. Поэтому вопрос о принадлежности никобарских языков к той или иной семье языков надо считать пока открытым.

Таким образом, можно считать несомненным, что В. Шмидту и его последователям не удалось доказать, в соответствии с самыми элементарными требованиями лингвистики, существования австроазиатской семьи языков.

Следует однако отметить, что устаревшая гипотеза В. Шмидта и соответствующая ей терминология до последнего времени уживались в нашей справочной и учебной литературе. Так, например, не только в справочных изданиях прошлых лет, но даже во втором издании Большой Советской Энциклопедии имеется статья «Австроазиатские языки», где о существовании этой «семьи» языков говорится как о непреложном факте. То же ошибочное утверждение лежит в основе статей БСЭ о языках мон-кхмер и мунда.

Даже во втором издании учебного пособия «Введение в языковедение» (ч. I), вышедшем в 1953 г. и составленном проф. А. С. Чикобава, фигурирует эта мнимая семья языков. Правда, А. С. Чикобава не счел возможным поместить австроазиатскую семью языков среди «тех семей языков, история которых наиболее изучена, а также тех семей, вопрос о составе которых уже при нынешнем состоянии изученности их наименее спорен». Но в другом месте он, без всякого последующего объяснения, пишет: «На территории Индии, в Индокитае, в Бирме представлены небольшими массивами языки: мунда, сантали, корку, мон-кхмер и др. Относят их к австроазиатской (точнее — австралоазиатской) группе». Здесь следовало бы указать, кто относит эти языки к австроазиатской группе языков и почему нельзя было поместить эту группу в список основных языковых групп на стр. 199. Надо сказать, что в этой работе в связи с рассмотрением австроазиатской семьи языков А. С. Чикобава допущены и некоторые фактические неточности. Автор не указывает, что языки сантали и корку входят в число языков мунда. О языках Индо-Китая он пишет: «Некоторые авторы вьетнамский язык объединяют с языком мон-кхмер». Не говоря уже о том, что мон-кхмер — это не один язык, а группа языков, следовало бы указать, что теперь от этой точки зрения, объединяющей вьетнамский язык с языками мон-кхмер, отказались даже В. Шмидт и его сторонники.

Желательно как можно быстрее устранить эти неточности в нашей современной справочной и учебной литературе, тем более, что родство между входящими в австроазиатскую семью языками остается недоказанным, о чем, например, говорится, хотя и в самом общем виде, в работе В. В. Иванова «Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства».

¹⁷ W. F. Hevesy. Zur Verwandtschaft der Munda-Sprachen. S. 276—277.

Дж. Неру. Автобиография. Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, 654 стр.

В августе 1947 г. в результате длительной героической борьбы индийский народ сбросил колониальное иго и Индия вступила на новый путь, путь независимого национального развития. За восемь лет (1947—1955 гг.) великий индийский народ стяжал себе заслуженную славу поборника мира во всем мире. В Индии начаты важные преобразования, рассчитанные на преодоление тяжелого колониального наследия, развиваются индийская национальная государственность, экономика, культура, улучшается благосостояние народа.

Народы Советского Союза всегда с исключительной симпатией относились к борьбе индийского народа за национальную независимость. Освобождение Индии от колониального гнета устранило причины, препятствующие свободному общению индийского народа с советским народом. Установление дипломатических отношений между СССР и Индией в 1947 г. означало новый этап в развитии дружбы и сотрудничества между народами этих великих государств. Дружба и сотрудничество между СССР и Индией еще более окрепли и стали более разносторонними в результате посещения Советского Союза индийским премьер-министром Дж. Неру в июне 1955 г. и ответного визита в Индию Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева в ноябре — декабре 1955 г. «Посещение Индии Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым является исключительно важным событием не только потому, что оно сблизило обе страны, но также и потому, что оно служит делу всеобщего мира», — сказано в Совместном заявлении Н. А. Булганина, Н. С. Хрущева и Джавахарлала Неру 13 декабря 1955 г.

Советско-индийские отношения — подлинный и действенный пример мирного сосуществования и дружественного сотрудничества двух государств с различным общественным устройством. Советско-индийские отношения основаны на пяти принципах, известных также под названием «панча шила»: взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения и невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимных выгод, мирного сосуществования.

Определенные заслуги в успехах мирной политики Индии принадлежат премьер-министру Джавахарлалу Неру. Неру — крупнейший общественный и государственный деятель великого индийского народа. В продолжении многих лет он принимал видное участие в национально-освободительном движении. Почти десять лет пробыл Неру в тюрьмах. На посту премьер-министра Индии Неру выступает поборником мира во всем мире и большим другом Советского Союза.

«Автобиография» Джавахарлала Неру, наряду с хроникой событий, относящихся к семье Неру, содержит достоверные факты и глубокий анализ общественно-политической жизни Индии с конца XIX в. по 1935 г. и описание событий 1935—1940 гг., помещенное в дополнительной главе «Пять лет спустя». Дж. Неру дает обстоятельные характеристики различных политических партий, общественных организаций, группировок и видных деятелей индийского национально-освободительного движения. Он сурово разоблачает карьеризм и беспринципность индийских приспешников коло-

ниального режима. Особенно жестоко бичует он тех буржуазных националистов, которые, вопреки очевидной действительности, приукрашивали английское колониальное господство в Индии.

Неру правдиво повествует о том, как было трудно ему преодолевать реформистские, оппортунистические убеждения, господствовавшие в среде буржуазных националистов. В огне борьбы складывалось и закалялось мировоззрение Дж. Неру. Верный путь к своему народу Дж. Неру обрел через самоотверженную борьбу, тюремные лишения и глубокие личные переживания.

Дж. Неру родился в 1889 г. в Аллахабаде. Предки Неру — кашмирцы — принадлежали к высшей касте брахманов. В 1716 г., по предложению Фаррухсиара — государя империи Великих Моголов, они переселились из Кашмира в Дели. Отец Дж. Неру — Мотилал Неру — известный в Индии адвокат. Детство Джавахарлала проходило в обширном аллахабадском особняке «Обитель радости», принадлежавшем семье Неру. Родственники и знакомые Дж. Неру были весьма различными по своему мировоззрению. Среди них было немало таких, которые примирились с английским колониализмом и восхищались английскими буржуазными традициями. Однако все же преобладали буржуазные националисты, недовольные чужеземным господством в Индии. Воспоминания о впечатлениях детских лет, Неру пишет: «Я прислушивался к разговорам моих взрослых двоюродных братьев, хотя подчас и не все понимал. Нередко они говорили о деспотическом характере и оскорбительном поведении англичан, а также евразийцев по отношению к индийцам и о том, что долг каждого индийца — не мириться с этим и сопротивляться... Я негодовал на чужеземных властителей моей родины, возмущался их поведением, и всякий раз, когда кто-либо из индийцев давал им сдачи, меня это радовало» (стр. 14).

Молодой Джавахарлал получил английское воспитание, вначале дома, а затем в Англии — в аристократическом колледже Харроу и Кембриджском университете. Дж. Неру возвратился в Индию в 1912 г. в возрасте 23 лет, пробыв в Англии более семи лет.

По признанию Неру, это английское воспитание оказало на него большое влияние, но оно не подорвало его любви к своей родине и индийской культуре. Еще в детские годы он с захватывающим вниманием слушал и запоминал рассказы седебородого мунши (секретаря) своего отца о героической борьбе индийского народа за независимость во время великого восстания в 1857—1858 гг. Большое влияние на Дж. Неру оказали рассказы его матери, заимствованные из индийской литературы, мифологии и фольклора. Находясь в Англии в 1905—1912 гг., Джавахарлал Неру с большим вниманием следил за политическими событиями на родине. Его восхищала борьба против колониального гнета, которую вел великий индийский демократ Тилак, объединивший левое крыло национального движения в Индии.

Мировоззрение Дж. Неру как активного борца за свободу и независимость Индии начало формироваться под влиянием тяжелых последствий первой мировой войны для индийского народа и, особенно, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и мощного подъема национально-освободительного движения в Индии и других странах Востока в 1918—1922 гг.

В результате первой мировой войны еще более ухудшилось экономическое положение и усилилось политическое бесправие индийского народа. От голода и эпидемий инфлюэнцы в 1918—1919 гг. умерли 12 млн. человек. С большой эмоциональной силой описывает Дж. Неру свои переживания во время поездок по индийским деревням в 1920 г. «Глядя на них (индийских крестьян. — А. П.), — пишет Дж. Неру, — видя их страдания и их чрезмерную благодарность, я переполнялся стыдом и скорбью: скорбью — по поводу упадка и ужасающей бедности Индии; стыдом — за свою легкую, окруженную комфортом жизнь... Перед моими глазами вставал как бы новый образ Индии — голой, голодной, подавленной и невероятно несчастной» (стр. 64).

Всеобщая забастовка текстильщиков Бомбея весной 1918 г. знаменовала начало мощного подъема освободительного движения в Индии. В городах и деревнях, особенно в Пенджабе, появились демобилизованные солдаты, побывавшие на фронтах в Европе.

Они оказали большое влияние на развертывание освободительного движения. Жестокими репрессиями обрушились английские администраторы на индийский народ. Законопроекты Роуллетта 1919 г. предоставляли полиции и судебным властям право ареста и предания суду без какого бы то ни было контроля и формальностей, обычно предусматриваемых законом. Однако репрессии не сломили воли индийского народа к свободе и независимости. Выдающийся деятель индийского народа Махатма Ганди обратился к народу с призывом начать кампанию гражданского неповиновения английской колониальной власти в Индии. Ненасильственное сопротивление — таково было основное условие и руководящий принцип проведения кампании гражданского неповиновения, выдвинутые Ганди.

Дж. Неру выступает ближайшим сподвижником Ганди. Однако уже в то время он был страстным сторонником активных, наступательных действий против колонизаторов. Миллионы людей бойкотировали английские товары, правительственные учреждения и учебные заведения, отказывались платить правительству земельные и другие налоги.

Активное участие народных масс придало освободительному движению невиданный размах и могучую силу. Дж. Неру весьма проникательно подмечает коренные изменения, происходившие в стране: «Угнетенный крестьянин начал обретать новую веру в себя и выше стал держать голову. Его страх перед агентами помещика и полицией уменьшился, и, если какого-либо арендатора сгоняли с земли, никто из крестьян не хотел арендовать этот участок» (стр. 69). Аграрное движение становилось важнейшей частью всей национально-освободительной борьбы.

Хотя индийский пролетариат еще не имел своей политической партии, а профессиональные союзы были слабы и малочисленны, рабочий класс Индии принимал активное участие в освободительном движении, в борьбе за свои насущные требования. В 1918—1922 гг. значительно увеличилось число забастовок и участников в них: в 1919 г. было 100 забастовок, в 1920 г. — 200, в 1921 г. — 396 с потерей 7 млн. человеко-дней, в 1922 г. — 278 с потерей 4 млн. человеко-дней.

Большие изменения произошли в Индийском национальном конгрессе — наиболее многочисленной и влиятельной политической партии. «Весь облик Национального конгресса изменился: европейская одежда исчезла и скоро можно было видеть одни только кхадди, — пишет Неру, характеризуя чрезвычайный съезд Национального конгресса в 1920 г. — Типичным конгрессистом стал новый делегат, выдвигаемый преимущественно низшими слоями средних классов; языком, которым мы пользовались в своей работе, все больше становился хиндустани или иногда язык той провинции, где происходил съезд Конгресса, ибо многие делегаты не знали английского языка, а кроме того, получило распространение все растущее предубеждение против пользования иностранным языком в нашей национальной деятельности; на собраниях Национального конгресса ощущалась новая жизнь, энтузиазм и горячность» (стр. 78).

В 1922 г., когда массовое движение против колонизаторов приобрело наиболее широкий размах, лидер движения Ганди, желая избежать насильственных действий индийцев по отношению к английским властям в Индии, дал указание Национальному конгрессу прекратить кампанию гражданского неповиновения. «... внезапно, — пишет Дж. Неру, — в начале февраля 1922 года, положение изменилось, и мы, к своему удивлению и ужасу, узнали в тюрьме, что Гандиджи отказался от наступательного характера борьбы и приостановил кампанию гражданского неповиновения. Мы прочли, что это явилось результатом события, происшедшего близ деревни Чаури Чаура, где толпа крестьян, мстя полиции, подожгла полицейский участок, в котором сгорело несколько полицейских» (стр. 93—94).

Суровые уроки извлек Дж. Неру из тяжелого опыта освободительной борьбы 1918—1922 гг. «Мы негодовали, узнав о прекращении борьбы в тот самый момент, когда мы, казалось, укрепили наши позиции и успешно продвигались на всех фронтах. Но разочарование и гнев, охватившие нас в тюрьме, мало что значили — гражданское неповиновение прекратилось, и несотрудничество сошло на нет» (стр. 94).

В «Автобиографии» Дж. Неру подробно анализирует причины поражения осво-

бодительного движения. Наряду с уяснением мотивов, по которым Ганди прекратил кампанию гражданского неповиновения, Дж. Неру стремится вскрыть тактические и социальные причины, ослаблявшие массовое народное движение. Он высоко ценит личные качества и авторитет Ганди как руководителя, его любовь к родине и народу. Вместе с этим он не разделяет религиозно-философских концепций Ганди и подвергает сомнению гандистский метод ненасилия: «... для нас и для всего Национального конгресса в целом ненасильственный метод не был и не мог быть религией, непогрешимым верованием или догмой, — пишет Неру. — Он мог быть лишь политикой и методом, сулящим определенные результаты, и по этим результатам в конечном итоге и надлежало судить о нем» (стр. 97).

Дж. Неру справедливо утверждает, что отсутствие у Национального конгресса ясных целей ослабляло национальное движение. На Нагпурском съезде в 1920 г. Национальный конгресс объявил сварадж, т. е. самоуправление, своей целью. Но эта цель была расплывчатая и туманная. Ее толковали произвольно. Многие видные деятели конгресса понимали под свараджем не достижение независимости, а лишь достижение статуса доминиона, т. е. самоуправляющейся колонии. Дж. Неру был решительным сторонником независимости Индии. «Главная идея, лежавшая в основе требования о независимости, — говорится в книге, — заключалась в том, чтобы заставить народ понять, что мы боремся за создание совершенно нового политического строя, а не просто индianизированного издания нынешнего строя (с сохранением за кулисами английского контроля), которое означает собой статус доминиона» (стр. 153). Далее Дж. Неру отмечает, что отсутствие ясных идеалов и целей способствовало распространению общинно-религиозной розни, которую разжигали колонизаторы вкупе с индусскими и мусульманскими реакционерами (стр. 154). Необходимо коренное изменение деятельности Национального конгресса — таков был вывод Дж. Неру из опыта освободительной борьбы 1918—1922 гг.

Большое значение для дальнейшего развития мировоззрения Дж. Неру имела его поездка 1926—1927 гг. в Европу и особенно посещение Советского Союза. В «Автобиографии», как и в книге «Открытие Индии», Дж. Неру выступает как друг Советского Союза. Он высоко ценит экономические и культурные достижения советского народа. Он особо отмечает великие преобразования в Узбекистане и других советских национальных республиках (стр. 183, 203, 382, 383, 458, 470). Участие Дж. Неру в качестве делегата Индии на Конгрессе угнетенных народов в Брюсселе в 1927 г. расширило его сведения о международной обстановке и о нарастании прогрессивных сил, выступающих против колониализма. «Становилось все более ясно, — пишет Дж. Неру, — что борьба за свободу есть общая борьба против общего противника — империализма и что для этой цели желательно совместно выработать план действий, а по возможности, и предпринять совместные действия» (стр. 180).

С большой искренностью и глубоким удовлетворением оценивал Дж. Неру свою поездку в Европу: «Мое мировоззрение стало более широким, и национализм в собственном смысле слова казался мне определенно узкой и недостаточной доктриной». (стр. 185).

Возвратившись в Индию, Дж. Неру развивает энергичную деятельность по определению нового политического курса Национального конгресса. Представленные им резолюции о независимости, о военной опасности, о присоединении к Антиимпериалистической лиге были приняты рабочим комитетом Национального конгресса. Однако эти резолюции не стали новым политическим курсом Национального конгресса. Дж. Неру с горечью отмечает, что немало видных деятелей Конгресса считали эти резолюции «академическими» и «нереальными» (стр. 186—187).

В 1928 г. начался новый этап освободительного движения в Индии, продолжавшийся по 1933 г. Он характеризовался еще большим участием народных масс и возросшей организованностью рабочего класса. В начале 1928 г. в Бомбее среди рабочих хлопчатобумажных фабрик возник под руководством коммунистов революционный профсоюз «Гирни Камгар». Этот профсоюз стал боевым центром бомбейского пролетариата. В марте 1929 г. руководители профсоюза были преданы суду и приговорены к многолетнему тюремному заключению. Суд над ними, широко извест-

ный под именем Мпрутского процесса, продолжался четыре с половиной года. Индийские прогрессивные организации и деятели выступали в защиту мпрутских узников. Требование освобождения политических заключенных нашло горячий отклик в народных массах.

В 1929 г. Дж. Неру одновременно был председателем двух крупнейших организаций: Национального конгресса и Конгресса профсоюзов. Считая, что профсоюзы должны находиться под руководством Национального конгресса, Дж. Неру стремился сблизить эти организации. «Однако передовые рабочие сторонились Национального конгресса. Они не доверяли его лидерам и считали его идеологию буржуазной и реакционной. Такой она и была в действительности с точки зрения рабочего класса, — констатирует Дж. Неру. — Национальный конгресс, как это видно из самого его названия, был националистической организацией» (стр. 220). Итак, развитие классового самосознания индийского пролетариата было одной из главных особенностей начавшегося нового подъема борьбы за независимость и свободу.

Развитию освободительного движения способствовал бойкот комиссии Саймона, назначенной для выработки конституции Индии. Бойкотировав эту английскую комиссию, индийский народ заявлял о своем праве определять государственный строй в своей стране. Энтузиазмом был охвачен весь народ. На многолюдных митингах миллионы людей клялись бороться за независимость Индии.

Антиимпериалистическое движение расширилось в связи с призывом Ганди в апреле 1930 г. нарушить английские законы о соляной монополии. Повсеместно в стране началась массовая кампания гражданского неповиновения колонизаторам. «В центре всеобщего внимания находился в то время Бомбей, где происходили грандиозные харталы и демонстрации и где полиция устраивала массовые избиения» (стр. 237). В мае 1930 г. гархвальские стрелки, посланные в карательную экспедицию в пограничные провинции, отказались стрелять в мирных жителей. На крестьянских конференциях делегаты принимали решения о неуплате земельных налогов. Отказ от уплаты налогов имел большое политическое значение. «В Соединенных провинциях движение неуплаты налогов, — пишет Дж. Неру, — привело к одному важному результату. Оно переместило центр тяжести нашей борьбы из городских районов в сельские и тем самым оживило движение и поставило его на более широкую и более прочную основу» (стр. 260).

В «Автобиографии» Дж. Неру подробно анализирует вопрос о влиянии широкого размаха народного движения на Национальный конгресс, буржуазию и помещиков. Он отмечает усиление дифференциации в Национальном конгрессе: испуг правых конгрессистов, с одной стороны, и полевение прогрессивных конгрессистов под давлением народных масс — с другой стороны. Характеризуя стремления привилегированных групп индийской буржуазии и помещиков, Дж. Неру пишет: «Они хотели, чтобы англичане остались в Индии в качестве решающего фактора, дабы оградить существующий общественный строй и интересы привилегированных групп. Такова была реальная подоплека их настойчивого требования статуса доминиона» (стр. 264).

В такой обстановке в феврале 1931 г. в Дели начались переговоры между Ганди и вице-королем Индии Ирвином. Дж. Неру, как и другие члены рабочего комитета Национального конгресса, был за временное соглашение с правительством при условии, что это соглашение не будет сопровождаться уступками со стороны Национального конгресса ни по одному жизненно важному вопросу. Дж. Неру был глубоко потрясен тем, что заключенное 5 марта 1931 г. в результате этих переговоров соглашение предусматривало прекращение кампании гражданского неповиновения и отказ от требования независимости. «Разве для этого, — писал Дж. Неру, — наш народ в течение года проявлял такое мужество? Неужели этим должны были кончиться все наши славные слова и дела? А как же быть с резолюцией Конгресса о независимости, с клятвой, данной 26 января, и столь часто повторяемой. Так размышлял я в ту мартовскую ночь, и на душе у меня было пусто, словно нечто дорогое было утрачено почти безвозвратно» (стр. 280).

Пытливо искал Дж. Неру ответы на волнующие его вопросы о путях и методах

освобождения родины. Как выдающийся политический деятель нашей эпохи Дж. Неру не мог стоять в стороне от передовых идейных стремлений современности. В этой связи он заявляет, что «...теория и философия марксизма осветила много темных уголков в моем сознании. История наполнилась для меня новым содержанием. Марксистское толкование пролило на нее поток света, и она предстала передо мной в виде разворачивающейся драмы, в которой имелись закономерность и цель, пусть даже и неосознанные» (стр. 383—384).

Дж. Неру дает глубокий анализ английского колониального господства в Индии, обреченного индийский народ на жестокие лишения и тяжелые страдания. Англичане сохраняли и использовали в своих интересах феодальные пережитки, препятствовали промышленному развитию страны и насильственно превратили индийскую экономику в аграрно-сырьевой придаток промышленной Англии. На средства Индии и якобы «в интересах Индии», они вели войны для порабощения других народов, к которым индийцы не имели никакой вражды. «И все же, — заявляет Дж. Неру, — при всей своей нищете и отсталости Индия сохранила достаточно благородства и величия, и, хотя она сгибалась под бременем старых традиций и нынешней нищеты и ее веки опускались от усталости, она обладала «красотой, идущей изнутри...» (стр. 450).

Борьба индийского народа за независимость увенчалась успехом. «Сегодня Индия напоминает могучий поток, который прорвал преграды, стоявшие на его пути, и разлился вширь и вглубь. Этот поток приводит старый мир в трепет. А мы радуемся, что индийский народ вырвался из колониального рабства, что Индия встала на путь независимого развития», — заявил Н. С. Хрущев на митинге в Бангалоре 26 ноября 1955 г.

А. А. Пронин

К ИЗДАНИЮ ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

Вышел из печати первый том избранных сочинений академика И. Ю. Крачковского, издаваемых Академией наук СССР по решению Совета Министров СССР.

Опубликование избранных сочинений И. Ю. Крачковского — важное событие для советского востоковедения. Это издание дает ясное представление о значении советской науки в мировой арабистике и является отправным пунктом для дальнейшего развития в нашей стране как арабской филологии, так и истории арабской общественной мысли.

Как известно, И. Ю. Крачковский пользовался большим авторитетом на арабском Востоке и в кругах западноевропейских ориенталистов как замечательный знаток арабской литературы, как ученый, внесший неоценимый вклад в ее изучение. На протяжении 45-летней научной деятельности И. Ю. Крачковский сочетал интерес к культуре арабского средневековья с живейшим интересом к современности. Он был знатоком новоарабской литературы, первым, проложившим пути для ее исследования в нашей науке и мировой арабистике.

Почти полувековая научная деятельность И. Ю. Крачковского отличается многосторонностью интересов и исключительной продуктивностью. Перу академика И. Ю. Крачковского принадлежит свыше 450 печатных работ. Он считал долгом совести и чести ученого отдавать все силы и знания на службу своему народу; в интересах престижа отечественной науки И. Ю. Крачковский участвовал в ряде международных научных изданий; он был избран почетным членом ряда академий наук. Передовые люди в странах арабского Востока видели в нем своего большого друга; в нем ценили то, что он с глубоким сочувствием относился к борьбе арабов за национальную

независимость и самобытность, что он первый занялся систематическим изучением новоарабской литературы.

На протяжении своей научной деятельности И. Ю. Крачковский с большим вниманием следил за культурным развитием стран арабского Востока и живо откликался на каждое новое явление, свидетельствующее о росте культуры арабских народов. В исследованиях по новой арабской литературе И. Ю. Крачковский дал представление о конкретных процессах развития общественного самосознания в арабских странах, познакомил с наиболее яркими представителями общественного прогресса.

В шеститомное собрание избранных сочинений акад. И. Ю. Крачковского входят работы, освещающие арабские и арабоязычные источники по истории народов Советского Союза, проблемы истории средневековой и новой арабской литературы, арабской общественной мысли, капитальные исследования по вопросам истории арабской науки и культуры, арабского языкознания, работы по истории русской востоковедной науки и по истории русско-арабских культурных взаимосвязей. В издаваемых трудах много работ, посвященных разработке наших рукописных богатств.

В печатаемых избранных трудах И. Ю. Крачковского имеются и впервые публикуемые работы. Исследования, ранее опубликованные, даются с добавлениями и исправлениями по заметкам автора, сделанным им на полях оттисков, сохранившихся в его архиве. Исследования И. Ю. Крачковского, опубликованные в различные годы его научной деятельности, охватывающей несколько десятилетий, напечатаны в изданиях, ставших библиографической редкостью и поэтому недоступных.

Взятый за основу этого издания и построенный по тематическому принципу план был разработан еще при жизни автора.

Первый том избранных сочинений открывается известной работой И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», выдержавшей в нашей стране несколько изданий, переведенной на ряд европейских и восточных языков и удостоенной Сталинской премии I-й степени. Пропагандирующая в художественной форме науку, в частности арабскую филологию, она вместе с тем рельефно характеризует научное творчество самого ученого, отмеченное гуманизмом, пронизанное глубоким уважением к вкладу, внесенному народами арабского Востока в историю человечества, проникнутое патриотизмом и стремлением к международному научному сотрудничеству.

Содержание первого тома составляют работы, имеющие большое значение для истории, исторической географии и истории культуры народов Советского Союза, истории арабской и арабоязычной науки, арабского языкознания. Здесь представлены открытия И. Ю. Крачковского в области арабской эпиграфики (дешифрованные им сабейские надписи из Йемена и обнаруженный в Средней Азии согдийский экспедицией Академии наук древнейший арабский документ на коже). В первый том избранных работ И. Ю. Крачковского включен также составленный им план изучения и издания полного свода арабских и арабоязычных источников по истории нашей Родины и сопредельных с нею стран.

Наибольшее место в избранных сочинениях И. Ю. Крачковского отводится его исследованиям арабской художественной литературы. Они составляют содержание II и III томов. Редкий знаток арабского средневековья, И. Ю. Крачковский дал образцовые в методическом отношении исследования источников.

Во второй том входят исследования многих памятников средневековой культуры, открытых самим И. Ю. Крачковским.

Следующий, третий, том посвящен новоарабской литературе и русско-арабским литературным связям. В том включены некоторые статьи ученого, не публиковавшиеся ранее или опубликованные частично. При чтении третьего тома создается ясное представление о приоритете русской, советской арабистики в изучении новоарабской литературы, не принимавшейся обычно в расчет западноевропейским и русским востоковедением до работ И. Ю. Крачковского, который был пионером и признанным авторитетом в изучении новоарабской литературы. Это как раз та область арабистики, за развитием которой ученый всю жизнь следил с неослабевающим интересом. В очер-

ках развития новоарабской литературы, в отдельных монографиях он систематически исследовал творчество арабских деятелей литературы, в той или иной мере связанных с национальным движением, и впервые обратил серьезное внимание на изучение идеологии арабского национального движения. В результате ознакомления с содержанием третьего тома читатель получает определенное представление о развитии литературы в арабских странах в XIX—XX вв. Монографические исследования И. Ю. Крачковского знакомят нас с наиболее интересными явлениями новоарабской литературы, с ее основными вехами на протяжении этого периода. В них в известной мере отражена и картина общественной жизни и идейной борьбы в арабских странах. В целом третий том дает чрезвычайно ценный материал для изучения истории литературы арабского Востока.

Четвертый том избранных сочинений И. Ю. Крачковского включает капитальный труд об арабской географической литературе, публикуемый впервые. Эта монография дает яркую картину состояния географических знаний на Ближнем и Среднем Востоке с VI по XVIII в. и основана на глубоком анализе многочисленных и разнообразных источников и литературы о них.

Пятый том включает очерки по истории востоковедения и также достойно отражает большой вклад покойного ученого в историю нашей науки. В том включен труд «Очерки по истории русской арабистики». Это первая попытка освещения основных вех развития арабистики в России, раскрытия ее значения и роли в развитии нашей культуры в целом. Книга построена на архивных разысканиях и является плодом многолетнего упорного труда. В ней впервые собраны воедино и систематизированы сведения об основных работах виднейших представителей арабистики. Уместно отметить, что в «Очерках» недостаточно отражена деятельность самого И. Ю. Крачковского, по понятной скромности уклонившегося от всестороннего освещения внесенного им вклада в развитие советской арабистики. Преимущественно описательный характер этого труда, отмеченный в предисловии к нему самим автором, не снижает значения этой книги в качестве отправного пункта для дальнейшего анализа условий развития нашей арабистики.

Как самостоятельный раздел в пятый том работ И. Ю. Крачковского включен ряд монографий, посвященных отдельным деятелям востоковедения. Само собой разумеется, что не со всеми оценками И. Ю. Крачковского в его характеристиках можно согласиться безоговорочно. Так, например, в работе И. Ю. Крачковского об арабской культуре в Испании читатели вправе были бы ожидать критическую оценку буржуазно-идеалистической историографической концепции известного испанского арабиста Риберы. Тем не менее этот раздел пятого тома, объединяющий очерки научной деятельности и некрологи отечественных и некоторых зарубежных ориенталистов, участвовавших в работе нашей Академии наук, содержит ценный фактический материал для марксистской истории востоковедения, которую еще предстоит создать.

В последний, шестой, том входит опубликованное ученым критическое издание трактата Ибн ал-Мутаза о поэтике. В настоящем издании этот труд воспроизводится вместе с осуществленным И. Ю. Крачковским русским переводом этого памятника и с внесенными им в текст исправлениями и дополнениями. Во втором разделе шестого тома представлены труды И. Ю. Крачковского, посвященные описанию рукописей.

Ознакомление с перечнем избранных сочинений академика И. Ю. Крачковского показывает, что предпринятое издание отразит все многообразие интересов покойного ученого, столь характерное для его научного творчества, развернувшегося в основном в советский период.

Опубликование избранных трудов И. Ю. Крачковского диктуется возросшими задачами нашего востоковедения, сочетающего изучение современности с изучением прошлого Востока. Это характерно и для всей деятельности покойного ученого.

Самый факт осуществления настоящего издания свидетельствует о том, какое значение в Советском Союзе придается достижениям нашего востоковедения. Академик И. Ю. Крачковский считал, что наука является величайшим фактором, связывающим человечество воедино. На протяжении всей своей научной деятельности

он знакомил нас с современной растущей культурой арабских народов. Поэтому избранные сочинения И. Ю. Крачковского, отражая большой вклад народов арабского Востока в сокровищницу мировой культуры, показывают в то же время роль советской арабистики в изучении культуры арабских народов и тем самым способствуют укреплению наших научных связей с арабскими странами.

Х. И. Кильберг

Л. Р. ГОРДОН. *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947)*. М., Изд-во АН СССР, 1953, 211 стр.

Развитие политических, экономических и культурных связей между Советским Союзом и Индией, играющее столь крупную роль в деле укрепления мира в Азии и во всем мире, еще более увеличило тот интерес, который советские люди всегда питали к этой великой стране.

За последние годы в Советском Союзе был издан ряд исследований, освещавших различные стороны жизни индийского народа. Среди них рецензируемая книга Л. Р. Гордон заслуживает особого внимания ввиду важности той проблемы, анализу которой она посвящена. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в такой стране, как Индия, где около трех четвертей населения живет земледелием, а доход от последнего составляет большую часть национального дохода страны, аграрные отношения накладывают свою печать на всю экономическую жизнь индийского общества. Несмотря на важность проблемы аграрных отношений, среди опубликованных работ нет, к сожалению, таких, где бы указанная проблема была рассмотрена всесторонне и глубоко.

Причины отсутствия подобной работы, видимо, связаны со сложностью этого вопроса. Аграрные отношения в Индии в силу слабого развития капитализма в сельском хозяйстве отличаются весьма большой локальной пестротой. Поэтому, прежде чем дать серьезную обобщающую работу по аграрным отношениям в Индии в целом, советским историкам и экономистам необходимо более глубоко изучить формы аграрных отношений, сложившихся в различных областях страны. Работа подобного характера ведется. За последние годы были защищены на степень кандидата наук диссертации, в которых освещались аграрные отношения в Тамилнаде и Керале (Г. Г. Котовский), в Пенджабе (В. Г. Растяников), в Бенгалии (Э. Н. Комаров). Но эти работы, к сожалению, еще не опубликованы. Монография Л. Р. Гордон является одним из первых опытов порайонного изучения аграрных отношений в Индии.

Из всех областей бывшей Британской Индии Северо-Западная пограничная провинция была в экономическом отношении одной из наиболее отсталых. В ее горном районе, так называемой полосе племен, большое, если не главное, значение в экономике последнего времени огромную роль играли родо-племенные порядки. Экономически более развитой была восточная часть провинции, или «Административные округа», где с давних времен основным занятием было земледелие и где ко времени завоевания этого района Индии англичанами (в середине прошлого века) уже господствовали феодальные отношения. Те изменения, которые произошли в производственных отношениях главным образом в «Административных округах» провинции за столетие английской колониальной эксплуатации, и являются содержанием монографии Л. Р. Гордон.

В монографии семь глав. В первой главе автор знакомит читателя с аграрным строем, сложившимся на территории Северо-Западной пограничной провинции накануне ее захвата англичанами, с земельной и налоговой политикой колониального правительства до первой мировой войны, а также с последствиями этой политики.

Во второй главе автор рассматривает формы землевладения в провинции и распределение земли между различными категориями землевладельцев в период 1914—1917 гг. Третья глава посвящена процессу дифференциации крестьянства после первой мировой войны. В четвертой главе, в которой исследуется характер арендных отношений, особенно хорошо раскрыты формы издольной аренды (батаи) и эксплуатация наемных сельскохозяйственных рабочих. В пятой главе описываются формы и методы эксплуатации крестьянства торговым и ростовщическим капиталом и делается вывод о роли этой эксплуатации в процессе отделения непосредственных производителей от средств производства, и в первую очередь от земли. Шестая глава посвящена проблеме складывания в Северо-Западной пограничной провинции в связи с развитием капитализма местного рынка труда за счет отлива населения из деревни в города, из слабо развитых в экономическом отношении районов в более развитые. В этой же главе даются сведения об уровне промышленного развития провинции и о положении рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности. В последней, седьмой, главе автор рисует картину кризиса сельскохозяйственного производства, порожденного противоречием между развивающимися капиталистическими отношениями и сохранившимися сильными феодальными пережитками, которые консервировались британским империализмом в интересах извлечения огромных прибылей. Глава завершается кратким очерком антифеодального и антиимпериалистического движения в 1919—1947 гг. и изложением основных выводов, к которым пришел автор в результате исследования аграрных отношений в Северо-Западной пограничной провинции.

Приложения к книге содержат: 1) краткие сведения о важнейших племенах патанов, живущих в Северо-Западной пограничной провинции, 2) словарь индийских социально-экономических терминов, 3) библиографию и схемы расселения патанских племен и административного деления провинции.

На основе доступных источников и обширной литературы Л. Р. Гордон дала интересный очерк аграрных отношений, существовавших в Северо-Западной пограничной провинции между 1914 и 1947 гг. В книге приведены важные статистические и иные данные, свидетельствующие о наличии весьма сильных феодальных пережитков в провинции, основой которых, как правильно подчеркивается в работе, была колониальная и феодально-помещичья собственность на землю. Автор показал, каким образом захватническая политика британского империализма и гнет феодальных пережитков препятствовали развитию капиталистических производственных отношений и привели к тяжелому аграрному кризису, важнейшим проявлением которого была непрекращавшаяся борьба крестьян Северо-Западной пограничной провинции совместно со всеми народами Индии за национальное и социальное раскрепощение.

Соглашаясь с общими теоретическими положениями автора, мы вместе с тем должны отметить, что монография Л. Р. Гордон не свободна от серьезных недостатков. Часть этих недостатков следует отнести за счет источников, поскольку последние не дают ответа на основные вопросы, возникающие при анализе аграрных отношений, но есть в работе и другие недочеты, вину за которые приходится возложить как на самого автора, так и на редакторов этой книги.

Прежде всего неудовлетворительна сама структура работы. Главы книги написаны так, как если бы каждая из них была самостоятельным очерком. Это привело к тому, что автор, касаясь какой-либо из проблем в одной главе, развивает эту проблему в другой главе, а затем возвращается к тому же вопросу в третьей. Достаточно сказать, что в первой главе, которая должна была бы служить введением к главной теме, как это и указано в названии, — и, следовательно, дать картину аграрного строя накануне первой мировой войны, автор, забега вперед, пишет о налоговом грабеже и эксплуатации крестьян помещиками, об экспроприации крестьянских земель в 1929—1933 гг. Во второй главе автор приводит сведения о разложении между 1914 и 1947 гг. общинного крестьянства, тогда как этой проблеме посвящена вся следующая глава, не говоря уже о том, что многие данные, помещенные во второй главе, должны были бы по праву находиться в первой.

Еще более важным недочетом в монографии является то, что Л. Р. Гордон, под-

робно проанализировав аграрную и налоговую политику колониального правительства до первой мировой войны, не осветила с такой же тщательностью конкретных мероприятий британского империализма в той же самой области между 1914—1947 гг. и, в частности, не показала того, как империалистические монополии использовали ирригационные сооружения для ограбления крестьян.

Л. Р. Гордон не сочла нужным остановиться даже на деятельности Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии, хотя при этом широко использовала ее материалы.

Вызывает недоумение и то, что автор монографии, посвященной анализу экономических процессов, происходивших в патанской деревне между двумя мировыми войнами, упустил влияние такого важного фактора, как мировой экономический кризис 1929—1932 гг., оказавший большое влияние на Индию и приведший к массовому обезземелению крестьянства и к колоссальному росту его ростовщической задолженности.

Переходя к частным недочетам рецензируемой работы, следует отметить, что автор, взяв на себя задачу осветить в одной главе ход общественного развития у всех патанов и на всей территории Северо-Западной пограничной провинции чуть ли не с XVI в., не смог дать читателю ясной картины производственных отношений, сложившихся в этой провинции ко времени английского завоевания в середине XIX в. Недостатком главы является и то, что в ней не дается итогов экономического развития провинции к началу первой мировой войны. Дать эти итоги необходимо было уже для того, чтобы читатель мог представить себе характер тех перемен, которые произошли в провинции в период между двумя мировыми войнами. Последние цифровые данные, приводимые в главе, относятся к 90-м годам прошлого столетия. Но автору следовало использовать хотя бы материалы индийских переписей 1901 и 1911 гг. Помимо указанных недочетов, в главе имеются и необоснованные, или противоречивые утверждения.

Весьма необоснованным является, например, заявление автора, что у ряда патанских племен «собственность на оросительные сооружения полностью отделилась от собственности на землю и получила самостоятельное существование» (стр. 11). Это утверждение тем более необосновано, что все сказанное автором о характере владения оросительными сооружениями и о пользовании водой идет вразрез с его утверждением. Противоречиво определение категории хамсая, о которых говорится то как об эксплуатируемых и чуждых общине (стр. 12), то как о членах общины и даже привилегированных (стр. 14); характеристике гулямов как «полурабов — полукрепостных» на стр. 13 противоречит пояснительная сноска на той же странице. Дело автора давать оценку фактам, но нам думается, что присвоение маликами и ханами земли своих обедневших соплеменников (стр. 27) было бы правильнее назвать грабежом, а не покупкой.

Последующие главы в отличие от первой имеют интересный цифровой материал, однако обращение автора с ним довольно небрежное и не всегда продуманное.

Так, на стр. 58 автор пишет, что арендаторов с наследственными правами было менее чем 20%, а на стр. 98 — что их было 21%. Данные о количестве владений собственников и арендаторов на стр. 58 отнесены к 1940 г., на стр. 72 — к 1948 г. Размер владения крестьянина-середняка определяется то в 2—5 га поливной земли (стр. 73), то в 3—8 га (стр. 77), то в 2—8 га (стр. 86). Неубедительно утверждение автора об усилении темпов обезземеления крестьян (стр. 74), поскольку это обосновывается лишь данными двух произвольно взятых лет — 1912/13 и 1925/26 гг. Нуждаются в более глубоком анализе и дополнительном пояснении данные о размерах заработной платы. Так, например, заработная плата ткача Северо-Западной пограничной провинции (стр. 152—153) показана приблизительно равной заработной плате ткача в Бомбее, где, как известно, номинальная заработная плата была самой высокой в Индии. Вызовет у читателя недоумение и то, что в Северо-Западной пограничной провинции заработная плата полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих значительно выше заработной платы квалифицированных.

В монографии отмечается, что в начале 30-х годов в «Административных округах» средний размер владения крестьянина-собственника (включая кулаков) равнялся 2 га (стр. 57). Если читатель захочет определить, чему равнялась средняя величина владе-

ния помещика, он имеет возможность обратиться к данным, приводимым на стр. 55. Здесь говорится, что в 30-х годах в «Административных округах» помещики, составляя 10% населения деревни, владели приблизительно половиной всех обрабатываемых земель, другая же половина принадлежала крестьянам-собственникам, составлявшим 40% сельского населения. Опираясь на эти данные, читатель установит, что среднее количество обрабатываемой земли, принадлежавшей в 30-х годах одному помещику, лишь в четыре раза превышало средний размер владения крестьянина-собственника, т. е. было равно 8 га.

В связи с этим необходимо отметить зыбкость критерия, на основе которого автор относит землевладельцев к категории кулаков или помещиков. Законно возникает вопрос, почему владельцы земли от 8 до 40 га именуется кулаками, а владельцы более 40 га земли — кулаками и помещиками (стр. 87). Это столь же непонятно, как и то, что автор относит к категории крестьян некоего Шер Замана, получавшего от аренды земли, торговых и ростовщических операций до 5—6 тыс. рупий годового дохода (стр. 80).

Вызывает сомнение утверждение автора, что в 30-х годах в руках кулацкой прослойки в Чарсадском районе уже было сосредоточено 37% всей крестьянской земли (стр. 86).

Недостатком рецензируемой работы является отсутствие в ней данных, характеризующих хозяйство бедняка, середняка и кулака, и это несмотря на то, что вопросу классового расслоения в деревне в книге посвящена целая глава. Возможно, что автор не нашел необходимого для этого материала непосредственно по Северо-Западной пограничной провинции. Но, нам кажется, что учитывая весьма относительную точность многих данных, на основе которых в монографии делаются вполне определенные выводы, он мог бы использовать с известными оговорками сравнительно богатый материал по соседней Пенджабской провинции. Эти материалы дали бы читателю некое представление о характере хозяйства всех прослоек крестьянства, об их отношении к рынку, об эксплуатации их помещиками и колониальным налоговым аппаратом и т. д. и позволили бы автору убедительнее обосновать утверждение о наличии серьезных противоречий между кулаками и помещиками, а также доказать возможность участия кулаков в общей борьбе крестьян против помещичьего землевладения.

Хотелось бы в заключение высказать также мнение по поводу списка литературы, приложенного к монографии. Ценный сам по себе, он почему-то включает труды, не имеющие отношения к теме, — например, работы И. П. Петрушевского, А. М. Осипова, Г. А. Шмидта и др.

Однако книга молодого советского индолога содержит интересный конкретный материал и в целом правильную характеристику аграрных отношений в Северо-Западной пограничной провинции, которые окажут помощь при анализе экономического строя Индии накануне ее освобождения от английского колониального ига.

А. М. Осипов

«Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сб. статей под ред. действительного члена АН Таджикской ССР, д-ра ист. наук Б. Г. Гафурова. Сталинабад, Институт истории АН Таджикской ССР, 1954, 460 стр.

Выход в свет сборника статей «Материалы к истории таджикского народа в советский период», изданного к двадцатипятилетию Таджикской ССР, не может не встретить одобрения научной общественности, в частности советских востоковедов. В сборнике рассказывается о том, как таджикский народ под руководством комму-

нистической партии и с помощью великого русского народа сверг власть бухарского эмира и его ставленников, власть царских колонизаторов и русских капиталистов и добился невиданных успехов в своем развитии.

Сборник состоит из предисловия и десяти обстоятельных статей, освещающих в хронологической последовательности основные вопросы истории таджикского народа в период с 1917 по 1950 г.

Статья К. А. Богомоловой «Бухара в период Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года» показывает, как Февральская революция в России всколыхнула трудящихся Бухарского ханства, в котором проживала преобладающая часть таджикского народа. Автор отмечает, что революционные выступления трудящихся Бухары в рассматриваемый период «явились школой подготовки масс к предстоящим решительным революционным схваткам» (стр. 42).

Правильно в целом освещая события в Бухарском ханстве в период Февральской революции, автор вместе с тем приводит весьма мало фактов о жизни тех районов ханства, которые позднее вошли в состав Таджикской ССР. Автор не уточнил до конца и не обобщил все данные о революционной деятельности большевиков в ханстве.

В статье Я. Шарапова «К истории развития Бухарской Народной Советской Республики» освещена ее роль в подготовке перехода на рельсы социализма.

Народные массы Бухарского ханства, сплотившись вокруг Коммунистической партии Бухары, организованной в 1918 г., опираясь на военную помощь советской республики и поддержку трудящихся Туркестана, 2 сентября 1920 г. свергли эмирскую деспотию. Тем самым был ликвидирован очаг контрреволюции и плацдарм интервенционистских сил, и Бухара была провозглашена независимой Народной Советской Республикой. В результате установления народной власти, постепенного вовлечения представителей народных масс в дело управления государством, широкой помощи, оказываемой коммунистической партией и Российской Федерацией, стало возможным успешное осуществление политических, экономических и культурных преобразований, которые подготовили условия для перехода БНСР на путь социалистического развития.

Посланцы коммунистической партии товарищи Фрунзе, Куйбышев и Орджоникидзе оказали большую помощь трудящимся и Коммунистической партии Бухары.

Пятый Всебухарский курултай Советов народных депутатов, подводивший в сентябре 1924 г. итоги четырехлетнего существования БНСР, опираясь на предыдущий опыт борьбы за подготовку материальных и идейных предпосылок для перехода БНСР на социалистический путь развития, принял решение переименовать БНСР в Бухарскую Социалистическую Республику.

Статья Я. Шарапова не свободна от недостатков. Утверждения автора о помощи русского народа, русского пролетариата подчас декларативны. Не показано, в чем же конкретно выражалась помощь Бухаре со стороны коммунистической партии, политотдела Туркфронта и Российской Федерации. Автор статьи не использовал важнейших высказываний В. И. Ленина о великодержавном шовинизме и местном национализме и необходимости беспощадной борьбы с ними. Не показано влияние декретов и мероприятий Советской власти на коренные преобразования в БНСР. Освещение деятельности партийных организаций и Советов зачастую подменяется изложением решений и постановлений местных руководящих инстанций.

В статье «Национально-государственное размежевание в Средней Азии и его значение для образования Таджикской Советской Социалистической Республики» С. А. Раджабов пишет, что национально-государственное размежевание, проведенное в 1924 г., явилось важнейшей вехой в дальнейшем развитии народов Средней Азии по пути их возрождения и расцвета на базе новых, социалистических отношений. Национально-государственное размежевание в Средней Азии стало возможным только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране и мудрой национальной политике коммунистической партии.

Освещая вопрос о национальном размежевании в Средней Азии в целом, С. А. Раджабов, к сожалению, ограничивается лишь несколькими строками о Таджикистане. Поэтому не полностью выяснен вопрос о значении национального размежевания

для образования Таджикской ССР. С. А. Раджабов в основном изложил различные решения и мало затронул жизнь и все те глубинные процессы, которые подготовили базу для проведения национально-государственного размежевания. Статья перегружена пространными цитатами и выдержками из документов. Встречаются в ней и отдельные неточности (стр. 105 и 113).

Статья М. Иркаева «Борьба трудящихся Таджикистана за разгром басмачества» раскрывает перед читателем славные страницы борьбы таджикского народа под руководством коммунистической партии против басмачества.

Империалистические государства, заинтересованные в расчленении Советской России и в отторжении от нее Средней Азии, были вдохновителями и опорой басмачества. Они формировали, вооружали и обучали басмаческие шайки, перебрасывали их на территорию Советской Республики, направляли их действия против Страны Советов.

Авантюрист Энвер-паша, получив поддержку со стороны своих империалистических хозяев и националистов, пробравшихся в руководство БНСР, предъявил 19 мая 1922 г. Советскому правительству ультиматум, в котором требовал признания «создаваемого» им, Энвером, государства в составе Бухары, Туркестана и Хивы. Энвер потребовал вывести части Красной Армии с этих территорий в двухнедельный срок. Для организации отпора бандам Энвера и их разгрома были присланы части Красной Армии. Коммунистическая партия послала в Бухару верного ученика и соратника В. И. Ленина — Серго Орджоникидзе. Банды Энвера были разгромлены, а сам Энвер был убит.

Банды басмачей нанесли огромный ущерб народному хозяйству Таджикистана. Общая посевная площадь в 1924/25 г. по сравнению с 1914 г. сократилась до 48,1%, общее поголовье скота — до 52,1%, а валовая продукция народного хозяйства — до 44,2%.

Изгнание в 1926 г. Ибрагим-бека за пределы СССР и распад шаяк басмачей создали возможность приступить к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Уже к 1927—1929 гг. Таджикистан добился восстановления и дальнейшего роста народного хозяйства. Общая посевная площадь в конце 1929 г. составила 142% по сравнению с 1914 г., а по хлопку превысила этот уровень в два с лишним раза. Большие успехи были достигнуты в промышленности, начала развиваться национальная культура таджикского народа.

В 1929 г. Таджикская АССР была преобразована в союзную республику и стала равноправным членом великого союза суверенных советских социалистических республик.

В статье Иркаева имеется много новых данных о борьбе таджикского народа против басмачества, но при описании этой борьбы автор зачастую больше внимания уделяет действиям банд басмачей и в меньшей степени описывает подвиги Красной Армии и трудящихся Таджикистана, одержавших победу над басмачами. Не получила должного освещения в статье и работа партийных организаций Таджикистана в рассматриваемый период.

В следующей статье, написанной Ю. А. Николаевым, рассматривается проделанная в Таджикистане работа по укреплению органов государственной власти в 1924—1929 гг.

Как справедливо отмечает Ю. А. Николаев, задачи социалистического строительства, подъема экономики и культуры народа требовали прежде всего оживления работы Советов, через которые и было возможно самое широкое вовлечение в социалистическое строительство трудящихся масс Таджикистана. Советизация означала не только повсеместное создание Советов, но и борьбу за их бедняцко-средняцкий состав, борьбу против националистов, которые старались пробраться в Советы, используя унаследованную от прошлого политическую отсталость населения. Успешному развертыванию работы Советов, повышению активности масс способствовала мудрая политика коммунистической партии и Советского правительства. Яркой иллюстрацией этой политики в рассматриваемый период является постоянная помощь Советского правительства Таджикистану.

Однако в целом вопрос о помощи таджикскому народу со стороны русского народа в советском строительстве изложен в статье Ю. А. Николаева не конкретно и не полно. Автор ограничивается в основном освещением работы Советов как органов власти. Деятельность коммунистической партии по укреплению органов государственной власти в Таджикистане не показана. Не раскрыты в статье также и специфические особенности и трудности работы Советов в Таджикистане в тот период.

Статья К. Марсакова «Развитие народного хозяйства Таджикистана в годы второй пятилетки» на цифрах и фактах показывает огромные достижения таджикского народа в развитии экономики и культуры за годы второй пятилетки.

Быстрое экономическое и культурное развитие Таджикистана, как указывает автор статьи, стало возможным благодаря огромной помощи Советского правительства Таджикистану. Так, например, только дотация Таджикистану из союзного бюджета за восемь лет, с 1928 по 1935 г., составила 435,4 млн. руб. (стр. 240). В Таджикистане были созданы предприятия строительной, шелковой, консервной, маслобойной, хлопкоочистительной, текстильной промышленности. Развилась товарооборот, торговая сеть, дорожное строительство и т. д. Проводилась большая работа по укреплению колхозов и совхозов, созданию МТС. В процессе подготовки новых, квалифицированных кадров и развития промышленности республики выросли кадры национального рабочего класса. Таджикская женщина, веками забитая и обездоленная, стала полноправной активной участницей социалистического строительства.

В области сельского хозяйства особенно разительны были перемены в хлопководстве. Таджикистан стал основной базой СССР по производству тонковолокнистого хлопка. Развилось зерновое хозяйство, животноводство, шелководство и другие отрасли сельского хозяйства.

Было введено обязательное начальное обучение, создана система школ по ликвидации безграмотности и малограмотности. К концу второй пятилетки в республике функционировали пять вузов, 28 техникумов и других специальных средних учебных заведений. Была развернута широкая сеть библиотек, клубов, театров, учреждений здравоохранения и т. п. (стр. 272—273). Научная работа в республике возглавлялась базой Академии наук СССР, созданной в 1932 г.

В качестве недостатка этой статьи сборника следует отметить ее перегруженность цифровым материалом, перечисление, без особой на то надобности, многочисленных решений партийных и советских органов и отсутствие теоретических обобщений.

Статья К. А. Богомоловой «Экономическое и культурное строительство в Таджикистане накануне Великой Отечественной войны» показывает развитие экономики и культуры Таджикистана в третьей пятилетке.

Накануне Великой Отечественной войны партийная организация республики провела большую работу по повышению производительности труда и расширению социалистического соревнования в промышленности. Строились новые заводы, фабрики, электростанции, расширялись старые предприятия.

В социалистическом сельском хозяйстве Таджикистана были значительно увеличены площади под хлопок, особенно под отечественными тонковолокнистыми сортами. Для этого потребовалось возведение новых гидротехнических сооружений, постройка каналов, обводнение новых земель. Вахшская долина из пустыни была превращена в цветущий оазис, где таджикские хлопкоробы стали получать невиданные урожаи ценнейшего тонковолокнистого хлопка. В 1938 г. колхозы республики сдали хлопка государству в 3,6 раза больше, чем в 1934 г. Успешно развивалось животноводство, зерновое хозяйство, садоводство и другие отрасли сельского хозяйства.

Эти успехи стали возможны благодаря успешной коллективизации сельского хозяйства и широкой его механизации. В 1939 г. на колхозных полях работало 3362 трактора, 100 комбайнов, 170 сложных молотилок (стр. 289).

Увеличивались ежегодные ассигнования на просвещение, здравоохранение и искусство. В 1940 г. на нужды просвещения, здравоохранения и искусства было израсходовано 322 млн. руб., или 62% всего бюджета республики (стр. 301). База Академии наук

СССР в Таджикистане в 1941 г. была реорганизована в филиал Академии наук СССР. Были воспитаны многочисленные национальные кадры работников культуры.

Партийная организация республики большое значение придавала работе по расширению женщин-таджичек и включению их в активную общественную жизнь. В конце 1939 г. в местные Советы депутатов трудящихся было избрано 4178 женщин, председателями и заместителями председателей колхозов в 1940 г. работали 214 женщины, а 86 женщин были депутатами Верховного Совета Таджикской ССР (стр. 308).

Статья К. А. Богомоловой, хотя и перегружена цифровым материалом и перечислением различных решений, тем не менее читается с интересом. К сожалению, в статье ко однобоко: они сведены к цифровым данным. В ней не анализируется фактический материал, приведенный автором, нет глубоких теоретических выводов.

Статья «Подвиги воинов Таджикистана на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза», написанная Б. Искандаровым и А. Рустамовым, отображает героическую борьбу сынов Таджикистана, плечом к плечу со всем советским народом сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков. Только в 1944 г. более десяти тысяч воинов Таджикистана были награждены орденами и медалями Союза ССР, а десяти воинам было присвоено звание Героя Советского Союза (стр. 337). Это — результат неустанной работы партийных организаций в массах, направленной на воспитание рабочих, крестьян и молодежи в духе советского патриотизма.

Но и данная статья значительно выиграла бы при более строгом отборе фактического материала и теоретическом обобщении приводимых интересных порой фактов.

Статья Л. П. Сечкиной «Промышленность и сельское хозяйство Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» посвящена героическому труду рабочих, колхозников и интеллигенции Таджикистана.

Отечественная война советского народа против фашизма вызвала невиданный трудовой подъем в тылу, в том числе и в Таджикистане. Ушедших на фронт колхозников и рабочих заменяли женщины и пенсионеры. К началу 1942 г. число женщин, занятых в промышленности республики, было примерно на 14% больше, чем до войны. На электростанциях численность женщин-работниц выросла более чем в шесть раз (стр. 350).

Для снабжения фронта продовольствием, промышленности — сырьем самоотверженно трудились в тылу и колхозники. В Таджикистане было резко увеличено производство зерновых культур, расширены посевные площади, повышена урожайность, освоены новые технические и продовольственные культуры. Роль женщин в колхозах особенно возросла. Сотни женщин стали трактористками, комбайнерами и другими специалистами сельского хозяйства.

Трудовой героизм рабочих, колхозников и интеллигенции Таджикистана в те грозные годы был высоко оценен партией и правительством: 102 тыс. человек были награждены орденами и медалями СССР (стр. 379).

Сборник заканчивается статьей В. А. Козачковского «Таджикская ССР в первой послевоенной пятилетке (1946—1950 гг.)».

Пятилетний план 1946—1950 гг. был направлен на дальнейший рост могущества нашей родины, на повышение благосостояния всего советского народа. Промышленность республики выполнила план послевоенной пятилетки. Добыча угля увеличилась по сравнению с 1940 г. в 2,2 раза, производство электроэнергии — в 2,7 раза, цветных металлов — более чем в 1,5 раза, хлопка-волокна — на 15%, шелковых тканей — в 3,8 раза, хлопчатобумажных тканей — в 5 раз.

За годы первой послевоенной пятилетки успешно развивалось и сельское хозяйство республики. Колхозы и совхозы получили большое количество техники. Валовой сбор хлопка уже в 1947 г. достиг довоенного уровня, а по урожайности этой культуры Таджикская ССР вышла на первое место в Советском Союзе и прочно удерживает его (стр. 420).

В 1948 г. таджикские хлопкоробы превысили плановое задание последнего года

пятилетки — 1950 г. К концу пятилетки площадь под хлопком равнялась 146,6 тыс. га и превышала довоенный уровень на 31%. Площадь орошаемых земель, благодаря выполнению больших ирригационных работ в Вахшской и Гиссарской долинах, выросла по сравнению с 1940 г. на 14% (стр. 439). За годы пятилетки валовой сбор хлопка-сырца увеличился в 3,3 раза, в том числе тонковолокнистых сортов — в 5 раз. Были обеспечены значительные успехи и в других отраслях сельского хозяйства.

Успехи сельского хозяйства Таджикистана в послевоенной пятилетке вновь продемонстрировали огромные преимущества советских форм ведения сельского хозяйства, позволивших в короткие сроки продвинуть его далеко вперед.

Большая работа за пятилетку была проделана и по культурному строительству. В 1948 г. в Сталинабаде был открыт Таджикский государственный университет. К концу пятилетки в республике насчитывалось уже 9 вузов и 31 техникум. В них обучалось свыше 18 тыс. человек (стр. 446). Большое внимание уделялось подготовке кадров учителей и, в частности, учительниц. Увеличилось число культурно-просветительных и оздоровительных учреждений и была улучшена их деятельность.

Число врачей в республике увеличилось в 28 раз, лиц среднего медперсонала — в 26 раз, больниц — с 22 до 173, других лечебных учреждений — с 76 до 827.

В 1929 г. в республике не было ни одного научно-исследовательского института. К двадцатипятилетию республики уже имелось 43 научно-исследовательских учреждения, среди научных работников 28 докторов и 260 кандидатов наук. Образована Академия наук Таджикской ССР.

Четверть века назад в Таджикистане был один театр. Сейчас в республике восемь театров. Они знакомят зрителей с лучшими произведениями мировой, русской и советской драматургии.

В Таджикистане, как и во всех советских республиках, огромное развитие получила национальная литература. Произведения таджикских писателей Садриддина Айни, Мирзо Турсун-заде и Мирсаида Миршакара были по достоинству оценены советской общественностью.

Непрерывно улучшалось материальное благосостояние народа.

Двадцатипятилетие Таджикской ССР (1929—1954 гг.), широко отмечавшееся в республике, таджикский народ встретил новыми успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры.

Рецензируемый сборник статей, как видно из вышеприведенного материала, является полезным трудом для подготовки более полной коллективной работы по истории таджикского народа в советский период, для ознакомления широкой общественности с достижениями Таджикской ССР за годы советской власти.

Однако в сборнике, помимо указанных недостатков по отдельным статьям, имеется ряд существенных пробелов, характерных для сборника в целом. Многократно повторяемая в каждой статье мысль о том, что успехи таджикского народа стали возможными благодаря помощи великого русского народа, мало подкреплена фактами и выглядит «привеском» к статьям. Здесь необходимо было провести широкую исследовательскую работу, в результате которой было бы убедительно показано, что без всесторонней бескорыстной помощи прежде всего великого русского народа, пославшего в Таджикистан сотни и тысячи своих сынов — партийных и советских работников, квалифицированных рабочих, специалистов сельского хозяйства, научных работников, работников культуры и искусства, невозможно было за такой исторически короткий срок успешно построить социализм в бывшей отсталой колониальной окраине царской России.

Еще более слабо освещена помощь таджикскому народу со стороны других народов СССР. Недостаточно полно показана в сборнике также деятельность партийных организаций республики, нет глубокого анализа их работы. В частности, почти совсем не говорится о повседневной работе низовых партийных организаций и Советов, проводивших в жизнь решения партии и правительства. В сборнике обойдены также и вопросы о становлении и оформлении таджикской социалистической нации, о развитии Таджикистана в годы первой пятилетки. Кроме этого, общим недостатком большинства статей рецензируемого сборника является перегруженность их цифровым мате-

риалом, перечислением многих постановлений и решений в ущерб теоретическим обобщениям и выводам. Упущением, на наш взгляд, является и то, что к сборнику не приложена географическая карта Таджикистана.

Все же, несмотря на недостатки, сборник заслуживает в целом положительной оценки. Он дает предварительный материал для создания в будущем научных трудов по истории таджикского народа в советский период.

К. Х. Ханазаров

«Современная Индонезия». М.—Л., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, 157 стр., илл., 2 л. карт.

Индонезия — одна из тех стран Востока, которые совсем недавно освободились от колониального ига и идут своим самостоятельным путем, строя национальную экономику и развивая национальную культуру. Советские люди выражают горячее сочувствие борьбе индонезийского народа против непрекращающихся попыток колонизаторов снова надеть на Индонезию колониальное ярмо и стремлению индонезийцев строить свою жизнь без иностранного вмешательства. Поэтому каждая новая книга об Индонезии, дающая представление о борьбе и успехах индонезийского народа, встречается нашей общественностью с большим интересом. Так было воспринято и появление в 1955 г. переведенной на русский язык книги «Современная Индонезия», изданной Министерством информации Индонезийской республики. «Цель этой книги, — говорится в введении к ней, — дать некоторые общедоступные сведения о нашей стране и о нашем народе... Мы надеемся, что она даст достаточно интересного материала для первоначального знакомства с современной Индонезией. И эту свою задачу книга, бесспорно, выполняет.

Министерство информации полагало, что ознакомление зарубежного читателя с этой книгой «будет содействовать взаимопониманию между Индонезией и другими странами», что является «одним из условий плодотворного сотрудничества» (стр. 28).

В книге приведен большой материал о городах Явы, Сулавеси (Целебеса), Калимантана (Борнео) и острова Бали. При этом дается подробная характеристика экономического значения отдельных городов и районов, описывается ремесленное производство Семаранга, Джокьякарты, Макассара и других.

Авторы отмечают, что различные районы Индонезии отличаются один от другого по типу жителей, языку и одежде, по обычаям и фольклору. В книге вместе с тем проводится идея национального единства страны. «Индонезия, — подчеркивают авторы, — представляет собой один народ, одну нацию» (стр. 18).

В книге показано, как индонезийцы, «самые мягкие на земле люди», как часто называли их иностранцы, — когда требовалось, подымались с оружием в руках против угнетателей.

Авторы напоминают имена народных героев — Сурапати (XVII в.), Дипо Негоро (XIX в.), говорят о сопротивлении, оказанном голландцам султаном Аче в конце XIX — начале XX в. Они пишут о борьбе индонезийского народа против японских оккупантов, об отпоре английским захватчикам после провозглашения республики, когда 10 ноября 1945 г. в Суракарте произошло сражение между молодой индонезийской армией и высадившимися здесь английскими войсками. Этот день индонезийский народ отмечает как День героя.

Советскому читателю странно читать те места книги, где сообщается, что в Индонезии живут люди, «которые соблюдают правила гигиены и любят уют и что их образ жизни мало чем отличается от жизни цивилизованных людей в других странах» (стр. 32). Но подобные заявления оправданы. Они направлены против клеветнических высказываний реакционной западноевропейской и американской печати о варварстве, дикости, нецивилизованности индонезийцев.

В книге, однако, имеются пробелы. Авторы замалчивают факт экономического

засилья иностранных монополий в стране. Между тем известно, что еще в 1954 г. 96% крупных плантаций Индонезии принадлежали иностранцам и только 4% — индонезийцам. В плантационном хозяйстве страны орудуют такие крупные монополистические объединения, как голландские компании «Аврос», «Зюйд ен Вест Суматра Синдикат», «Дели Плантер Ферайниген», английские — «Гаррисон энд Кронсфильд», «Гудри энд Компани», «Томас Барлоу», американские — «Гудайр Тайр энд Раббер К°», «Юнайтед стейтс Раббер К°» и другие.

О том, какие выгоды извлекают иностранные монополии из эксплуатации природных богатств и народа Индонезии, говорит следующий пример. Газета «Де Ваархайд» 12 декабря 1952 г. писала, что в 1952 г. компания «Нголебзи», имеющая плантации в Индонезии, получила больше 1 млн. гульденов прибыли, причем правление компании заявило, что в 1952 г. дела компании шли не хуже, чем в 1951 г. Капитал компании — 2 млн. гульденов. Таким образом, за два года компания получила огромные доходы, равные инвестированному капиталу.

Хотя основные позиции в экономике страны занимает голландский капитал (в 1953 г. на долю Голландии приходилось 70% иностранных капиталовложений в Индонезии), США с каждым годом все сильнее теснят одного из своих «младших партнеров». Так, если в 1951 г. на долю американских компаний приходилось 43,5% добычи нефти, то в 1954 г. две американские компании («Станвак» и «Калтекс») добывали уже больше 50% индонезийской нефти.

В книге ничего не говорится об экономической разрухе, вызванной японской оккупацией, о продолжительной борьбе за независимость страны, о трудностях, с которыми сталкивается молодая республика. Если бы авторы затронули эти проблемы, книга стала бы еще более яркой.

Следует сказать о качестве перевода и о редактировании книги. Перевод не всегда правилен. Так, не понятно, что автор введения понимает под «следами мирного анимизма» (стр. 22), пока не обратись к английскому тексту и не прочтешь: «the gentle animism» «легкие следы анимизма». Странно также, что индуизм отнесен к анимистическим культам, ибо фразу «and the far greater civilisation above it which it aroused» можно перевести только так: «и более высокая ступень цивилизации им (индуизмом) порожденная» (стр. 22; стр. 7 англ. текста).

В индонезийском языке буква j читается не на английский, а на немецкий манер, поэтому слово «rajong» будет звучать, как «паёнг», а не «паджонг» и «Kemaajan» как «Кемаёран», а не «Кемаджоран». Сочетание dj читается, как «дж», поэтому название улицы «Gadja Mada» следует произносить как «Гаджа Мада», а не «Гадья Мада». Сочетание же tj читается как «ч», поэтому слово «betjak» будет произноситься не как «бетчак», а как «бечак», или, еще правильнее, — «бэча».

Желательно, чтобы Издательство иностранной литературы более оперативно выпускало такие книги, как «Современная Индонезия». Жизнь идет вперед. Если несколько лет назад Яванский банк был наполовину, как это сказано в книге, собственностью республики, то ныне он национализирован полностью и переименован в Индонезийский банк. Если несколько лет назад, как сообщается в книге, в Джакарте издавались четыре главные газеты на индонезийском языке, то в настоящее время — двенадцать, не считая двух газет на индонезийском языке для китайского населения¹.

В. В. Сикорский

¹ «Short Guide Djakarta-Bogor-Bandung», Ministry of Information of the Republic of Indonesia.

Т. А. BISSON. *Zaibatsu dissolution in Japan*. University of California press, 1954, 314 p.

Книга американского экономиста Т. А. Биссона «Роспуск дзайбацу в Японии» посвящена экономическим мероприятиям оккупационных властей США, предпринятым в послевоенный период по отношению к крупнейшим японским монополиям. Автор пытается разобраться в характере экономических изменений, которые произошли в послевоенной Японии. Большой фактический материал, приводимый в книге, и ряд высказываний автора позволяют создать в общем правильное представление об этих изменениях.

В книге Биссона много данных, свидетельствующих о самых тесных связях дзайбацу¹ с правящими кругами Японии как во время войны, так и в последующий период, прослеживаются связи дзайбацу с американскими деловыми кругами, отмечается преемственность между новыми и прежними японскими финансовыми кликами. Немногим более десятка крупных монополий во главе с «большой четверкой» — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда» — до войны и во время ее руководили всей политической и экономической жизнью страны.

В своем исследовании Биссон в основном описывает мероприятия американских оккупационных властей по отношению к четырем концернам и их дочерним компаниям, одновременно он дает представление о масштабах деятельности финансового капитала Японии. Крупнейший японский концерн «Мицуи» в 1937—1946 гг. объединял 336 компаний в самых различных отраслях промышленности и торговли; на предприятиях этого концерна работало до 3 млн. рабочих и служащих, а на предприятиях «Мицубиси» было занято около миллиона человек (стр. II).

Ведущую роль в упомянутых выше четырех концернах играли основные акционерные компании — «хонся». Они диктовали свою волю в различных отраслях экономики. Важным звеном в системе концернов в целом были также их главные филиалы, часто выступавшие в роли «хонся» и имевшие в свою очередь большое число собственных дочерних компаний.

«В любой из периодов, — пишет автор, — начиная с 20-х годов, дюжина крупнейших концернов контролировала выпуск подавляющей части продукции шахт и предприятий, а также почти всю торговую и финансовую деятельность» (стр. 12). В последующие годы дзайбацу еще больше усилили свой контроль. Во время войны на Тихом океане, когда возникли мощные промышленные и банковские «контрольные ассоциации», образованные концернами и занимавшиеся распределением сырья и финансов, дзайбацу, как пишет Биссон, придали «силу закона тому курсу, которому они стремились следовать, тем самым искусственно усиливая доминирующие экономические позиции, уже занятые концернами» (стр. 13).

Ярким показателем роста концентрации и влияния дзайбацу является деятельность банков. С 1927 по 1945 г. число банков в Японии сократилось с 1031 до 61, причем дзайбацу контролировали 11 банков, сосредоточивших 56,6% всех активов и 70,8% займов, ссуд и т. д.

Биссон приводит подробные данные о доходах концернов в 1936—1946 гг., о сверхприбылях, которые получали наиболее мощные компании.

С 20-х годов магнаты дзайбацу стали усиленно подчинять себе высшие органы власти. Почти все премьер-министры, независимо от того, были ли они генералами, адмиралами или штатскими, являлись «представителями консервативных блоков, тесно связанных с концернами». Они готовили и вели агрессивную войну и поставили Японию на край пропасти.

Поскольку оккупация территории Японии была произведена американскими войсками, задачу роспуска дзайбацу американцы взяли на себя. Правящие круги США не могли не учитывать настроений мирового общественного мнения и американского

¹ «Дзайбацу» — букв.: «финансовая клика», или «финансовая олигархия». В научной литературе этим словом принято обозначать крупнейшие японские монополии в промышленности, финансах и торговле.

народа в первый период после войны и поэтому шли на обещания и обязательства пересмотреть систему дзайбацу.

В то же время правительство США была связано Потсдамской декларацией союзников и директивами Дальневосточной комиссии, разработанными на основе Потсдамской декларации и известными под названиями «Основная послевоенная политика для Японии» и «Политика в отношении чрезмерной концентрации экономической мощи в Японии» (директива Дальневосточной комиссии № 230 — «ДВК-230»). Принятие этих директив в известной степени объяснялось и прямой заинтересованностью американских монополистических кругов, стремившихся к ослаблению Японии — бывшего конкурента США.

Вопреки настойчивым требованиям советских представителей в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии провести широкую и полную деконцентрацию экономической мощи концернов, американцы осуществили лишь такого рода преобразования, которые были выгодны американским монополиям и содействовали проводимому ими агрессивному курсу.

В предлагаемой вниманию читателя книге Биссона дается последовательное изложение странной политики США по отношению к дзайбацу. Поэтому целесообразно остановиться на отдельных разделах этой книги.

* * *

В главах «План Ясуда» и «Замораживание активов дзайбацу» Биссон описывает первые мероприятия оккупационных властей, предпринятые против японских концернов в октябре 1945 г. Это свелось к тому, что представителям крупнейших японских монополий было предложено самим выработать план роспуска их концернов. Когда магнаты дзайбацу подготовили этот план, он был передан в штаб оккупационных войск и утвержден им. Основные элементы плана были разработаны заправилами концернов «Ясуда». Впоследствии к ним присоединились и финансисты концернов «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо». «План Ясуда» предусматривал самоликвидацию головных компаний четырех концернов и передачу их акций и всей собственности в распоряжение Ликвидационной комиссии, созданной японским правительством. В задачу комиссии входила реализация ценных бумаг среди новых собственников и капитализация вырванных сумм в виде государственных бон, не реализуемых в течение десяти лет. Устанавливалось, что по истечении этого срока ценные бумаги перейдут к бывшим собственникам. Следовательно, через десять лет финансовые магнаты получали фактически компенсацию за свою собственность. В начале предусматривалось отстранение с постов в компаниях членов семей дзайбацу и передача Ликвидационной комиссии акций, принадлежащих филиальным компаниям дзайбацу.

Критикуя план, Биссон пишет, что акции, пущенные в распродажу якобы для обеспечения максимума демократизации собственности, могли быть куплены лишь представителями прежних концернов или представителями новых, нажившихся на инфляции, т. е. фактически в основном остаться в руках монополистов. Отстранение с постов в компаниях членов семей дзайбацу было формальным, так как они попрежнему продолжали действовать из-за кулис, используя ранее назначенный ими персонал, воспитанный в духе рабской приверженности к финансовой олигархии. В то же время план не затронул и крупные филиальные компании концернов в промышленности, торговле и финансах, составлявшие широкую основу концернов. Биссон пишет: «Крупные филиальные компании дзайбацу могли продолжать свою деятельность под руководством прежних должностных лиц. Там же, где филиальные компании одновременно были и держательскими компаниями, как это часто имело место, они могли сохранить свою сеть филиальных и других связанных с ними компаний» (стр. 75). В результате подобного «упущения», пишет автор, не предпринималось до 1947 г. никаких мер против этих крупных звеньев в структуре дзайбацу.

В момент своего появления «план Ясуда» был подвергнут резкой критике не только со стороны демократической общественности Японии, но и среди определенных амери-

канских деловых кругов. В результате этого недовольства в Японию была направлена миссия К. Эдвардса. Эта миссия в качестве дополнения к плану разработала ряд положений, которые и легли в основу нового документа: «Директива Дальневосточной комиссии № 230». Этим документом предусматривались мероприятия, направленные против всех остальных звеньев дзайбацу.

Тем временем то, что было сделано по «плану Ясуда», свелось лишь к передаче Ликвидационной комиссии ценных бумаг головных компаний пяти крупнейших концернов (к первым четырем был добавлен еще концерн «Накадзима»). В конце 1946 г. штабом оккупационных войск была дана директива о замораживании личных активов еще нескольких семей дзайбацу, а именно: Анкава, Асао, Фурукава, Номура и Окура. Этим было затронуто 14 концернов. Осуществление упомянутых мер растянулось почти на два года, что объяснялось политикой оккупационных властей и, в частности, тем, что контроль за выполнением этих мер больше года сосредоточивался в руках министерства финансов Японии, руководимого ставленниками дзайбацу. Тем не менее, оценивая окончательные результаты мер, проведенных по отношению к главным семьям дзайбацу, Биссон считает, что значительную часть своих богатств они утратили. Им, однако, удалось все же сохранить часть активов и в особенности наличный капитал, так как активы до июня 1946 г. не замораживались. Администрация концернов, оставшаяся на местах, в «значительной мере сохраняла свои позиции в экономике до лета 1947 г., а после чистки продолжала оказывать влияние на политику своих преемников» (стр. 94).

Заслуживает упоминания отмечаемый Биссоном факт о группе лиц, наживших большие состояния уже в условиях послевоенной инфляции и связанных с дзайбацу. Так называемые «новые» группы стали играть большую роль в послевоенной экономике Японии. Биссон относит к ним тех лиц, которые располагали тайными складами товаров и наживались на бешеной спекуляции на черном рынке. Еще более широкими возможностями для сколачивания капиталов располагали ставленники дзайбацу — так называемые «кодан» — питат служащих «общественных корпораций», частично заменивших в 1947 г. контрольные ассоциации. «Со значительно большей легкостью, чем выскочки-спекулянты черного рынка, они могли использовать как официальные и законные виды экономической деятельности, так и неофициальные, незаконные» (стр. 95).

Руководство экономикой, подчеркивает Биссон, оставалось попрежнему в руках тех же лиц, которые и ранее были тесно связаны с дзайбацу. «Если даже предположить, — пишет он, — что семейства дзайбацу потеряли все и что их место заняли ведущие члены из группы ответственных служащих дзайбацу, то и тогда в лучшем случае произошло лишь небольшое уменьшение концентрации у вершины пирамиды» (стр. 96).

В главе «Роспуск держательских компаний» автор³ описывает деятельность Ликвидационной комиссии по роспуску головных держательских компаний концернов.

Ликвидационная комиссия должна была изъять ценные бумаги у «хонся» и распределить их среди новых собственников с последующей компенсацией прежним владельцам. Но состав самой комиссии был укомплектован лицами, связанными с монополиями. Председатель комиссии Тадао Сасаяма ранее был директором Промышленного банка Японии и служил в банке Ясуда. Влиятельный член комиссии Ивадзиро Нода служил в концерне «Мицуи буссан». Члены Ликвидационной комиссии были связаны с либеральной и прогрессивной партиями — «партиями дзайбацу», как называет их Биссон (в настоящее время обе партии не существуют под такими названиями; лица, входившие в них, объединились в одну партию под названием либерально-демократической. — Л. В.). Таковы были обстоятельства, определявшие характер мероприятий Ликвидационной комиссии.

В конце 1946 г. Ликвидационная комиссия начала изымать ценные бумаги у держательских компаний, а последние операции, включая и изъятие бумаг у филиальных компаний, закончила в июне 1951 г. Ликвидационной комиссией и другими органами власти у держательских компаний было изъято и подлежало рассредоточению

ценных бумаг на 18,4 млрд. иен — 42% оплаченных ценных бумаг, которые были в обращении в конце 1946 г.

План роспуска дзайбацу предусматривал полную реорганизацию 83 держательских компаний («хонся»). На деле же были упразднены лишь 42 компании. Как отмечается в книге, в результате роспуска части «хонся» из-под их контроля высвободилось значительное число более мелких компаний. Не так просто оказалось «рассредоточить ценные бумаги на широкой основе», т. е. распределить акции среди большого числа владельцев для уменьшения концентрации собственности. Контроль над распределением большего числа акций оказался мало эффективным. Биссон констатирует: «Общий обзор распределения акций говорит о том, что собственность на ценные бумаги продолжает оставаться очень концентрированной» (стр. 121).

Специальная глава рецензируемой книги посвящена «реорганизации» главных филиальных компаний концернов дзайбацу. Под главными филиальными компаниями подразумевалась третья ступень в системе дзайбацу, непосредственно следующая за самими дзайбацу и держательскими компаниями («хонся»). Многие из этих главных компаний имели более широкую сеть филиальных компаний, чем «хонся», отличаясь также огромной концентрацией экономической мощи и по сути дела являясь вторыми «хонся». Без принятия суровых мер в отношении этих компаний не могло быть и речи о полной ликвидации влияния «хонся». Вопрос о том, насколько «успешными» явились эти меры, и разбирается в данной главе.

«Реорганизация» указанных компаний планировалась первое время по линии распределения межкорпоративной собственности в виде ценных бумаг (т. е. путем уничтожения связей между «хонся» через совместную собственность), деконцентрации монополий, увольнения директоров и управляющих, контролировавшихся дзайбацу:

Биссон приводит немало материалов, позволяющих судить о том, как японские и связанные с ними американские монополии переходили от скрытого саботажа деконцентрации к прямому отказу от нее в 1948 г.

Каким же образом осуществлялась деконцентрация крупных филиальных компаний? Распределение межкорпоративной собственности в виде ценных бумаг задело лишь 616 крупных компаний вместо намечавшихся по плану более чем 1200 (не считая относительно мелких). Однако и у этих 616 компаний большая часть акций осталась незатронутой.

Главную роль при осуществлении «реорганизации» филиальных компаний был призван сыграть так называемый «закон о деконцентрации», предусматривающий в интересах общественного благосостояния регулирование и ограничение «чрезмерной концентрации» капитала. Проект подобного закона был внесен в парламент. На обсуждение проекта ушло много времени, ибо он натолкнулся на ярое сопротивление консервативных партий, стремившихся выхолостить суть закона. В конце концов в неузнаваемом виде проект закона был утвержден. Он стал известен под названием «закон о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи». Установление «чрезмерной концентрации экономической мощи» определялось объемом выпускаемой продукции в процентном отношении ее ко всей продукции страны и т. п. Проводить закон в жизнь должна была Ликвидационная комиссия.

Большое внимание в книге Биссона уделено борьбе монополистических кругов против закона о деконцентрации как в Соединенных Штатах, так и в Японии. В США, пишет Биссон, имела место пропагандистская шумиха, поднятая американской реакционной печатью, также имели место выступления против деконцентрации и в американском сенате. Все это происходило незадолго до рассмотрения законопроекта в японском парламенте, причем в американском сенате делались прямые заявления о «чрезмерных масштабах» плана роспуска дзайбацу и высказывалось беспокойство относительно тех расходов, которые США должны якобы были бы понести в результате предстоящего «краха» японской экономики, если произойдет роспуск дзайбацу. Многие сенаторы требовали в корне пересмотреть план деконцентрации. Все это окрыляло японские монополистические круги.

Биссон пишет далее о ревизии и отказе от деконцентрации после принятия закона

парламентом. Он, в частности, ссылается на приезд в Японию (март 1948 г.) миссии во главе с заместителем военного министра США Дрейпером, появление которой «создало атмосферу радости в Японии». Но итоги деятельности новой миссии свелись к тому, что она «предупредила о возможных пагубных результатах» деконцентрации. Она рекомендовала «ограничение реорганизации до министерство США вскоре назначило специальную комиссию для наблюдения за ходом выполнения закона о деконцентрации. Как и следовало ожидать, в состав комиссии вошли представители крупнейших американских монополий. Уже в сентябре 1948 г. на совместном совещании членов американской комиссии военного министерства США и членов Ликвидационной комиссии были выработаны «принципы», сводившие на нет деконцентрацию в Японии. А 9 декабря 1949 г. американцы официально отказались от поддержки «ДВК-230».

Через восемь месяцев, в результате деятельности комиссии военного министерства США и Ликвидационной комиссии, из 325 компаний, предназначенных вначале к реорганизации, 297 было вычеркнуто. Реорганизация коснулась лишь 25 компаний. Факты, приводимые Биссоном, показывают, насколько подобная «деконцентрация» была малоэффективной. В промышленности продолжал функционировать ряд крупнейших концернов (филиальных компаний) — компания химической промышленности «Мицуи», компания электропромышленности «Мицубиси», металлургическая компания «Ниппон кокан» и многие другие. Они контролировали производство в отдельных отраслях промышленности в размерах 50 и более процентов.

По мнению автора исследования, несколько действенной прошла реорганизация монополий в области торговли. Она коснулась крупнейших торговых компаний дзайбацу — «Мицуи буссан» и «Мицубиси сиюдзи». Но и по отношению к ним меры стали проводиться лишь с середины 1947 г., а до этого они свою деятельность продолжали без каких-либо ограничений.

В результате проведенной реорганизации монополий в торговле к 1949 г. осталось лишь свыше 300 небольших компаний. Но вскоре их число, пишет Биссон, сократилось. Крупные компании вновь стали занимать доминирующие позиции.

Политика лжероспуска монополий, проводившаяся американскими оккупационными властями, наиболее полно проявилась на примере банков. Крупные коммерческие банки дзайбацу не были затронуты деконцентрацией. «Реорганизация» в банковском деле ограничилась лишь переименованием названий банков. Банк «Мицубиси» стал называться «Цийода», «Сумитомо» — банком «Осака», «Ясуда» — банком «Фудзи», а банк «Санва» даже сохранил свое название. Лишь банк «Тейкоку» (Мицуи) разделен на два — «Тейкоку» и «Дайици». Все эти шесть банков вместе с банками «Номура», «Токай» и некоторыми другими полностью сохранили свои позиции в банковской системе Японии. Более того, они даже усилили их, так как после ликвидации головных держательских компаний функции последних перешли к банкам дзайбацу.

Важной составной частью плана роспуска дзайбацу должна была бы, казалось, явиться «чистка» их аппарата. Необходимость чистки вытекала из принципов, изложенных в Потсдамской декларации и директиве Дальневосточной комиссии № 230. Чистка должна была иметь карательный характер в том смысле, что лицам, затронутым ею, запрещалось занимать определенные посты в экономической или политической сфере. Проведение подобной чистки было запланировано вначале на срок в десять лет. В сфере экономики чистке подлежали члены семей дзайбацу, видные служащие концернов и лица, скомпрометировавшие себя связями с дзайбацу в период с июля 1937 по сентябрь 1945 г. В 1946—1947 гг. до двух тысяч человек были удалены с постов в 187 крупных компаниях. В 1948 г. с принятием закона о мерах по ликвидации контроля над семьями дзайбацу чистке подверглось еще 2798 служащих компаний.

Биссон пишет, что многие члены семей дзайбацу и видные должностные лица концернов, хотя и были удалены с занимаемых ими постов, но, «несомненно, могли продолжать заниматься тем же делом, а также влиять на выбор своих преемников» (стр. 177). Вывод автора основан на том, что «чистка» в области экономики, рассмат-

ривавшаяся как одна из составных частей программы роспуска концернов, существенного влияния на изменение характера экономики не оказала.

Жалкие результаты «чистки» вскоре стали сводиться на нет, так как оккупационные власти приступили к широкому восстановлению во всех правах заинтересованных в этом лиц. Первое массовое восстановление их в правах произошло в октябре 1950 г., а к 20 июня 1951 г. с «экономической чисткой» все было покончено. Ликвидационная комиссия 11 июля 1951 г. отменила даже меры, ранее проведенные по отношению к членам десяти семейств дзайбацу. Тем самым она лишила закон о мерах по ликвидации контроля над семьями дзайбацу всякого содержания, так как лицам, ранее отстраненным от непосредственного ведения дел монополий, вновь было разрешено занять свои прежние посты.

* * *

В главе «Законодательство против трестов» автор уделяет внимание мероприятиям американских оккупационных властей против трестов, когда оккупационными властями были приняты «Антимонопольный закон» и «Закон о промышленных ассоциациях».

Проведение в жизнь обоих законов автор делит на два этапа: начальный, когда формально пресекались наиболее отрицательные виды деятельности монополий, и последующий, когда под нажимом влиятельных американских и японских монополистов оба закона были выхолощены. «Антимонопольный закон» был принят в апреле 1947 г., но уже в 1948—1949 гг. американские и японские дельцы предприняли совместные нападки на него, как и на законы о деконцентрации, о трудовых стандартах, о ликвидации контроля над семьями дзайбацу в основных отраслях промышленности. Были приняты «поправки» ко всем этим законам, которые изменили суть законов в корне. В качестве предлога для поправок к закону против монополий указывалось на то, что он будто бы мешает прогрессу национального восстановления, притоку иностранных капиталовложений и т. п. В действительности же «поправки» подобного рода к закону диктовались желанием заинтересованных американско-японских промышленных кругов избежать каких-либо серьезных ограничений деятельности монополий.

Закон о промышленных ассоциациях был принят еще в июле 1948 г. Он предусматривал запрещение 18 различных видов деятельности, связанных с промышленными ассоциациями. Законом запрещалось оказывать давление на членов ассоциаций, осуществлять контроль над ценами, ограничение торговли, влиять на законодательство и политику правительства и т. д.

Возникшие в период войны так называемые промышленные ассоциации существовали до 1949 г. под названием контрольных ассоциаций. Они занимались распределением сырья между предприятиями и были органами монополий и правительственной бюрократии. Разумеется, они обеспечивали сырьем лишь крупнейшие монополии. Так называемые «общественные» органы — Совет экономической стабилизации и общественные корпорации («кодан»), созданные как бы в противовес этим органам, существенной роли не играли. Штат служащих этих организаций состоял из служащих бывших контрольных ассоциаций. Контрольные ассоциации были ликвидированы в 1949 г., когда отпала необходимость в системе распределения сырья и материалов. Но пока она существовала, контроль оставался в руках «частных ассоциаций», контролируемых дзайбацу.

Биссон пишет, что закон о промышленных ассоциациях был принят парламентом в то время, когда монополии более не нуждались в них как в «деловом механизме». Поэтому законопроект прошел гладко — монополии сопротивления ему не оказывали.

В заключительной главе «Настоящее и будущее» автор, говоря об итогах политики американских оккупационных властей по отношению к японским концернам, характеризует современное положение дзайбацу и делает попытку наметить перспективы их дальнейшего развития.

Подводя итоги политики американских оккупационных властей, автор упомина-

ет о роспуске 25 головных держательских компаний. По его мнению, это привело к «отделению дочерних и связанных с ними компаний от породивших их центров и перераспределению ценных бумаг держательских объединений». Затем он упоминает о изъятии на срок в десять лет богатств 56 членов десяти семейств дзайбацу. Но Биссон тут же отмечает, что к 1952 г. «процесс возрождения концернов шел полным ходом, и ряд прежних деловых объединений появился в знакомой форме». «Если рассматривать эти семьи как группу, — пишет Биссон далее, — то они, несомненно, не восстановят таких позиций, какие они занимали прежде. Если же подходить индивидуально, то здесь нужно сделать известные оговорки. Нет никакой гарантии, что некоторые из этих семей или часть из членов этих семей не смогут вновь занять ведущих позиций. Что же касается концентрации экономической мощи, то новая концентрация заняла место прежней» (стр. 202).

Подтверждением словам Биссона могут служить перераспределение акций ликвидированных или реорганизованных компаний. К концу марта 1951 г. немногим более 8% акционеров располагали более чем 68% всех ценных бумаг, т. е. «перераспределение» оказалось фикцией. Это подтверждают и данные о концентрации производства в японской промышленности. В 1951 г. три компании в тяжелой промышленности выплавляли 96,2% чугуна; производили 50,4% стали в слитках; шесть судостроительных компаний строили 73% судов, а три алюминиевые компании держали в своих руках все производство алюминия и т. п. К середине 1952 г. такое же положение сложилось и в области торговли, в которой господствовало всего лишь девять компаний, причем процесс концентрации в торговом деле продолжается.

Особую роль в период временного замешательства, вызванного маневрами американских властей против трестов, сыграли крупнейшие японские банки. Мероприятия оккупационных властей, как указывалось выше, совершенно не затронули банков. Они осуществляли свою деятельность бесконтрольно, заменив прежние головные держательские компании в качестве центра, вокруг которого концентрировались бывшие дочерние компании дзайбацу. В книге Биссона упоминается о «деловых блоках, образуемых вокруг каждого из шести крупных банков» дзайбацу. Биссон пишет о процессе слияния разукрупненных компаний и превращении их в мощные прежние монополии, т. е. в компании концернов «Мицуй», «Мицубиси», «Сумитомо» и другие. «Та стадия, — пишет Биссон, — которой в начале 1953 г. достигли эти концерны, не означала полного восстановления старой структуры. Все еще не было одного звена. Головная держательская компания — руководящий центр и объединяющая сила старого концерна была все еще запрещена. Но несмотря на то, что ряд звеньев существовал про forma как отдельные компании, они были соединены крепкими связями» (стр. 212—213). Но, если иметь в виду, что роль держательских компаний стали играть банки, то некоторые «неудобства» монополисты обходили без особого труда.

В конце книги Биссон дал ряд приложений, а также четыре схемы структуры концернов «Мицуй», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда».

В приложениях содержатся выдержки из директив оккупационных властей и законов японского парламента о деятельности концернов, тексты законов парламента: «Закон о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи», «Закон о ликвидации контроля семей дзайбацу», список 83 главных держательских компаний, подлежащих роспуску или реорганизации. В приложении № 8 автор дал список реорганизованных концернов и список вновь образованных компаний с указанием размеров капиталов тех и других.

Следует, однако, сказать, что автор рецензируемой книги в довольно неопределенных выражениях пишет об американских монополиях, о их влиянии на политику правительства США по отношению к Японии, в результате чего создается впечатление, что американские оккупационные власти в Японии действовали в значительной мере по своей собственной воле, осуществляя политику лжеограничения дзайбацу.

Большой фактический материал, имеющийся в книге Биссона, и правильные, в основном, выводы автора о лжероспуске дзайбацу в Японии представляют интерес для нашей советской общественности. В этом несомненная ценность исследования Биссона.

Л. Л. Вольное

ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТОВ ЗАПАДА

Среди посвященных Китайской Народной Республике книг, вышедших за последнее время, серьезного внимания заслуживают книги прогрессивного итальянского публициста Феличе Киланти «Китай — часть света» и английского журналиста — корреспондента газеты «Ньюс кроникл» Джеймса Камерона «Красный мандарин. Путешествие за „бамбуковый занавес“»¹.

Феличе Киланти в 1954 г. совершил поездку по Китаю, самую продолжительную, по его словам, из тех, которые были предприняты каким-либо иностранным журналистом за последние двадцать лет. Киланти побывал в Пекине, в Северо-Восточном Китае и в провинциях Великой китайской равнины, в Шанхае и в Ханчжоу («Город Марко Поло»), в Ухане, Чунцине, Чэнду, Кантоне и других местах. Джеймс Камерон — первый лондонский журналист, совершивший поездку в Народный Китай по поручению редакции своей газеты, — проехал в конце 1954 г. шесть тысяч миль по территории КНР. Оба публициста подчеркивают, что им была предоставлена полная свобода передвижения по стране. Они имели возможность наблюдать все, что хотели, разговаривать со всеми, с кем желали. Камерон и Киланти отмечают также, что они располагали полной свободой передачи из КНР любой информации.

Если книга Камерона представляет собой лишь систематизированные путевые заметки, то в книге Киланти имеются разделы, посвященные истории Китая, в том числе истории китайского рабочего движения. Но и книга Киланти является прежде всего свидетельством очевидца. Каждый из журналистов ехал в Китайскую Народную Республику с различными чувствами. Феличе Киланти выражал безоговорочное сочувствие национально-освободительной борьбе китайского народа и его стремлению к социализму. Джеймс Камерон предупреждает читателя, что не имеет ничего общего с коммунизмом и старается подчеркнуть свое критическое отношение к тому, что он видел в новом Китае. Однако сила фактов, собранных Джеймсом Камероном, такова, что во всем главном и существенном он приводит читателя к тем же выводам, что и его итальянский коллега — к восхищению великими историческими достижениями освобожденного китайского народа. Камерон направился в путешествие за «бамбуковый занавес». Но в заголовке книги это выражение не случайно оказалось в кавычках: британский журналист убедился, что никакого занавеса нет и в природе. Более того, Камерон упрекает китайское народное правительство за... чрезмерное гостеприимство, проявляемое им к иностранцам (стр. 65—66).

Авторы рецензируемых книг выражают восхищение экономическими успехами Китайской Народной Республики. Ф. Киланти особо подчеркивает достижение независимости Китая от иностранного капитала, превращение в государственную общенародную собственность промышленных предприятий, ранее принадлежавших империалистам и «четырем семействам». Общую тенденцию преимущественного роста и первенствующую, ведущую роль социалистического уклада Д. Камерон отмечает совершенно правильно. Он приводит данные и о масштабах индустриализации Китая, указывая, что лишь в 1954 г. на развитие народного хозяйства правительство КНР затратило 1,5 млрд. ф. ст., половина из которых была ассигнована на развитие тяжелой индустрии.

¹ F. Chilanti. La Cina, la parte del mondo. Roma. Edizioni di cultura sociale. 1954, 303 p.; J. Cameron. Mandarin Red. A Journey behind the «bamboo curtain». London, 1955, 287 p.

Ни один человек, посетивший Народный Китай, не может пройти мимо исторических преобразований в аграрных отношениях. Феличе Киланти взволнованно рассказывает о земельной реформе, давшей землю трудящимся крестьянам, об их активности в ходе осуществления реформы, проводившейся ими самими при помощью работников, направленных на село коммунистической партией, народным правительством и общественными организациями Китая. Киланти ярко рассказывает о том, как проводились аграрные преобразования на родине Конфуция. Застрельщик реформы здесь выступали родственники знаменитого философа, жившего двадцать пять веков тому назад (стр. 165).

Джеймс Камерон более сдержан, но в сущности он пишет то же самое. Он констатирует, что китайские крестьяне стали неизмеримо счастливее (стр. 163). Камерон проявил большой интерес к кооперативному движению в китайской деревне. Он имел беседу с министром сельского хозяйства КНР о формах кооперативного движения, т. е. группах трудовой взаимопомощи и производственных сельскохозяйственных кооперативах. По словам Камерона, министр сказал ему, что народное правительство принимает меры к максимальному увеличению сельскохозяйственного производства, для чего предпринимает также ирригационные и мелиоративные работы. Работы на китайских реках за четыре года, указывает Киланти, по объему равны десяти панамским и двадцати трем суэцким каналам (стр. 12).

Экономические преобразования в новом Китае сопровождаются подъемом культуры. По-прежнему в Китае стали жить после победы народной революции. Киланти пишет, что в результате профилактических и противоэпидемических мероприятий, проводимых народными властями, смертность детей в Китае значительно сократилась (стр. 11). Камерона, хорошо знающего быт Востока, поражает совершенно изменившийся облик городов и селений страны. Он пишет о большом жилищном строительстве в Китае. В Шанхае уже построено 40 тыс. новых домов (стр. 200). Поражала английского журналиста и чистота населенных пунктов нового Китая (стр. 53). Камерон отмечает рост сети медицинских учреждений, творческое сотрудничество врачей европейской и старокитайской медицинских школ, помощь китайской медицине со стороны советской медицины. Госпиталь Советского Красного Креста в Пекине Камерон называет самым лучшим госпиталем в Азии (стр. 267—268).

Много внимания Камерон уделяет таким новым чертам бытового характера в новом Китае, как ликвидация «ночной жизни» городов, ликвидация проституции. Он подчеркивает высокий уровень нравственности в новом Китае. По словам Камерона, внебрачные связи и супружеская неверность рассматриваются в КНР как проступки уголовного характера, за которые предусматриваются наказания (стр. 54). Первое время после издания нового закона о семье и браке судам пришлось разбирать немало дел о разводах, возбужденных женщинами, которых раньше силой выдали замуж на основе законов гоминьдановского Китая. В настоящее время, пишет Камерон, волна разводов уже спала, создается крепкая образцовая семья (стр. 88). Киланти также подчеркивает, что, начиная с 1953 г., растет число браков, регистрируемых местными органами власти (стр. 84). Он рассказывает о растущей активности домашних хозяек, создающих всюду «комитеты жен», играющие большую роль в общественной жизни.

Камерон и Киланти уделяют большое внимание раскрепощению женщины, осуществленному китайской народной революцией. Они справедливо видят в этом одно из самых важных изменений, происшедших в жизни современного Китая. Киланти перечисляет имена 73-х женщин, находящихся на руководящих правительственных постах (стр. 85), рассказывает о женщинах, занимающих руководящее положение в местных административных и судебных органах. Камерон отмечает, что в КНР для женщин доступны все без исключения профессии и должности (стр. 76). Для девушек и женщин широко открылись двери всех учебных заведений.

Киланти и Камерон с восхищением рассказывают о том, что они видели в школах и вузах Народного Китая. В 1954 г. в КНР было 180 высших учебных заведений.

Камерон подчеркивает серьезное значение абсолютного и относительного роста высшей технической школы. Он посетил известный китайский университет Цинхуа, превращенный фактически в политехнический институт (стр. 258). По мнению Камерона, в этом университете достигнут высокий уровень преподавания и научной работы. В Китае учатся все — дети, молодежь и взрослые люди. Известный всей стране новатор производства Ма Хэн-чан, теперь студент и скоро станет инженером.

Как журналист Камерон интересовался китайскими газетами. Он критикует их, в частности, за недостаточность международной информации, зато отмечает их большую организующую роль в жизни страны и огромную популярность в народе.

Британский журналист восхищается древней китайской оперой и проявляет интерес к сравнительно молодому китайскому драматическому искусству. Камерон беседовал с одним из ведущих китайских драматургов, который, повидимому, пытался разъяснить английскому гостю важность идейного содержания театральных постановок. По словам Камерона, в Шанхае строится театр на 18 тыс. зрителей — крупнейший в мире (стр. 200).

Камерон, в отличие от Киланти, многого не понял в психологии и мировоззрении населения народного Китая. Камерону не понравилось, что все — решительно все, — с кем бы ему ни приходилось разговаривать, выражали чувство благодарности народному правительству, коммунистической партии, председателю Мао Цзэ-дуну. Камерону это кажется «пропагандой».

Журналисты побывали в хуаньском селении — на родине Мао Цзэ-дуна. Они хотели повидать родственников председателя Мао Цзэ-дуна, но их в селеении уже не осталось. Зато они видели, как на родине Мао Цзэ-дуна осуществляются его идеи — растет и крепнет производственный сельскохозяйственный кооператив, развивается культура села. Итальянскому писателю посчастливилось: он встретился со старожилками, знавшими семью Мао Цзэ-дуна. «У прадеда председателя, — рассказал ему один старик, — было пятнадцать му земли. У деда председателя Мао, в доме которого он родился, было семь му земли» (стр. 250).

В книгах иностранных журналистов показано, что органы власти народного Китая тесно связаны с массами. Ф. Киланти дает яркую картину того, как представители народа руководят строительством новой жизни. Он пишет о «власти у околицы» (стр. 26). В Чэнду городской народный орган власти помещается в здании, построенном в 1400 г. Его постоянно посещает множество граждан (стр. 288). Главу о китайском рабочем классе Киланти назвал «Класс-руководитель». Писатель подчеркивает передовую роль рабочего класса в экономической и политической жизни народной республики. Если старшее поколение китайского рабочего класса еще живо помнит страшный гнет империалистов и бюрократического капитала, то молодое поколение рабочих, пришедшее из деревни, хорошо помнит гнет феодалов (стр. 95). Все китайские рабочие прошли большую школу классовой борьбы. Они, указывает Киланти, тесно сплочены вокруг своего авангарда — героической Коммунистической партии Китая.

Д. Камерон в приложении к своим путевым заметкам в общем правильно представил структуру Народного правительства КНР. Вопреки утверждениям многих его коллег, не бывавших в Китайской Народной Республике, он признает, что депутаты собраний народных представителей действительно были избраны всеобщим голосованием (стр. 281). Камерон подчеркивает единство и сплоченность руководящего ядра компартии и правительства КНР. К сожалению, британский журналист, видимо, недооценивает значения Единого национального фронта. Он довольно наивно изображает какую-то иерархию среди руководящих деятелей Китая, пытается рассматривать конституционные полномочия каждого из них по аналогии с институтами буржуазного государственного права, забывая, что во всей деятельности руководителей КНР господствует принцип коллективного руководства.

Авторы обеих книг отмечают чуткое отношение народного правительства к нуждам и запросам национальных меньшинств и религиозных групп. Камерон объясняет это по-своему, считая, что внимание правительства к нуждам религиозных групп вызвано лишь политическими соображениями. Но он тут же опровергает себя, указывая,

что китайской религии как таковой не существует (стр. 106), и что к религиозным группам принадлежит лишь меньшая часть населения. Лондонскому журналисту кажется парадоксальным, что Далай-лама и Панчен-лама входят в состав высших органов власти, что монахи участвуют в патриотических демонстрациях, как кажутся парадоксальными ему и многие подобные факты. Камерон посетил буддийский храм в Пекине, построенный еще в XVII в. Этот храм обветшал при гоминьдановцах и был восстановлен в 1952 г. в былом блеске и красоте за счет народного государства.

Камерон утверждает, что Всекитайская ассоциация буддистов образована по инициативе правительства (стр. 106), в действительности образование ее было делом самих буддистов.

Джеймс Камерон большое внимание уделяет также судебной системе КНР. Он побывал на некоторых процессах и в общем одобрительно отзывается о новых судах. Однако он не понял характерной особенности судебной системы народного Китая — права всех присутствующих на заседании выступать перед судом. Когда при разборе одного уголовного дела он услышал выступление представителя торгово-промышленной ассоциации, он расценил это выступление как нарушение прав суда и нормального порядка рассмотрения дела (стр. 212).

Интересно в книге Камерона описание тюрьмы в Пекине, в которой содержатся политические заключенные (стр. 96). В этой тюрьме находились гоминьдановские шпионы, активные члены контрреволюционных организаций и осужденные помещики-деспоты. По описанию британского журналиста эта тюрьма, собственно, большая текстильная фабрика, на которой заключенные перевоспитываются в труде. Кроме того, среди них проводится большая воспитательная работа. Камеры не запираются, и заключенные общаются между собой. В часы, свободные от работы, они заняты чтением, музыкой, играми и т. д. Начальник тюрьмы сообщил Камерону, что за все время ее существования не было ни одного случая побега или даже попытки к побегу.

Авторы рецензируемых книг, как они пишут об этом сами, почувствовали, что идея перевоспитания людей пронизывает всю деятельность избранного народом правительства. Большое внимание уделяют Киланти и Камерон вопросу о положении и деятельности национальной буржуазии. Киланти пишет, что «существование в Китае класса буржуазии, сотрудничающего с народным правительством, — наиболее интересное и наименее понятное для западного мира явление» (стр. 29). Камерон изумился, когда на грандиозной демонстрации в честь пятилетия Китайской Народной Республики (как он предполагает, самой многолюдной демонстрации в истории человечества!) он увидел колонну представителей буржуазии, шедшую под лозунгами торгово-промышленной ассоциации (стр. 32).

В КНР поощряется деятельность предпринимателей, соблюдающих законы. Вместе с тем китайский народ под руководством коммунистической партии и правительства поднялся против «тигров», т. е. против тех капиталистов, которые незаконно наживались за счет народа и государства, пытались подкупать государственных служащих и стремились получать прибыли выше нормы, дозволенной законом. Борьба против нарушений законности со стороны капиталистов слилась воедино с общенародным движением за режим экономии, против коррупции в государственном аппарате. Это народное движение дало плодотворные результаты. Те же, кто злостно нарушал законы, понесли ответственность перед народом. Киланти описывает в своей книге семь крупных публичных процессов, в ходе которых было установлено, что отдельные капиталисты и подкупленные ими служащие совершили большие преступления против народа и были приговорены к различным мерам наказания — от штрафа до смертной казни, в зависимости от характера злоупотреблений и положения обвиняемых (стр. 63). Нарушители закона подверглись порицанию и со стороны своих коллег, стоящих на позициях поддержки народной власти. Китайская национальная буржуазия, не желая господства иностранного империализма, во время борьбы китайских добровольцев против интервентов в Корее приобрела около тысячи самолетов и до пятисот пушек для китайских народных добровольцев.

Феличе Киланти особо останавливается на настроении и поведении

буржуазной молодежи, которая почти вся обучается в высших учебных заведениях. По его словам, эта молодежь принимает самое активное участие в общественной жизни, поддерживая социалистические преобразования.

Чтобы пояснить читателям, почему в Китае национальная буржуазия в основной массе сотрудничает с государством, которое строит социализм, т. е. подготавливает уничтожение буржуазии как класса, оба публициста приводят интервью с китайскими капиталистами.

В книге Феличе Киланти приводится беседа автора с Ли Цзи-шенем — виднейшим представителем патриотической национальной буржуазии.

Ли Цзи-шень рассказал итальянскому публицисту, как иностранный капитал препятствовал развитию китайской национальной промышленности. Вследствие помех со стороны иностранцев вплоть до 1952 г. китайским промышленникам не удавалось использовать оборудование, закупленное за границей еще в 1882 г. Семья Ли Цзи-шеня в течение десятков лет, до 1929 г., не могла наладить химическое производство, ибо иностранные специалисты отказывались работать на китайских предприятиях. Заводы Ли Цзи-шеня удалось пустить в ход лишь тогда, когда он сам стал специалистом-химиком. Но затем заводы были реквизированы японцами. Победа народной революции открыла перед Ли Цзи-шенем и его семьей возможность нормально вести дела. И другие капиталисты, по словам Ли Цзи-шеня, также восприняли народную революцию как освобождение от иностранного гнета. Ли Цзи-шень сослался, в частности, на выгоду низкой учетной ставки, на сравнительно незначительный размер налогов и на то, что правительством гарантирован определенный уровень прибыли. Ли Цзи-шень сообщил, что он обратился к правительству с просьбой о преобразовании принадлежащих ему двух заводов в смешанные (государственно-капиталистические), считая, что сотрудничество с государством для него выгоднее, чем конкуренция с мощной государственной промышленностью. Ли Цзи-шень отдает себе отчет в том, что при социализме не будет частного капитала и полагает, что если капиталисты будут хорошо организовывать руководство своими предприятиями, то при социализме их используют как специалистов на руководящих хозяйственных постах (стр. 56). Ли добавил также, что все его дети учатся, приобретают специальность и на наследство не рассчитывают.

Джеймс Камерон заявляет, что многих представителей буржуазии китайские власти будто бы «терпят» потому, что эти капиталисты имеют инвестиции за границей. Так, например, текстильный фабрикант У Цзун-хи в Шанхае, отец которого имеет капиталы в Гонконге является владельцем фабрик, на которых работает 20 тыс. рабочих. Но для интервью Камерон выбрал капиталиста, не имеющего инвестиций за границей, — владельца цементных заводов Лю Гун-цзяна. На его заводах работает 11 тыс. рабочих. Лю Гун-цзян особо подчеркнул важность для частного капитала установления твердой валюты в народном Китае. В настоящее время по ходатайству самого Лю Гун-цзяна его предприятия превращены в смешанные; в них уже вложены государственные средства и назначен представитель правительства для наблюдения за ходом производства. Лю Гун-цзян считает, что в настоящих условиях рабочие на заводах работают лучше, трудовых конфликтов не наблюдается. По мнению Лю Гун-цзяна, на положении капиталиста он пробудет еще лет десять, после чего станет простым управляющим, «каким я по существу являюсь и в настоящее время», — добавил он (стр. 197).

Феличе Киланти назвал свою книгу «Китай — часть света» не случайно. Он стремился показать итальянскому читателю, мало знающему о Китайской Народной Республике, насколько важно для всего человечества то, что совершается великим китайским народом. Киланти обнажает всю нелепость мысли о том, что можно «не признавать» народный Китай.

Д. Камерон настроен, видимо, иначе. Он упоминает даже, что с формальной стороны Китайская Народная Республика находится чуть ли не в состоянии войны с Организацией Объединенных Наций, имея в виду, что полное урегулирование корейского вопроса еще не достигнуто. Однако и британский журналист по-своему показы-

вает, что Народный Китай есть часть света, что международные связи Китая все время ширятся и крепнут. В момент приезда Камерона в КНР там находилось 47 делегаций из 26 стран мира (стр. 66).

Камерон много пишет об исключительной популярности в Китае советских граждан, которых китайцы называют «старшими братьями». Британский журналист все же не смог понять до конца суть отношений между советскими и китайскими людьми, понять, что советские специалисты оказывают китайским друзьям бескорыстную помощь и не ставят своей целью приобретение в КНР каких-либо должностей. Цель взаимной помощи стран лагеря мира, демократии и социализма состоит именно в том, чтобы каждая из них могла строить социалистическую экономику. Если Камерон этого и не понял, то приводимыми фактами он все же показал это английскому читателю, представил в общем жизнь Китайской Народной Республики такой, как она есть.

Авторы рецензируемых книг, посетившие народный Китай, несмотря на различие их взглядов и целей путешествия, вернулись на родину и взяли за перо с чувством восхищения перед трудолюбием и творческими способностями великого китайского народа, освобожденного от пут феодализма и империализма. Книги, написанные Феличе Киланти и Джеймсом Камероном, отражающие великие преобразования в народном Китае, представляют собой прогрессивное явление и содержат большой познавательный, интересный материал.

О. А. Артуров

B. CSONGOR. Chinese in the Uighur Script of the T'ang-period. «Acta Orientalia», t. II, fasc. I, p. 73—121.

Известно, какое большое значение для исследователя филологии и истории народов Центральной и Восточной Азии имеет историческая фонетика китайского языка. Только реконструкция древнего чтения китайских иероглифов дает возможность правильно прочесть некитайские имена и географические названия, встречающиеся в китайских исторических сочинениях и документах.

Существуют две основные группы источников, с помощью которых может быть восстановлена фонетическая система китайского языка в различные периоды его истории. Это, с одной стороны, данные самого китайского языка и классической китайской филологии (фонетические словари и таблицы звуков, рифмы китайской поэзии, структура иероглифов, современные китайские диалекты), с другой — записи китайских слов средствами различных некитайских письменностей или китайские транскрипции некитайских слов.

Западноевропейские китаеведы в своих исследованиях по исторической фонетике почти всегда ограничивались использованием первой группы источников. Из некитайских материалов они учитывали только японские и корейские чтения китайских иероглифов, причем рассматривали эти чтения как своего рода «иностранные диалекты» китайского языка. Только Масперо в ряде случаев ссылается на некитайские данные и китайские записи санскритских слов¹.

Проф. Б. Чонгор, исследуя в рецензируемой работе один из источников второй группы — китайские слова в текстах, написанных уйгурским алфавитом², — спра-

¹ Н. Масперо. Le dialecte de Tch'ang-ngan sous les T'ang. «Bulletin de l'École Française de l'Extrême-Orient», 1920, t. XX, № 2.

² Уйгурские тексты, в которых встречаются китайские слова, относятся к весьма различным периодам — от IX до XVII в. н. э. Б. Чонгор использовал лишь те памятники, материалы которых отражают китайское произношение эпохи Тан (618—906 гг. н. э.).

ведливо возражает против пренебрежительного отношения к некитайским источникам. Действительно, из филологических трудов средневекового Китая, из классификации рифм и т. п. мы можем узнать лишь количество и систему звуков китайского языка соответствующих эпох; подлинная же фонетическая природа этих звуков остается неизвестной. Мы можем с достаточной уверенностью определить ее, только выйдя за пределы чисто китайских материалов. К тому же наиболее ранний из дошедших до нас (хотя бы частично) китайских фонетических словарей — «Це-юнь» (601 г. н. э.) рассчитан на то, чтобы охватить все имевшиеся в его время диалекты, поэтому он различает больше слогов, чем существовало в любом из этих диалектов³. Транскрипция же, будь то китайская запись некитайского слова или, наоборот, некитайская транскрипция китайского слова, всегда отражает какое-то определенное, реально существовавшее произношение.

Первой работой, в которой систематически исследован один из некитайских источников для восстановления фонетики определенного китайского диалекта в определенную эпоху, явилась статья А. А. Драгунова о памятниках монгольской квадратной письменности⁴. Спустя некоторое время после ее опубликования в Китае появилась монография Ло Чан-пэй, посвященная другому древнему диалекту⁵. Автор ее основывался главным образом на тибетской транскрипции китайских звуков. А. А. Драгунов и Ло Чан-пэй являются едва ли не единственными предшественниками Б. Чонгора, который описывает фонетические особенности китайского диалекта, отраженного в уйгурских транскрипциях.

Важнейшие особенности этого диалекта, отличающие его от произношения VI—VII вв. н. э., восстановленного Карлгреном⁶, состоят в следующем.

1. Начальные согласные, соответствующие К dz' и z, транскрибируются через ts и s⁷ (например, 罪 К dz'uāi—tsui, sui), хотя в уйгурском алфавите существовала буква z. Очевидно, в УТ произошло уже оглушение звуков dz', z. Выяснить, сохранились ли в этом диалекте другие звонкие носовые согласные звуки, невозможно, так как, за исключением z, звонкие согласные обозначаются в уйгурском алфавите теми же буквами, что и соответствующие глухие, или знаки для глухих и звонких согласных легко смешиваются на письме; однако по аналогии мы можем предполагать, что и другие звонкие согласные китайского языка в УТ потеряли звонкость.

2. Палатализованным переднеязычным взрывным согласным К (t', t', d') в уйгурских транскрипциях соответствует č; например, 新朝 К s'ien t'iaū—sinčāu. Из этого можно заключить, что в УТ эти согласные перешли в шипящие аффрикаты и совпали с ts', ts' или ts, ts' (которые также все передаются через č).

3. Звонким аффрикатам К dz', dz' в уйгурских транскрипциях соответствует не č, а š; например, 大乘 К d'āi dz'č'jəng—taišing. Очевидно, в УТ эти звуки перешли в щелевые.

4. Одной из характерных черт УТ является деназализация носовых начальных согласных. Так, на месте К m- мы находим в транскрипциях b, К ng-⁸ всегда пере-

³ Это обстоятельство подчеркивает в ряде своих работ проф. Ло Чан-пэй.

⁴ А. А. Драгунов. Памятники квадратного письма и древнемандаринский язык. «Известия АН СССР», отд. гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 627—647; № 10, стр. 775—797.

⁵ 羅常培, 唐五代西北方音。國立中央研究院歷史語言研究所單刊甲種之十二 (Ло Чан-пэй. Северо-западные диалекты эпохи Тан и Пяти династий). Пекин, 1933. Эта книга, очевидно, не была известна Б. Чонгору, так же как статьи А. А. Драгунова 1930—1931 гг. не были известны Ло Чан-пэйю.

⁶ В дальнейшем произношение, восстановленное Карлгреном, обозначается буквой К, а диалект, на котором основаны уйгурские транскрипции,— УТ.

⁷ Как и в статье Б. Чонгора, здесь и в дальнейшем вместо букв уйгурского алфавита дается транскрипция.

⁸ В транскрипции, употребляемой Карлгреном, сочетание ng обозначает один звук — заднеязычный носовой.

дается через g, a hz — через z (этот звук записывается буквой z, иногда č или š); например, 戊 К mǎu—bou, 歷日 К liek h'izjēt—legz'ir.

5. Интересную особенность УТ составляет отпадение в ряде случаев конечного гласный -ng, например, 庚 К kəng—qī, 井 К tsjəng—tsii, 大唐 К d'āi d'āng—taito. Со (но без какой бы то ни было ясной закономерности) — после гласных, соответствующих К e, ā, e, и часто щих К ā, a. В остальных случаях (К u, o, ā, ə) -ng сохраняется⁹.

6. Конечный согласный, соответствующий К t-, уйгуры передавали буквой г, назвук, так же как и другие конечные носовые согласные, к VII в. н. э. из смычного превратился в щелевой (δ)¹⁰. Однако в уйгурском языке существовал звук δ (в том числе и в конце слога), и поэтому китайское δ естественнее было бы передавать уйгурским δ, а не г. На этом основании Б. Чонгор считает, что уйгурское г в транскрипциях, несомненно, отражало дрожащий, а не щелевой китайский звук¹¹.

7. В уйгурском алфавите существовали две буквы для обозначения заднеязычных согласных — одна для k(g), другая — для более глубоких γ, q, χ (эти три звука различались на письме с помощью диакритических знаков). Б. Чонгор заметил, что буква k в транскрипциях китайских слов употребляется только для записи йотированных (т. е. имевших после себя j или i) заднеязычных, а буква γ (или q, χ) — для соответствующих «твердых» (не йотированных) звуков: 洛京 К lāk k'jəng—lakji, но 更 К kəng—qī. В то же время в санскритских словах уйгуры обозначали буквой k все заднеязычные носовые согласные (k, kh, g, gh), независимо от характера соседних звуков. К этому можно добавить, что китайцы эпохи Тан обозначали своими не йотированными согласными тюркские q, γ, а йотированными — тюркские k, g, например, q'irqiz — 結骨 К kiet; kuət, но kām — 劍 К k'jəm. Санскритским k, kh, g, gh в китайских транскрипциях всегда соответствовали йотированные заднеязычные, например, kaṅka — 羯磨 К k'jət miā. Итак, между китайскими, тюркскими и санскритскими согласными было следующее соотношение:

кит. k'j=(kj-)—тюркск. k—санскритск. k
кит. k- — тюркск. q.

Йотированные заднеязычные китайского языка приравниваются к тюркским k, g и к санскритским заднеязычным (нейотированным), а китайские «твердые» заднеязычные — к тюркским глубоким заднеязычным γ, q, χ. Очевидно, в китайском языке эпохи Тан, как и в тюркских языках, существовали заднеязычные двойного рода — k, k', g' (перед j и i) и q, q' (в остальных случаях)¹².

Как можно видеть по китайским транскрипциям санскритских слов, различие между k, k', g' и q, q' существовало в китайском языке задолго до эпохи Тан и не ограничивалось каким-нибудь одним диалектом¹³.

⁹ Единственным исключением является слово lu или lü 'дракон' (от китайского 龍 К li'w ong). Это слово встречается и в других языках Центральной Азии (монгольск. луу, тувинск., алтайск. улу). Повидимому, оно было заимствовано уйгурами в другое время и из другого диалекта, чем [остальные китайские слова, рассматриваемые Б. Чонгором. На отсутствие -ng в этом слове (и в других словах с тем же окончанием) в некоторых древнекитайских диалектах указывает японское чтение го-он: giyu ← *liju; ср. чтение кан-он giyo[g]u ← li'w ong. (Японские чтения здесь и в дальнейшем приводятся в транслитерации.)

¹⁰ См., например, Н. Масперо. Указ. соч., стр. 41.

¹¹ О природе этого конечного согласного (К-t) см. также рецензию А. А. Драгунова на статью В. Симона (W. Simon. Tibetisch-chinesische Wortgleichungen. «Orientalische Literaturzeitung», 1931, № 12, S. 1086—1087).

¹² Звонкий заднеязычный согласный встречался только перед j (i), т. е. звонкого, соответствующего звукам q и q', не существовало.

¹³ Масперо предполагает наличие начальных согласных типа q в диалекте У эпохи Тан (см. указ. соч., стр. 13).

Заднеязычные согласные УТ, как отмечает Б. Чонгор, не всегда соответствовали по «мягкости» и «твердости» согласным К. Например, слог 關 K ki^wei передается по-уйгурски küi, а слог 鬼 K kj^wei — qui, хотя в К в первом случае j отсутствует, а во втором — имеется.

Говоря об особенностях произношения УТ, Б. Чонгор указывает, что уйгурские транскрипции китайских слов часто приближаются к японскому чтению китайских иероглифов кан-он. Так, и кан-он, и уйгурские материалы отражают оглушение звонких носовых согласных (罪 K dz' uâi — уйгурск. tsui, sui — кан-он sai) и деназализацию носовых (戍 K m^u; — уйгурск., кан-он bou). При этом явления, общие для УТ и кан-он, не свойственны другому японскому чтению иероглифов — го-он. Очевидно, в основе чтения кан-он и уйгурских транскрипций китайских слов лежал один и тот же древний диалект. Сравнивая далее результаты, полученные Б. Чонгором, с реконструкциями Ло Чан-пэй, основанными на тибетских транскрипциях китайского языка VIII—IX вв., мы и здесь видим почти полное совпадение. Наконец, на некоторые перечисленные выше фонетические явления, свойственные УТ, указывают китайские записи санскритских слов и текстов, принадлежащие Амогхаваджре и его школе¹⁴.

Между этими четырьмя видами материалов (уйгурская и тибетская транскрипции, кан-он и китайская транскрипция санскрита) имеются некоторые расхождения, поэтому Б. Чонгор возводит уйгурские транскрипции и кан-он не к одному, а к нескольким родственным китайским диалектам. Однако расхождения, о которых я упомянул, в значительной степени являются только кажущимися.

Так, Масперо, анализируя транскрипции Амогхаваджры, тибетские транскрипции и кан-он, приходит к выводу, что в исследуемом им диалекте начальные носовые согласные сохранились только в слогах с конечными К-т, -п, -пг, а в остальных случаях деназализовались. По мнению Б. Чонгора, в УТ дело обстоит иначе: из 11 приведенных им слогов с начальными согласными, соответствующими К т, п, четыре (麻萬蜜內) противоречат правилу, установленному Масперо. Однако один из этих слогов — 麻 K ma — является составной частью слова 胡麻 K yuo ma (уйгурск. хума) 'лён', которое, судя по тому, что оно сохранилось и в современном уйгурском языке¹⁵, вероятно, было заимствовано уйгурами иным путем, чем другие китайские слова (ср. сказанное выше относительно слова lu, lü 'дракон'). Слово 萬 K m^wep с начала VII в. имело в качестве начального согласного не губно-губной, а губно-зубной звук, который не китайцы (например, тибетцы¹⁶) никогда не передавали через т. Несколько сложнее обстоит дело с двумя другими слогами. Иероглиф 蜜 K mⁱet в японском языке имеет «обычное чтение» (канъё: он) mitu, не совпадающее ни с кан-он — bitu, ни с го-он — miti. Иероглиф 丙 K piâi обычно читается по-японски pai. Это pai считается за го-он, однако правильное чтение го-он для этого иероглифа должно было бы звучать пе, так как обычно китайскому окончанию К -uâi в го-он соответствует -е. Чтения mitu и pai сохранились с того времени, когда чтение кан-он еще не было нормализовано и «исправлено» японскими учеными по китайским «разрезаниям» (фань-це). Так же как и уйгурская транскрипция, mitu и pai указывают на начальное т- и п- в словах 蜜 и 丙, и, следовательно, несовпадения уйгурских и японских данных в отношении этих слов не наблюдается¹⁷.

Разберем еще один случай расхождения между уйгурскими транскрипциями и кан-он. Мы видели, что в уйгурских записях китайских слов палатализованные переднеязычные взрывные согласные и шипящие аффрикаты одинаково обозначаются бук-

¹⁴ Этот источник используется в «Чанъаньском диалекте» Масперо.

¹⁵ См. С. Е. Малов. Уйгурский язык. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 192.

¹⁶ См. Ло Чан-пэй. Указ. соч., стр. 18.

¹⁷ Правда, в тибетских памятниках слово 丙 транскрибируется 'dei или 'dwe — с начальным 'd (т.е. ⁿd), а не п. Однако мне кажется, что мы имеем здесь дело не с разными диалектами, а с колебанием произношения отдельных слов в одном и том же диалекте.

вой ё. Японцы, напротив, различали эти две группы согласных, передавая их (в чтении кан-он) соответственно своими t и z. Тибетские транскрипции, как и уйгурские, смешивают палатализованные взрывные и аффрикаты, а в китайских транскрипциях санскритских слов, как и в японском чтении иероглифов, они различаются.

Для объяснения этих фактов можно было бы сослаться на то, что источники, различающие обе группы переднеязычных согласных, хронологически предшествуют источникам, где они передаются одинаково¹⁸; можно предположить, что в них представлены две последовательные ступени развития одного и того же диалекта, в котором сначала существовали звуки t', t'', d'', позже развившиеся в аффрикаты. Однако я думаю, что и здесь разные системы транскрипции не указывают на какие-нибудь изменения в китайской фонетике. Известно, что при практической записи слов чужого языка далеко не всегда можно отразить все существующие в этом языке фонетические различия. Например, китайцы в своих транскрипциях русских имен и географических названий одинаково передают звуки ч и т': из двух иероглифов, которые могут служить обозначением слога чу в фамилии Мичурин — 丘 и 秋¹⁹, — первый употребляется также для передачи тю в названии Актюбинск²⁰, а второй — для того же слога в слове Тюмень²¹. Весьма вероятно, что уйгуры и тибетцы, в собственном языке которых не было палатализованных взрывных переднеязычных, на слух путали эти звуки с аффрикатами, в то время как китайцы не только различали эти две группы согласных, но и практически использовали существующее между ними различие при транскрибировании звуков санскрита. У японцев же не было ни палатализованных взрывных согласных, ни аффрикат; первые они заменяли своим t, вторые — z, а палатализацию дополнительно обозначали согласным y.

Некоторые китайские звуки даже в пределах одной и той же группы материалов передаются по-разному. Например, китайский дифтонг К âu может транскрибироваться по-уйгурски как au и как o, а окончание К îâu — как âu, âv, eu, ev. Но этот факт объясняется тем, что уйгуры испытывали затруднения при записи китайских дифтонгов, а вовсе не тем, что разные варианты транскрипции отражают разные китайские диалекты²².

Особенно большая путаница существует в передаче слов с исчезающим конечным -пг. Иногда даже одно и то же слово в одном и том же памятнике транскрибируется то с -пг, то без этого звука. Например, слово 名 K mⁱāng в одном из текстов, исследованных Ло Чан-пэем, записывается в разных местах как meⁱ, mⁱā, me, mⁱ, m^u²³. Но и эти колебания, очевидно, не могут быть объяснены влиянием китайских диалектов, так как каждый отдельный текст должен отражать только один какой-нибудь диалект.

Итак, данные всех перечисленных выше групп — уйгурские, тибетские, японские и санскритские — относятся к одному и тому же диалекту, который был господствующим в эпоху Тан. Несомненно, что на нем говорило население тогдашней сто-

¹⁸ Японское чтение кан-он появилось в начале VIII в.; первая транскрипция букв индийского алфавита, отражающая деназализацию носовых согласных и отпадение конечного -пг, была составлена в 724 г.; памятники, содержащие тибетскую транскрипцию китайских слов, относятся к 763—857 гг.; наконец, первые уйгурские тексты из числа исследованных Б. Чонгором восходят к IX в.

¹⁹ Употребление первого иероглифа в этом слове в настоящее время общепринято; форма со вторым зарегистрирована в словаре Го Цзин-тяня (郭景天。俄華辭典。Го Цзин-тянь. Русско-китайский словарь, 1950). Оба иероглифа одинаково читаются цю.

²⁰ Го Цзин-тянь. Указ. соч.

²¹ Го Цзин-тянь. Указ. соч.

²² Ср. аналогичное явление в русском языке: разные русские звуки в словах клуб, ром, трест соответствуют одному и тому же английскому гласному, но из этого нельзя сделать вывода, что данные три слова были заимствованы из разных английских диалектов.

²³ Ло Чан-пэй. Указ. соч., стр. 42.

лицы Китая — Чанъани, так как обычно именно столичное произношение считается образцовым. Диалект уйгурских транскрипций — это чанъаньский диалект VIII—IX вв. н. э.

Масперо описывает в своем «Чанъаньском диалекте» две фонетические системы: одна относится к VII в. н. э. и в основном совпадает с произношением, которое было реконструировано Карлгреном на основании словаря «Це-юнь», другая — это и есть диалект уйгурских транскрипций. Обе системы он считает двумя этапами развития одного и того же чанъаньского диалекта. Б. Чонгор, напротив, рассматривает произношение «Це-юня» и УТ как два различных диалекта²⁴. И действительно, смена одного произношения другим произошла слишком внезапно, чтобы ее можно было рассматривать как следствие внутреннего развития языка. Как можно видеть из таблиц, приложенных к книге проф. Ли Жуна²⁵, с III по VII в. н. э. при транскрипции санскритских текстов или букв алфавита деванагари китайские буддисты регулярно обозначали слог та иероглифами 摩麼 K tuiâ, а слог ба — иероглифом 婆 K b'uiâ. Последний пример такой транскрипции, приводимый Ли Жуном, относится к 699 г. Но в VIII—IX вв. иероглифы 摩麼 обозначают уже не та, а ба; слог та записывается иероглифом 莽 K tâng (первый пример новой транскрипции у Ли Жуна датируется 724 г.)²⁶. Эти изменения отражают два фонетических явления, свойственных чанъаньскому диалекту эпохи Тан — деназализацию начальных носовых в открытых слогах при сохранении их в слогах с конечным носовым и утрату конечного согласного в окончании K -âng; в чанъаньском диалекте иероглифы 摩麼 и 莽 читались соответственно m'ba и mâ (или mâ ng?). Аналогично этому санскритский слог ha до 699 г. записывался знаками 訶呵 K hâ, а с 724 г. — знаком 賀 K hâ. Возможно, что это изменение связано с оглушением щелевых согласных в чанъаньском диалекте. На такой же быстрый переход от одного китайского произношения к другому указывают и японские источники: Масперо²⁷ отмечает, что в книге «Кодзики» (712 г.) иероглифы, служащие для фонетической записи японских слов, всегда имеют чтение го-он, в то время как в «Нихонги» (720 г.) они во многих случаях имеют чтение кан-он, которое, как мы знаем, отражает все тот же чанъаньский диалект.

Таким образом, стандартное китайское произношение в VII в. и в VIII—IX вв. основывалось на разных диалектах. Примерно через столетие после того, как Чанъань стала столицей империи Тан, старые произносительные нормы были за сравнительно короткий срок заменены столичным диалектом, который и представлен во всех транскрипциях китайских слов VIII—IX вв.

Современный диалект города Сиань²⁸ не является непосредственным продолжением чанъаньского диалекта VIII—IX вв. «Потомков» последнего следует искать среди говоров, до сих пор сохранивших некоторые общие с ним фонетические явления. Так, согласно Карлгреному²⁹, в уездах Синсянь, Вэньшуй и Пинлянь (ныне Линфань) провинции Шаньси начальным m и n других северокитайских диалектов соответствуют со-

²⁴ Существует и третье мнение, согласно которому классификация звуков в словаре «Це-юнь» искусственна и не отражает какой-либо действительно существовавший диалект (это положение обосновывает в ряде своих работ проф. Ло Чан-пэй). Но во всяком случае изменение стандартного китайского произношения между VII и VIII вв. является неопровержимым фактом, который доказывается анализом китайской транскрипции санскритских слов (см. ниже).

²⁵ 李榮。切韻音系 (Ли Жун. Фонетическая система «Це-юня»). [中國科學院語言研究所語言學專刊第四種, 1952, стр. 164.]

²⁶ Для этого периода в книге Ли Жуна приводятся также и несколько примеров прежней традиционной транскрипции.

²⁷ H. Maspero. Указ. соч., стр. 18.

²⁸ Современное название Чанъани.

²⁹ B. Karlgren. Études sur la phonologie chinoise. «Archives d'Études Orientales», vol. 15 : 1. Upsala, 1915, p. 268, 272, 292.

четания mb и nd; в тех же местах, а также в Тайгу и Гуйхуа (ныне Хухе-хото) существует сочетание ng. Ло Чан-пэй³⁰ упоминает, что подобные звуки встречаются и в говорах уездов Аньсай, Яньчуань, Цинцзянь, Убао, Суйдэ и Мичжи в северо-восточной части провинции Шэньси. Исчезновение конечного -ng³¹ в слогах, имевших в эпоху Тан гласные â, a, â, как можно видеть по «Словарю китайских диалектов» Карлгрена³², наблюдается в говорах Тайюаня, Датуня, Синсяня, Тайгу, а частично (т. е. не во всех морфемах) также в говорах Гуйхуа и Вэньшуй. В слогах, имевших окончания ŋeng, jäng, ieng, отпадение конечного согласного наблюдается в немногих, наиболее распространенных в разговорном языке морфемах только в говорах Тайгу и Вэньшуй, например: 井 'колодец — Тайгу, Вэньшуй tsi (пекинск. цзин); 聽 'слушать' — Вэньшуй t'i (пекинск. мин); 明 'ясный' — Вэньшуй mbi (пекинск. мин). В говоре уезда Фэнтай (ныне Цзиньчэн) конечное -ng в указанных окончаниях исчезло в слогах с начальными m, n, например 明. mi. Все это напоминает деназализацию начальных носовых и исчезновение конечного -ng в древнем чанъаньском диалекте (хотя фонетические условия, при которых наблюдаются эти явления, там были несколько иными). Очевидно, чанъаньский диалект и родственные ему говоры были распространены в эпоху Тан на всей территории нынешних провинций Шаньси и Шэньси, но позднее они были вытеснены в ряде местностей (в том числе и в самой Чанъани) другими северокитайскими диалектами. Кроме того, в ряде случаев внутри одного и того же диалекта произошло вытеснение «чанъаньских» форм отдельных слов обычными северокитайскими. Выше уже упоминалось, что в некоторых говорах Шаньси исчезновение конечного -ng имеет место только в словах разговорного языка; прочие слова с теми же древними окончаниями произносятся сейчас с -ng, как в других северных диалектах. Иногда даже одна и та же морфема в разных условиях произносится по-разному. Так, проф. То Му пишет, что в уезде Хэян (в средней части пров. Шэньси, на границе с Шаньси) иероглиф 羊 'баран' (пекинск. ян) читается iang, но в разговорном языке это же слово звучит как уо (без -ng)³³.

Работа проф. Б. Чонгора делает более точным и ясным наше представление о диалектах китайского языка VIII—IX вв. н. э. Заслуга автора состоит в том, что он, исследуя уйгурские материалы, до сих пор не привлекавшиеся систематически для изучения исторической фонетики китайского языка, правильно определил место диалекта уйгурских транскрипций в истории этого языка и четко отграничил его от произношения, отраженного в словаре «Це-юнь».

В заключение мне хотелось бы высказать одно пожелание в связи с формой подачи материала, принятой в статье Б. Чонгора. Уйгурские примеры, на которые ссылается автор, следовало бы, мне кажется, давать не в транскрипции, а в транслитерации (или по крайней мере включить их транслитерацию, наряду с предполагаемым чтением, в таблицу, приложенную к работе). Реконструкция произношения уйгурского слова вследствие несовершенства алфавита часто в некоторой степени остается сомнительной. Например, уйгурские соответствия древнекитайским конечным -r, -k Б. Чонгор везде транскрибирует как b и g(γ), хотя уйгурские буквы, которыми эти звуки записаны, могут обозначать как звонкие, так и глухие согласные. Ссылка на тибетские транскрипции, где те же согласные также передаются через b и g, не решает вопроса, так как, по нормам тибетской графики, буквы r и k в конце слога никогда не пишутся. В тех случаях, когда само уйгурское чтение слова не может считаться абсолютно достоверным, было бы лучше полагаться только на написание слова.

С. Е. Яхонтов

³⁰ Ло Чан-пэй. Указ. соч., стр. 143.

³¹ Речь идет о полном исчезновении носового элемента. Во многих северокитайских диалектах отпадение всех конечных носовых согласных компенсировалось назазацией слогаобразующего гласного, но это — явление сравнительно позднее, не связанное с древним чанъаньским диалектом.

³² B. Karlgren. Указ. соч., т. 15 : 4, 1924, гл. 18. Dictionnaire.

³³ 拓牧。試談中國拼音文字跟方言問題中國語文 (То Му. Китайское фонетическое письмо и вопрос о диалектах), июнь 1953, № 12, стр. 10—11.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

В. Я. Сидихменов. Новый этап социалистических преобразований в Китае . . .	3
Д. Тумур-Очир. Монгольская Народная Республика на пути к социализму . . .	15
Фань Жо-юй. Значение книги Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» для народно-демократической революции в Китае	29
М. С. Капица. Из истории распространения идей марксизма-ленинизма в Китае (1917—1924 гг.)	34
Р. Т. Ахрамович и И. Ф. Белов. Пример добрососедства и дружественного сотрудничества	45
А. М. Шамсутдинов. Национально-освободительная борьба турецкого народа в 1919—1922 гг.	56
К. М. Кулиев и И. Л. Репин. Развитие и подъем социалистической культуры и науки в Туркменской ССР	69

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

А. Е. Бертельс. Трактат по поэтике Вахыда Табризи	77
---	----

СООБЩЕНИЯ

А. Н. Кононов. Столетие Восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955)	83
М. О. Косвен. Первый русский африканист М. Г. Коковцов	91
Е. В. Бунаков. Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в.	96
М. Н. Османов. Из истории литературы народов Хорасана и Мавераннахра VIII—IX вв.	105
Г. Н. Баженов. Корейская Народно-Демократическая Республика на пути восстановления и развития народного хозяйства	119
Ш. Нацагдорж и Н. Ишижамц. Историческая наука в МНР	128
У. Рустамов. Североиндийские княжества и революционный подъем 1905—1908 гг. в Индии	133
В. А. Новикова. «Поричой» — журнал прогрессивных писателей Бенгалии . . .	137
А. А. Смирнов. Современное положение Таиланда	148
А. И. Блинов. К вопросу о существовании австроазиатской семьи языков . . .	153

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Пронин. Дж. Неру. Автобиография	158
Х. И. Кильберг. К изданию избранных трудов академика И. Ю. Крачковского . .	163
А. М. Осипов. Л. Р. Гордон. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947)	166
К. Х. Ханазаров. «Материалы к истории таджикского народа в советский период»	169
В. В. Сикорский. «Современная Индонезия»	175
Л. Л. Вольнов. Т. А. Bisson. Zaibatsu dissolution in Japan	177
О. А. Артуров. Глазами журналистов Запада	184
С. Е. Яхонтов. В. Csongor. Chinese in the Uighur Script of the T'ang-period . .	189

ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Институт востоковедения АН СССР объявляет прием в аспирантуру по следующим специальностям: истории и экономике Африки (со знанием языков — амхарского, суахили, хауса, арабского и др.); средневековой и новой истории Китая; истории Древнего Востока (включая Индию); средневековой истории Индии; древней и средневековой литературе Индии; индонезийской литературе; вьетнамской литературе; коптской филологии.

Прием заявлений с 15 мая по 15 августа 1956 г. Заявления подавать на имя директора Института востоковедения с приложением копии диплома об окончании вуза, рекомендации Ученого совета анкеты, автобиографии, характеристики с места работы, справки о состоянии здоровья, списка печатных работ, двух фотокарточек (6 × 9 и 3 × 4) и реферата по избранной специальности.

Экзамены проводятся по специальности, основам марксизма-ленинизма, западному и восточному языкам с 1-го по 15-ое сентября текущего года.

Адрес Института: Москва, Армянский пер., 2, тел. Б-3-62-82.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),
Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. М. ДЬЯКОВ,
Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. П. ЛУКЬЯНОВА,
А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),
Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУБЕ

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2, Тел. Б-1-61-23

Т-05031. Подписано к печати 25 V 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 6¹/₈
Печ. л. 16,78 + 1 вкл. Уч.-изд. листов 18,3. Заказ 183. Тираж 3450 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер. 10